

Russian-Armenian (Slavonic) University

*Printed by the decision of the
Academic Council of RAU*

V E S T N I K
OF RUSSIAN-ARMENIAN (SLAVONIC) UNIVERSITY
(SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES)

(51)
RAU University Press
No. 4/2024

Российско-Армянский (Славянский) университет

*Печатается по решению
Ученого Совета РАУ*

В Е С Т Н И К

**РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО (СЛАВЯНСКОГО)
УНИВЕРСИТЕТА**

(СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ)

(51)

**Издательство РАУ
№ 4/2024**

Вестник РАУ, № 4. – Ер.: Изд-во РАУ, 2024.– 160 с.

Главный редактор – д.эконом.н., профессор **Сандоян Э.М.**

Заместитель главного редактора: д.филол.н., проф., к.ф.-м.н. **Аветисян П.С.**

Ответственные секретари: к.филол.н., доц. **Саркисян О.Л.**, к.филол.н., доц. **Авакян М.Э.**

Редакционная коллегия

Юридические науки

Т.В. Епифанова – д.э.н., к.ю.н., проф. Кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (Россия).

В.Л. Толстых – д.ю.н., проф. Кафедры международного права МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Лаборатории международно-правовых исследований МГИМО (Россия).

В.М. Баранов – д.ю.н., проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (Россия).

В.В. Ярков – д.ю.н., проф., заведующий Кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

С.С. Аветисян – д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РА, проф. Кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета, судья уголовной палаты Кассационного суда РА.

А.С. Гамбарян – д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РА, заведующий Кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского (Славянского) университета.

Политические науки

М.М. Лебедева – д.п.н., к.псих.н., проф., заведующая Кафедрой мировых политических процессов МГИМО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы (Россия).

С.М. Маркедонов – к.ист.н., доц. Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО, ведущий научный сотрудник Центра Евро-Атлантической безопасности МГИМО, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, главный редактор журнала «Международная аналитика» (Россия).

И.С. Семенов – д.п.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Россия).

И.И. Кузнецов – д.п.н., проф., проф. Кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

С.П. Поцелуев – д.п.н., к.филол.н., доц., проф. Кафедры теоретической и прикладной политологии Института Философии и Социально-политических наук Южного-Федерального университета (Россия).

А.П. Енгоян – д.полит.н., проф., проф. Кафедры политологии Ереванского государственного университета.

Экономические науки

А.А. Широ – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия).

А.К. Моисеев – д.э.н., исследователь Междисциплинарного исследовательского центра кибербезопасности им. Блаватника Тель-Авивского университета.

М.А. Абрамова – д.э.н., проф., руководитель Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ (Россия).

М.Ю. Головин – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Россия).

С.А. Кристиневич – д.э.н., доц. Кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ) (Белоруссия).

А.М. Суварян – д.э.н., проф., заведующий Кафедрой управления и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета.

М.А. Восканян – д.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета.

И.Б. Петросян – к.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского (Славянского) университета.

Филологические науки

А.К. Егиазарян – д.филол.н., проф., проф. Кафедры армянского языка и литературы Российско-Армянского (Славянского) университета.

А.А. Симонян – д.филол.н., проф., заведующая Кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета.

К.С. Акопян – к.филол.н., доц., заведующий Кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета.

Л.С. Меликсетян – к.филол.н., проф., заведующая Кафедрой русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского (Славянского) университета.

С.Т. Золян – д.филол.н., проф.

Н.В. Поплавская – к.филол.н., доцент Кафедры массовых коммуникаций РУДН, заместитель декана филологического факультета по международной деятельности РУДН, руководитель образовательных программ “Multimedia journalism”, “Global and digital media” РУДН (Россия).

И.С. Леонов – д.филол.н., проф. Кафедры мировой литературы Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Россия).

Исторические науки

Е.Г. Маргарян – д.ист.н., проф., директор Института международных отношений и общественно-политических наук Российско-Армянского (Славянского) университета.

А.А. Мелконян – д.ист.н., проф., академик НАН РА, директор Института истории НАН РА.

Психологические науки

А.С. Берберян – д.псих.н., проф., заведующая Кафедрой психологии Российско-Армянского (Славянского) университета.

О.А. Корнилова – д.псих.н., доц., первый заместитель директора, проф. Кафедры педагогической и прикладной психологии Самарского филиала ГГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Россия).

Философские науки

Г.Э. Галикян – к.филос.н., доц., заведующий Кафедрой философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

С.Г. Оганесян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

Р.З. Джиджян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии и логики Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна.

Востоковедение

Е.И. Зелнев – д.и.н., проф., директор Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург (Россия).

Г.С. Асатрян – д.филол.н., проф., директор Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета.

В.А. Аракелова – к.и.н., проф. Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета.

Журнал основан в 2003 году и входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

Российско-Армянский (Славянский) университет, 2024г.

ISSN 1829-0450

© Издательство РАУ, 2024

Vestnik of the RAU, No. 4. – Yer.: RAU Publishing House, 2024. – 160 p.

Editor-in-Chief: Doctor of Economics, Professor **Sandoyan E.M.**

Deputy Chief Editor: Doctor of Philosophy, Professor, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, **Avetisyan P.S.**

Responsible Secretaries: Candidate of Philosophy, Associate Professor, **Sarkisyan O.L.**, Candidate of Philology, Associate Professor, **Avakyan M.E.**

Editorial Team

Legal Sciences

T.V. Epifanova – Doctor of Economics, Candidate of Juridical Sciences, Professor. Chair of Civil Law, Rostov State Economic University (RINH) (Russia).

V.L. Tolstyh – Doctor of Juridical Sciences, Professor. Chair of International Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Chief Researcher at the Laboratory of International Legal Studies, MGIMO (Russia).

V.M. Baranov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Chief of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Innovative Development of Scientific Activities, President of the Nizhny Novgorod Research and Applied Center “Legal Technology” (Russia).

V.V. Yarkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Russia).

S.S. Avetisyan – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law at the Russian-Armenian (Slavonic) University, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia.

A.S. Gambaryan – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Head of the Department of Legal Theory and Constitutional Law at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Political sciences

M.M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of World Political Processes at MGIMO (Moscow State Institute of International Relations), Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education (Russia).

S.M. Markedonov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia at MGIMO, Senior Researcher at the Center for Euro-Atlantic Security at MGIMO, Senior Researcher at the Institute of International Studies at MGIMO, Chief Editor of the journal “International Analytics” (Russia).

I.S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Research at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences (Russia).

I.I. Kuznetsov – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University (Russia).

S.P. Potseluev – Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Social-Political Sciences, Southern Federal University (Russia).

A.P. Engoyan – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Political Science, Yerevan State University.

Economic Sciences

A.A. Shirov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia).

A.K. Moiseev – Doctor of Economics, researcher in Blavatnik Interdisciplinary Cyber Research Center (ICRC), Tel Aviv University.

M.A. Abramova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Financial Markets at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia).

M.Yu. Golovnin – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia).

S.A. Kristinevich – Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory, Belarusian State Economic University (BSEU) (Belarus).

A.M. Suvaryan – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management and Business at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

M.A. Voskanyan – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Finance at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

I.B. Petrosyan – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Issues of the Economy in the Transitional Period at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Philological sciences

A.K. Eghiazaryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor at the Department of Armenian Language and Literature, Russian-Armenian (Slavonic) University.

A.A. Simonyan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Language Theory and Intercultural Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University.

K.S. Akopyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University.

L.S. Meliksetyan – Candidate of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian and World Literature and Culture, Russian-Armenian (Slavonic) University.

S.T. Zolyan – Doctor of Philological Sciences, Professor.

N.V. Poplavskaya – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Mass Communications, RUDN University, Deputy Dean of the Philological Faculty for International Activities at RUDN, Head of Educational Programs “Multimedia Journalism”, “Global and Digital Media” at RUDN (Russia).

I.S. Leonov – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of World Literature at the State Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin (Russia).

Historical Sciences

E.G. Margaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

A.A. Melkonyan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Armenia (NAS RA), Director of the Institute of History at NAS RA.

Psychological Sciences

A.S. Berberyan – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

O.A. Kornilova – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, First Deputy Director, Professor at the Department of Pedagogical and Applied Psychology, Samara Branch of the Moscow City Pedagogical University (Russia).

Philosophical Sciences

G.E. Galikyan – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

S.G. Oganesyanyan – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

R.Z. Djidjyan – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy and Logic at the Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan.

Oriental Studies

E.I. Zelenev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies and African Studies at the National Research University Higher School of Economics (HSE), Saint Petersburg (Russia).

G.S. Asatryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

V.A. Arakelova – Candidate of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

The journal founded in 2003 is included in the list of periodicals registered by HAC RA and RSCI

Russian-Armenian (Slavonic) University, 2024

ISSN 1829-0450

© RAU University Press, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

Тавадян Аг.А., Тавадян Э.А. Парадокс налоговых поступлений: вызовы и перспективы налоговой политики Армении	12
Манукян И.К. Анализ “RO-MD” как уникального трансграничного кластера МСП Республики Молдова	25
Мелконян Г.А. Сравнительный анализ механизмов управления активами пенсионных фондов в странах ОЭСР и Армении	37

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тер-Варданян А.А. Анализ видов демократии и ее определяющей субстанции по Аристотелю	60
Маргарян Н.И. Политическое измерение транспортно-логистической системы государства	79

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Тунян А.А. Основные вопросы ответственности интернет-провайдера за нарушение авторских прав	98
Аршакян М.А. Стандарт полной защиты и безопасности во время вооружённых конфликтов	110

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Сандоян Э.М., Восканян М.А., Степанян И.К. Исследование рабочего времени учебно-вспомогательного персонала институтов Российско-Армянского университета	123
Габриелян А.С. Роль учителя в реализации интегрированного учебного плана	133

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Саркисян Р.А. Притча о блудном сыне и архетип «блудный сын» в романах Дины Рубиной	143
---	-----

CONTENTS

ECONOMICS

- Tavadyan Ag., Tavadyan E.** The paradox of tax revenues: challenges and prospects for Armenia's tax policy12
- Manukyan I.** Analysis of the “RO-MD” as a unique cross-border SMES cluster of the Republic of Moldova25
- Melkonyan G.** Comparative analysis of pension funds asset management mechanisms in OECD countries and Armenia37

POLITICAL SCIENCE AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Ter-Vardanyan A.** Analysis of types of democracy and its determining substance according to Aristotle60
- Margaryan N.** Political dimension of the transport-logistic system of the state..79

JURISPRUDENCE

- Tunyan A.** Main issues of Internet Service Provider's liability for copyright infringement98
- Arshakyan M.** Full Protection and Security standard in times of armed conflicts 110

PROBLEMS OF EDUCATION

- Sandoyan E., Voskanyan M., Stepanyan I.** Research on working hours of educational and support staff at the Russian-Armenian University123
- Gabrielyan A.** Teacher’s role in implementing integrated curriculum133

LITERARY STUDIES

- Sargsyan R.** The parable of the prodigal son and the archetype of the “prodigal son” in the novels of Dina Rubina.....143

ЭКОНОМИКА

DOI 10.24412/1829-0450-2024-4-12-24
УДК 336.221:330.35(479.25)

Поступила: 21.10.2024г.
Сдана на рецензию: 09.11.2024г.
Подписана к печати: 20.01.2025г.

ПАРАДОКС НАЛОГОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ АРМЕНИИ

А.А. Тавадян¹, Э.А. Тавадян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
a.tavadyan@gmail.com, emma.tavadyan@rau.am
ORCID¹:0000-0002-1644-6205*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлен анализ парадоксальной ситуации в налоговой политике Армении за период 2018–2024гг. Здесь раскрываются неожиданные последствия стратегии правительства, сделавшего рост налоговых поступлений ключевым показателем эффективности. Используя инновационные методы статистического и сравнительного анализа, работа демонстрирует, как казавшийся успешным подход к увеличению налоговых сборов начал создавать препятствия для устойчивого экономического роста.

Авторами выявляются потенциальные риски существующей модели налогообложения, представляя необходимость и пути налоговых реформ. В работе показана взаимосвязь между фискальной политикой и экономическим ростом. Предложенные авторами подходы анализа налоговых поступлений могут быть применены не только в Армении, но и в других странах с переходной экономикой.

Ключевые слова: налоговая политика, экономический рост, Армения, налоговые поступления, фискальная политика.

1. Введение

За последние годы налоговая система Армении претерпела существенные изменения. С 2018 года рост налоговых поступлений стал одним из основных показателей эффективности деятельности правительства. Этот подход, первоначально приносивший положительные результаты, теперь начал приводить к ряду проблем. Правительство Армении фактически сделало сбор налогов ключевым показателем эффективности (КПИ), по которому оценивается его деятельность.

Для понимания контекста этих изменений необходимо рассмотреть общую экономическую ситуацию в Армении. После «Бархатной революции» 2018 года страна столкнулась с необходимостью реформирования экономики и противодействия коррупции. В этот период наблюдался значительный экономический рост: ВВП Армении в 2019 году вырос на 7,6% [9]. Однако глобальная пандемия COVID-19 и Арцахская война 2020 года оказали серьезное негативное влияние на экономику страны. В 2020 году ВВП Армении сократился на 7,2% [10]. В последующие годы экономика начала восстанавливаться, но страна все еще сталкивается с рядом экономических вызовов, включая высокий уровень государственного долга, зависимость от денежных переводов из-за рубежа и необходимость диверсификации экономики.

В данной статье мы рассмотрим, как применяемый подход к налоговой политике повлиял на экономику Армении, и какие последствия это может иметь в будущем. Особое внимание уделено анализу динамики налоговых поступлений, изменениям в структуре различных видов налогов и их влиянию на экономический рост страны.

Методология исследования основана на комплексном подходе, сочетающем количественные и качественные методы анализа. Мы использовали статистические данные о налоговых поступлениях и экономических показателях Армении за период 2018–2024гг., проводя их сравнительный анализ. Кроме того, мы проанализировали литературу по теме налоговой политики и экономического роста.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что налоговая политика является одним из ключевых инструментов государственного регулирования экономики. От ее эффективности зависит не только наполнение государственного бюджета, но и общее состояние деловой среды, инвестиционная привлекательность страны и, в конечном итоге, благосостояние граждан.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении понимания взаимосвязи между налоговой политикой и экономическим ростом в контексте переходной экономики. *Практическая значимость* исследования состоит в разработке метода оценки воздействия налоговой политики Армении на экономический рост. Результаты нашего исследования могут быть использованы для анализа влияния налоговой политики на экономику не только Армении, но и других стран с аналогичными экономическими условиями.

Цель нашего исследования – проанализировать влияние текущей налоговой политики Армении на экономический рост страны и выявить потенциальные риски и возможности для дальнейшего развития. Мы также попытались оценить, насколько устойчива текущая модель увеличения налоговых поступлений и представить, какие альтернативные подходы могут быть рассмотрены для обеспечения долгосрочного экономического роста.

2. Обзор литературы

Вопрос влияния налоговой политики на экономический рост является актуальным для стран с переходной экономикой, особенно для постсоветских государств. Ряд исследований последних лет позволяет сформировать комплексное представление о данной проблеме в контексте Армении и схожих экономик.

Исследование влияния фискальной политики на экономический рост Армении показывает, что существующая фискальная политика не в полной мере способствует устойчивому экономическому росту и требует корректировки [1]. В свою очередь, исследование Э. Сандояна и Г. Петросяна о влиянии отмены налога на прибыль в Армении демонстрирует потенциальные эффекты реформирования прямого налогообложения [2].

Анализ роли налоговой системы и ее администрирования в содействии экономическому росту Армении выявил, что наибольшее влияние на соотношение налоговых поступлений к ВВП оказывают изменения в подоходном налоге, за которым следуют акцизы и корпоративный налог [3].

Исследование влияния налогообложения на экономический рост и барьеров для эффективного налогообложения в Армении выявило ряд препятствий, включая коррупцию, бюджетный дефицит, высокий уровень миграции и безработицы, которые мешают эффективной работе налоговой системы [4].

Структурный анализ влияния налоговой системы на экономический рост в Республике Армения показал положительное влияние косвенных налогов и отрицательное влияние прямых налогов на экономический рост [5].

Анализ налогообложения и экономической эффективности в Армении показал, что армянская экономика представляет сложную среду для количественного анализа налоговой политики из-за ограниченности данных и множества источников неэффективности в налоговой системе [6].

Исследование экономических реформ в Армении после десятилетия преобразований выявило позитивные изменения экономических показателей страны, несмотря на географическую изоляцию и торговые блокады [7].

Рассмотрение фискальной политики Республики Армения как инструмента макроэкономического регулирования экономики подчеркивает необходимость модернизации фискальной системы как неотъемлемой части финансовой политики [8].

Недавние исследования анализируют «экономическое чудо» Армении и изучают скрытые аспекты экономического развития страны, рассматривая движение капитала от притока к оттоку [9, 10].

Более глубокий анализ взаимодействия фискальной и монетарной политики в Армении показал отсутствие эффективной координации регуляторных механизмов, что негативно влияет на темпы экономического роста [11]. В данном контексте, особый интерес представляет исследование взаимосвязи

налоговых реформ и развития рынка капитала в Армении, которое выявило значимую корреляцию между прямыми налогами и развитием финансового сектора через механизмы теневой экономики [12].

Комплексный анализ драйверов экономического роста в Армении за последние 30 лет, проведенный Э.М. Сандояном, А.Б. Егиазарян, М.А. Восканян, А.Г. Галстян [13], демонстрирует, что современное макроэкономическое регулирование можно считать неэффективным, что негативно сказывается на темпах экономического роста. Это подтверждается исследованием влияния валютного регулирования на экспортный потенциал страны [14], которое показало, что Армения не может максимально использовать свои экспортные возможности из-за неконкурентоспособного обменного курса национальной валюты, что, в свою очередь, влияет на налоговые поступления и экономический рост. В контексте стран с переходной экономикой особую важность приобретает модернизация финансового посредничества [15], которая напрямую связана с эффективностью налоговой системы и её влиянием на реальный сектор экономики.

Проведенный анализ литературы определил ключевые направления и методологические подходы для нашего исследования. В частности, выявленная в работах [16], [17], [18], [19] необходимость комплексного анализа налоговой системы обусловила использование нами методов временных рядов и сравнительного анализа. Отмеченная исследователями [20], [21] важность макроэкономического контекста определила включение в методологию анализа взаимосвязей экономических показателей. Более того, выводы работ [22], [23] о движении капитала подчеркнули необходимость детального изучения нормативно-правовой базы для понимания институциональных факторов, влияющих на налоговую политику.

3. Методология и материалы

Для обеспечения валидности результатов исследования были предприняты следующие меры. Во-первых, достоверность данных обеспечивается использованием официальной статистики Комитета государственных доходов и Национальной статистической службы Армении. Во-вторых, для повышения надежности анализа сопоставлялась информация из различных источников, включая данные международных организаций. Валидность исследования также обеспечивается использованием проверенных методологических подходов и инструментов анализа.

В данном исследовании мы использовали комплексный подход к анализу влияния налоговой политики на экономический рост Армении. Наша методология включает в себя несколько ключевых компонентов:

Анализ временных рядов. Мы провели детальный анализ временных рядов налоговых поступлений и экономических показателей Армении за период 2018–2024гг. Этот анализ позволил нам выявить тенденции и закономерности в динамике налоговых поступлений и их связь с экономическим ростом.

Сравнительный анализ. Мы сравнили налоговую политику Армении с политикой других стран с переходной экономикой, особенно постсоветских государств. Это помогло выявить уникальные особенности армянской налоговой системы и оценить ее эффективность в сравнительной перспективе.

Анализ нормативно-правовой базы. Мы провели тщательный анализ изменений в налоговом законодательстве Армении за исследуемый период, что позволило нам оценить влияние правовых реформ на экономические показатели.

Анализ взаимосвязей экономических показателей. Для представления степени влияния различных видов налогов на экономический рост мы проанализировали их динамику. Это позволило нам оценить взаимосвязь между налоговыми поступлениями и экономическим ростом.

Для проведения анализа мы опирались на данные из следующих источников:

- Комитет государственных доходов Армении;
- Национальная статистическая служба Республики Армения;
- Центральный банк Армении;
- Отчеты международных организаций (МВФ, Всемирный банк, ОЭСР);
- Научные публикации и исследования по теме налоговой политики и экономического роста

Использование этих методов и источников данных позволило нам провести всесторонний анализ влияния налоговой политики на экономический рост Армении, учитывая, как количественные, так и качественные аспекты этого сложного взаимодействия.

4. Результаты

4.1. Тенденции налоговых поступлений (2018–2024гг.)

Из первого Рисунка видно, что темпы роста налоговых поступлений Армении достаточно высокие. По официальным данным, с июня 2018 года по июнь 2024 года налоговые поступления увеличились с 1208,97 млрд. до 2306,05 млрд. др., рост составляет 90,7%. Следует отметить, что только в 2020 году из-за пандемии и 44-дневной войны зафиксировано снижение на 6,3%. Несмотря на это снижение, среднегодовой рост в 2018–2024гг. составил 15,7%, что значительно выше среднего роста в 7,2% в 2014–2017гг.

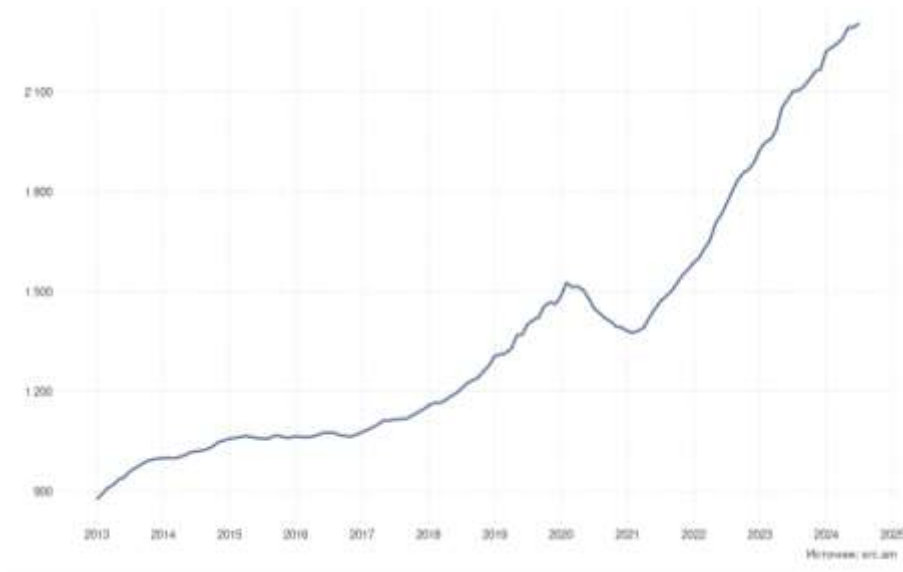

Рисунок 1. Совокупные налоговые доходы Армении, млрд. драм., в 12-месячном (годовом) разрезе¹.

Однако последние данные свидетельствуют о том, что темпы роста замедляются. В первом полугодии 2024 года, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, налоговые поступления выросли всего на 6,4%. Это значительное снижение по сравнению с двузначным ростом в предыдущие годы. Такая тенденция объясняется несколькими факторами, о которых мы скажем в следующей части.

Уже со второго квартала 2023 года наблюдается замедление роста собираемости налогов. Во втором квартале 2023 года рост собираемости налогов составил 15,2% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, что по-прежнему представляет собой двузначный рост, но значительно ниже рекордного темпа роста в 26%, зафиксированного в первом квартале 2022 года. В первом же квартале 2024 года темп роста годовых сборов налогов составил 6,4%, что отражает состояние реальной экономики и возможность определенного экономического спада.

Следует отметить, что на рост номинальных налоговых поступлений определенное влияние оказала инфляция в рассматриваемый период. Однако даже с учетом инфляционного фактора реальный рост налоговых поступлений остается значительным, что подтверждается увеличением доли налого-

¹ Составлено авторами.

вых доходов в ВВП. Это указывает на то, что основной причиной роста налоговых поступлений являются именно изменения в налоговой политике и администрировании.

4.2. Анализ видов налогов

Чтобы полностью понять общую картину налоговых поступлений, необходимо изучить динамику отдельных видов налогов. Второй Рисунок показывает, что разные виды налогов демонстрируют различные тенденции.

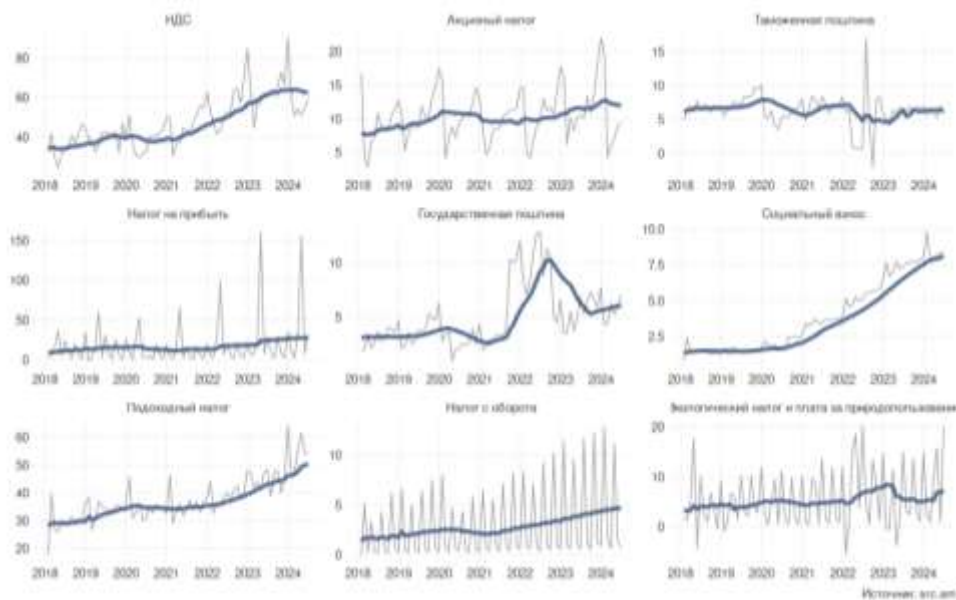

Рисунок 2. Доходы, контролируемые Комитетом государственных доходов РА, млрд. драм.²

Косвенные налоги, особенно НДС и акцизный сбор, продемонстрировали заметное снижение уровня собираемости. Темпы роста собираемости налогов замедляются. Это вызывает беспокойство, поскольку косвенные налоги обычно отражают экономическую деятельность и потребление.

При сравнении с прошлым годом, косвенные налоги сократились довольно незначительно. Из основных видов собираемых налогов не снизился только подоходный налог. Поступление других налогов: налога на прибыль, налога с оборота, налога на добавленную стоимость, таможенной пошлины – снизилось.

² Составлено авторами.

Подходный налог по-прежнему демонстрирует тенденцию к росту, но темпы роста стабилизировались. Это может указывать на замедление роста заработной платы или замедление создания рабочих мест.

Снижение налога на прибыль отражает основные проблемы в стране, в частности, «бегство капитала». Следует также отметить, что применяемая в 2021–2022 гг. специальная экспортная пошлина на медную руду, которую можно увидеть на третьей диаграмме, проявляется в резком увеличении и снижении госпошлины.

С ноября 2023 года по май 2024 года Армения стала основной страной транзита российского золота. По оценке экспертов, за первые 3 месяца 2024 года 88,4% экспорта золота из России прошло через Армению [24]. За этот период драгоценные и полудрагоценные камни и металлы составили 76% общего экспорта Армении [25].

Проблема заключается в том, что большое количество золота, составляющее миллиарды долларов, которое прошло через территорию Армении с декабря 2023 года по май 2024 года и обеспечило экономический рост последнего периода, уже останавливается. Хотя государство также имело опреде-

³ Составлено авторами.

ленные доходы от этого транзита, однако это вызывает тревогу. Данная чрезвычайная ситуация стала временным стимулом для экономики Армении, но, в то же время, замаскировала проблемы в других отраслях экономики. Объемы традиционных экспортных товаров фактически сократились, что вызывает беспокойство с точки зрения долгосрочного экономического роста.

5. Налоговая политика Армении и ее последствия

Подход правительства, рассматривающий сбор налогов как ключевой показатель эффективности (KPI), первоначально дал положительные результаты. Этот метод работал в 2018, 2019 и 2020 годах, когда достаточно большое количество организаций вышло из тени и начало платить налог на прибыль.

Однако сейчас такой подход начал приводить к непредвиденным последствиям. Правительство, стремясь обеспечить дальнейший рост налоговых поступлений, прибегает к введению новых видов налогов или повышению существующих налоговых ставок.

Например, обсуждается возможность повторного налогообложения подоходного налога, возвращаемого гражданам по ипотечным кредитам. С 2025 года налог с оборота вырастет с 5 до 10%, а налоговые льготы, предоставляемые ИТ-сфере, постепенно ликвидируются. Часть налоговых льгот, предусмотренных для стимулирования развития ИТ-сектора, была отменена в начале 2024 года, другая часть будет отменена в начале 2025 года.

Однако такой подход может иметь и отрицательные последствия. Популярное в экономике понятие кривой Лаффера показывает, что непрерывное увеличение налогового бремени после определенного момента может привести к снижению налоговых поступлений [26], [27], [28]. Это может произойти потому, что высокие налоги могут стимулировать теневую экономику или снижать экономическую активность.

Как видно из Графиков 2 и 3, темпы роста основных видов налогов существенно снижаются. Эта тенденция выражается главным образом в росте собираемости НДС, рост которого, по последним данным, уже отрицательный. Это показывает, что количество зарегистрированных сделок в экономике снизилось, что может быть связано с тем, что реальная экономика сокращается, или с уходом бизнесменов в теневое поле.

6. Ограничения и направления будущих исследований

В рамках данного исследования мы сфокусировались на анализе парадокса использования роста налоговых поступлений как ключевого показателя эффективности правительства. Однако существует ряд важных аспектов, которые требуют дополнительного изучения для более полного понимания взаимосвязи между налоговой политикой и экономическим ростом в Армении.

Во-первых, влияние инфляционных процессов на динамику налоговых поступлений требует отдельного детального исследования. Хотя мы отметили влияние инфляции на номинальный рост налоговых поступлений, более глубокий анализ взаимосвязи между инфляцией, реальными налоговыми поступлениями и экономическим ростом может дать дополнительное понимание эффективности налоговой политики.

Во-вторых, структурные сдвиги в экономике Армении и их влияние на композицию налоговых поступлений представляют собой отдельное направление для исследования. Особый интерес представляет анализ влияния изменений в структуре экономики на соотношение прямых и косвенных налогов, а также на общую налоговую нагрузку в различных секторах экономики.

В-третьих, взаимосвязь между государственным долгом и налоговыми поступлениями требует дополнительного изучения, особенно в контексте долгосрочной устойчивости фискальной политики. Будущие исследования могли бы сосредоточиться на анализе того, как стратегия увеличения налоговых поступлений влияет на динамику государственного долга и общую макроэкономическую стабильность.

Кроме того, сравнительный анализ опыта других стран с переходной экономикой в использовании налоговых показателей как КРІ мог бы предоставить дополнительные *insights* для формирования более эффективной налоговой политики в Армении.

7. Заключение

Текущая налоговая политика оказывает существенное влияние на экономику Армении. Подход, рассматривающий сбор налогов как ключевой показатель эффективности (КРІ) правительства, который первоначально давал положительные результаты, теперь начал приводить к непредвиденным последствиям.

Замедление темпов роста налоговых поступлений, снижение собираемости косвенных налогов и отток капитала указывают на необходимость пересмотра текущей налоговой политики. Введение новых налогов или повышение существующих налоговых ставок может обеспечить дополнительные доходы в краткосрочной перспективе, но может препятствовать экономическому росту и привлечению инвестиций в долгосрочной перспективе.

Особенно важно уделить внимание таким стратегическим направлениям, как ИТ-сектор. Отмена налоговых льгот может привести к оттоку специалистов и снижению конкурентоспособности отрасли.

Для обеспечения устойчивого экономического роста необходимо разработать более сбалансированную налоговую политику. Она должна быть направлена не только на увеличение налоговых поступлений, но и на улучшение бизнес-среды, стимулирование инвестиций и диверсификацию экономики.

Необходимо также учитывать внешние факторы – такие, как транзит капитала, а затем и золота из России, что временно улучшило экономические показатели. Однако такие внешние факторы не должны отвлекать внимание от необходимости долгосрочного устойчивого развития.

Важно продолжать следить за эффективностью налоговой системы и гибко реагировать на изменение экономической ситуации. Только таким образом Армения сможет преодолеть текущие вызовы и обеспечить долгосрочный экономический рост и процветание.

ԼԻՏԵՐԱՏՄՐԱ

1. *Voskanyan M.* Measuring The Impact of Fiscal Policy on the Economic Growth of Armenia. Народностопански архив, 1, 2024.
2. *Տանդոյան Յ.Մ., Սետրոսյան Գ.Գ.* Последствия отмены налога на прибыль в Республике Армения. Финансы: теория и практика, 23(1), 2019. СС. 96–105.
3. *Արությունյան Վ.Լ., Արությունյան Կ.Վ.* Роль налоговой системы и ее администрирования в содействии экономическому росту в Армении. Региональные проблемы преобразования экономики, 8(70), 2016. СС. 117–122.
4. *Ohanyan L.* A Study of the Impact of Taxation on Economic Growth and Barriers to Effective Taxation in Armenia. American University of Armenia, 2016.
5. *Margaryan A.* Structural Impacts of the Tax System on the Economic Growth in the Republic of Armenia. Messenger of ASUE, 2023.
6. *Light M.K., Rutherford T.F.* Taxation and economic efficiency in Armenia. Yerevan: World Bank, 2004.
7. *Gelbard E., McHugh J., Iradian G., Beddies C., Redifer L.* Growth and Poverty Reduction in Armenia, Achievements and Challenges. International Monetary Fund, 2005.
8. *Manucharyan M.* The Fiscal Policy of the Republic of Armenia as a Tool for Macroeconomic Regulation of the Economy. Economics, Finance and Accounting, 2023.
9. *Թավադյանյան Աղ.Ս.* Կապիտալի ներհոսքից մինչև արտահոսք. Հայաստանի տնտեսական հրաշքի ներքին խնամարար: Tvyal.com, 2024. URL: https://www.tvyal.com/newsletter/2024/2024_09_16
10. *Թավադյանյան Աղ. Ս.* (2024). Քողարկված անկում. Բնչո՞վ է ապրում Հայաստանի տնտեսությունը: Tvyal.com, 2024. https://www.tvyal.com/newsletter/2024/2024_09_30
11. *Վոսկանյան Մ.Ա., Սարոյան Լ.Վ.* Координация фискального и монетарного регулирования в Армении. Финансы: теория и практика, 24 (1), 2020. СС. 105–118.
12. *Սանդոյան Յ., Մխիթարյան Ս., Սահակյան Ս.* Հարկային բարեփոխումները որպես կապիտալի շուկայի զարգացման գործոն: Հայաստան. Ֆինանսներ և էկոնոմիկա, 2005:
13. *Տանդոյան Յ.Մ., Եգիազարյան Ա.Բ., Վոսկանյան Մ.Ա., Գալստյան Ա.Գ.* Основные движущие силы экономического роста в Армении: анализ и оценка. Финансы: теория и практика, 26(4), 2022. СС. 44–59.
14. *Տանդոյան Յ.Մ., Գալստյան Ա.Գ.* Влияние политики валютного регулирования на экспортный потенциал страны (на примере Армении). Финансы: теория и практика, 24 (2), 2020. СС. 92–103.

15. Karapetyan E., Atoyanyan A., Sandoyan M., Daradkchyan D. Financial Intermediation Modernization in Countries with Transition Economy. *Transition Studies Review*, 16, 2009. PP. 287–298.
16. Արուտյոյան Վ.Լ., Արուտյոյան Կ.Վ. Роль налоговой системы и ее администрирования в содействии экономическому росту в Армении. Региональные проблемы преобразования экономики, 8(70), 2016. СС. 117–122.
17. Ohanyan L. A Study of the Impact of Taxation on Economic Growth and Barriers to Effective Taxation in Armenia. American University of Armenia, 2016.
18. Margaryan A. Structural Impacts of the Tax System on the Economic Growth in the Republic of Armenia. *Messenger of ASUE*, 2023.
19. Light M.K., Rutherford T.F. Taxation and economic efficiency in Armenia. Yerevan: World Bank, 2004.
20. Voskanyan M. Measuring The Impact of Fiscal Policy on the Economic Growth of Armenia. Народностопански архив, (1), 2024.
21. Сандоյан, Е. М., Петросյан Г.Г. Последствия отмены налога на прибыль в Республике Армения. Финансы: теория и практика, 23(1), 2019. СС. 96–105.
22. Թավադյան Աղ.Ս. Գաղափարային ներհոսքից մինչև արտահոսք. Հայաստանի տնտեսական հրաշքի ներքին խոհանոցը. Tvyal.com, 2024. URL: https://www.tvyal.com/newsletter/2024/2024_09_16
23. Թավադյան, Աղ.Ս. Քողարկված անկում. Ինչն է սպրում Հայաստանի տնտեսությունը: Tvyal.com, 2024. URL: https://www.tvyal.com/newsletter/2024/2024_09_30
24. Թավադյան Աղ.Ս. Գաղափարային ներհոսքից մինչև արտահոսք. Հայաստանի տնտեսական հրաշքի ներքին խոհանոցը. Tvyal.com, 2024. URL: https://www.tvyal.com/newsletter/2024/2024_09_16
25. Թավադյան Աղ.Ս. Քողարկված անկում. Ինչն է սպրում Հայաստանի տնտեսությունը: Tvyal.com, 2024. URL: https://www.tvyal.com/newsletter/2024/2024_09_30
26. Gahvari F. The nature of government expenditures and the shape of the Laffer curve // *Journal of Public Economics*. 40 (2), 1989. PP. 251–260.
27. Fullerton D. Laffer curve. In Durlauf, Steven N.; Blume, Lawrence E. (eds.) // *The New Palgrave Dictionary of Economics* (2nd ed.), 2008. P. 839.
28. Trabandt M., Uhlig H. The Laffer curve revisited (*Journal of Monetary Economics*. 58 (4), May 1, 2011. PP. 305–327.

THE PARADOX OF TAX REVENUES: CHALLENGES AND PROSPECTS FOR ARMENIA'S TAX POLICY

Ag. Tavadyan I, E. Tavadyan
Russian-Armenian (Slavonic) University
a.tavadyan@gmail.com, emma.tavadyan@rau.am
ORCID1:0000-0002-1644-6205

ABSTRACT

This study presents a analysis of the paradoxical situation in Armenia's tax policy for the period 2018–2024. The authors reveal the unexpected consequences of the government's strategy, which made the growth of tax revenues a key performance indicator. Using innovative methods of statistical and comparative analysis, the work demonstrates how an

seemingly successful approach to increasing tax collections began to create obstacles for sustainable economic growth.

The authors identify potential risks of the current tax model, present the need for and ways of tax reforms. The paper presents the relationship between fiscal policy and economic growth. The approaches to analyzing tax revenues proposed by the authors can be applied not only in Armenia, but also in other countries with transition economies

Keywords: tax policy, economic growth, Armenia, tax revenues, fiscal policy.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-4-25-36
УДК 338.24

Поступила: 19.11.2024г.
Сдана на рецензию: 21.11.2024г.
Подписана к печати: 19.01.2025г.

АНАЛИЗ “RO-MD” КАК УНИКАЛЬНОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО КЛАСТЕРА МСП РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

И.К. Манукян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
m.ibella.k@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7025-2359*

АННОТАЦИЯ

Учитывая возрастающий интерес стран к применению кластерного подхода для развития региональных малых и средних предприятий, а также, принимая во внимание тенденции формирования кластеров, функционирующих одновременно на нескольких рынках, особую актуальность приобретают трансграничные структуры, способные обеспечивать государствам конкурентные преимущества с наибольшим охватом. Данная статья охватывает анализ “RO-MD” (базирующегося в Республике Молдове), как уникального трансграничного кластера малых и средних предприятий, посредством изучения того, как в данном кластере взаимодействуют компоненты тройной спирали (“Triple Helix”). Был проведен анализ с использованием процедуры бенчмаркинга, включающей изучение кластеров “Medicon Valley” (медицина) и “Bio Valley” (инновационные биотехнологии). Несмотря на то, что они не функционируют в отрасли, абсолютно идентичной с “RO-MD”, изучение данных кластеров позволило получить сравнительные данные и выявить потенциальные области для усиления “RO-MD”. На основании проведенного исследования представлены рекомендации по улучшению деятельности “RO-MD”.

Ключевые слова: региональные кластеры, трансграничный кластер малых и средних предприятий, вино-туристическая кластеризация бизнеса, тройная спираль, бенчмаркинг-анализ, кластерное развитие бизнеса Молдовы.

Введение

В современных условиях системных изменений и цифровой трансформации возрастает актуальность применения революционных подходов к ведению бизнеса (в частности, путем формирования передовых структур многомерного типа). Одним из наиболее перспективных путей, которые выбирают страны мира, является региональная кластеризация. Применение кластерного подхода к развитию региональных малых и средних предприятий все чаще

становится неотъемлемой частью кластерной политики в различных странах. Формирование кластеров способствует решению таких актуальных проблем, как безработица и региональная дифференциация, а также содействует повышению экономического роста страны в долгосрочной перспективе.

На сегодняшний день государства конкурируют в вопросах обеспечения наибольшего уровня влияния собственных кластерных структур на международных рынках. В связи с этим возрастает интерес к изучению усовершенствованных кластеров, способных охватывать множество сегментов и функционировать на нескольких рынках. Кластер “RO-MD” является уникальной моделью и, фактически, единственным успешно функционирующим кластером трансграничного типа. Об актуальности объединения усилий стран в отраслях виноделия и туризма для усиления межгосударственного сотрудничества и достижения новых конкурентных преимуществ упоминается в совместных европейских страновых программах развития (Германия и Франция [1]; Румыния и Болгария [2]; Польша, Беларусь и Украина [3]; Венгрия, Румыния и Украина [4]), однако именно трансграничный кластерный проект, базирующийся в Молдове и охватывающий Румынию [5], успешно прошел путь от стадии концептуального проектирования до полной реализации и внедрения.

Объектом данного исследования является трансграничный кластер малых и средних предприятий “RO-MD” Республики Молдовы. *Предмет* исследования – вопросы функционирования и развития кластера “RO-MD” как уникального трансграничного кластера. *Цель* исследования – проанализировать кластер “RO-MD” и предложить возможности улучшения его деятельности.

Метод исследования

В ходе проведения исследования была изучена деятельность кластера “RO-MD”, который выступает единственным европейским трансграничным кластером, объединившим сферы виноделия и туризма. “RO-MD” был рассмотрен с позиции компонентов тройной спирали (Triple Helix) – того значения, которое имеют в кластере государство, бизнес и наука (как главные компоненты успеха деятельности передовых кластерных структур) [6], [7], [8], [9]. В процессе исследования была проведена процедура картирования (т.е. определения качественного состава участников изучаемого кластера), также на базе имеющихся материалов была изучена структура управления “RO-MD”. Информационными источниками выступили: тематические статистические отчеты в области винного производства, международные отчеты от OECD, ЕССР, ЕС, диагностические отчеты по Молдове от европейских исследовательских агентств, а также сведения, публикуемые самим кластером “RO-MD”. В связи с ограниченным объемом доступных информационных

данных о деятельности изучаемого кластера, а также отсутствием аналогичных кейсов трансграничной кластеризации бизнеса на практике, была проведена процедура бенчмаркинг-анализа для передовых трансграничных кластеров, действующих в других отраслях (“Medicon Valley” и “Bio Valley”). Изучение данных кластеров позволило получить сравнительные результаты и выявить потенциальные области для усиления “RO-MD”. На основе проведенного исследования были разработаны рекомендации по возможным направлениям совершенствования деятельности кластера.

Результаты исследования

Triple Helix (блок: «государство»)

Сущность данного блока заключается в определении того, какова роль государства в формировании и развитии кластеров Молдовы в целом и “RO-MD” в частности, а также в уточнении важности для государства винно-туристической отрасли с позиции кластеризации.

В Республике Молдова реализуется государственная стратегия “Moldova-2030” [10], в рамках которой кластерный подход к развитию предпринимательства отмечается как одно из наиболее перспективных направлений по минимизации региональных неравенств. Несмотря на это, в настоящее время в Молдове не реализуется кластерная политика ввиду ее фактического отсутствия [11].

Ключевыми участниками, которые получают выгоду от внедрения кластерной политики, выступают малые и средние предприятия страны как наиболее уязвимые бизнес-субъекты с недостаточно раскрытым потенциалом. Поскольку Республика Молдова является ассоциированным членом Европейского Союза, в стране применяется классификация размеров предприятий, соответствующая классификатору ЕС [12]:

- Предприятие классифицируется как микро, если численность сотрудников на конец года не превышает 10 человек, а годовой оборот или балансовая стоимость на конец года не превышают 920,000 евро;
- Предприятие классифицируется как малое, если численность сотрудников на конец года не превышает 50 человек, а годовой оборот или балансовая стоимость на конец года не превышают 2,500,000 евро;
- Предприятие классифицируется как среднее, если численность сотрудников на конец года не превышает 250 человек, а годовой оборот или балансовая стоимость на конец года не превышают 5,100,000 евро.

Можно констатировать, что ввиду отсутствия фактического членства в ЕС, Молдова не располагает возможностями доступа к фондам, партнерам и информации в такой степени, которую имеют члены Европейского Союза (например, не является бенефициаром проекта “INNOSUP-1” [13]).

С учетом политического курса, ориентированного на кластеризацию бизнеса, в 2018 году в стране были проведены углубленные исследования экономических отраслей с целью идентификации наиболее перспективных из них [14]. По результатам серии анализов было определено, что регионы Молдовы, расположенные в центральной части страны, имеют потенциал в пищевой и молочной промышленности [15]. Наиболее перспективными для кластеризации бизнеса с учетом потенциала, выявленного в отдаленных регионах страны, были определены сферы сельского хозяйства (в частности, виноделия), туризма и легкой промышленности. Нетрадиционный способ раскрытия потенциала был найден в трансграничном кластере.

В рамках «Программы ЕС по поддержке трансграничного сотрудничества 2014-2020» было выделено полмиллиарда евро на развитие территорий, которые расположены на внешних с ЕС границах. Одной из ключевых стран-бенефициаров выступила Республика Молдова, как наиболее бедная страна, которая связана географическими, историческими, культурными и экономическими связями со государством-членом ЕС Румынией [16], [17]. Молдова, таким образом, получила поддержку в размере 81 млн. евро на реализацию 44 проектов, а на создание трансграничного кластера “RO-MD Cross-Border Wine Tourism Cluster” было выделено 102 тысячи евро.

Triple Helix (блок: «бизнес»)

Сущность данного блока заключается в определении значения бизнес-единиц в развитии кластера “RO-MD”, а также изучении структуры управления кластером.

Трансграничный винно-туристический кластер “RO-MD” был сформирован в ответ на необходимость объединения потенциалов соседствующих государств (Молдовы и Румынии) с учетом активной интеграции отраслей виноделия и туризма с целью повышения узнаваемости и увеличения темпов экономического роста в интегрированных регионах [18]. Координация процессов внутри кластера регулируется контрактами, а деятельность ведется в соответствии с Уставом. Финансовую подпитку кластер получает благодаря членским взносам, а также европейским, молдавским и румынским фондам развития. Структура управления кластером “RO-MD” представлена на Рис. 1.

Как видно, внутриорганизационная структура управления кластером “RO-MD” имеет проектно-матричную форму. Высшим управленческим звеном является кластерный совет, куда входят все директора кластерных членов-представителей малых и средних предприятий. Стратегический вектор развития задает именно кластерный совет. Главным звеном, ответственным за реализацию стратегических задач, выступает лидер кластерного совета. Это фирма-представитель кластера, назначаемая советом.

Рисунок 1. Структура управления трансграничным кластером “RO-MD”.

Источник: Разработано автором на основе Устава кластера [19].

В Республике Молдова действует некоммерческий центр регионального развития “STABILITY”, а в Румынии – функционирующий по аналогичным принципам центр “SMART” [20], [21]. Представители обеих структур входят в состав инновационного и инвестиционного центра, который подотчетен кластерному совету. Деятельность центра регулируется председателем, отвечающим за решение юридических и организационных вопросов, связанных с управлением кластером.

Координацию проектной деятельности осуществляет исполнительный директор, назначенный инновационным и инвестиционным центром кластера. Ему подчиняются лидеры проектов и члены рабочих групп. После завершения каждого проекта формируется новая рабочая группа с новым лидером. При этом один и тот же лидер может одновременно координировать несколько рабочих групп.

Немаловажную роль в управлении кластером занимает консультационный орган, членами которого выступают представители науки, бизнеса и государственных структур регионального управления.

Triple Helix (блок: «наука»)

Сущность данного блока заключается в определении роли науки (университетов, центров научных исследований), в кластере “RO-MD”.

Винно-туристический трансграничный кластер “RO-MD Cross-Border Wine Tourism Cluster” выступает интегратором, объединяющим представителей науки (т.е. университеты и исследовательские центры виноградарства и виноделия). Университеты играют ключевую роль как поставщики интеллектуального капитала. На основе доступной информации было выявлено, что

студентам вузов-участников кластера “RO-MD” предоставляется преимущественное право проходить практику на его базе, а также возможность дальнейшего трудоустройства. Сферы различны: от информационных технологий до юриспруденции, туризма и менеджмента.

Что касается центров научных исследований, то ученые получают возможность работать в кластере, а результаты их интеллектуальной деятельности направлены, в первую очередь, на повышение конкурентоспособности “RO-MD”.

Картирование кластера “RO-MD”

Определим качественный состав участников изучаемого кластера.

Координируя общий вектор деятельности в рамках государственной кластерной политики, ключевые представители каждого МСП при поддержке научных экспертов инновационно-инвестиционного центра разрабатывают программы, направленные на создание, совершенствование и укрепление стратегических бизнес-единиц. Для реализации каждого проекта формируется уникальная команда исполнителей из числа участников кластера. “RO-MD”, карта участников которого представлена на Рис. 2, объединяет представителей модели тройной спирали, которые тесно взаимодействуют для достижения общей долгосрочной цели.

Рисунок 2. Карта участников кластера “RO-MD”.

Источник: Разработано автором.

В состав участников кластера входят молдавские и румынские производственные предприятия (винодельни и семейные виноградарства), поставщики услуг (туристические компании, гостиницы, мини-отели с завтраком, рестораны и кафе), организации, занимающиеся научной и образовательной деятельностью (НИИ и вузы), а также некоммерческие организации, продвигающие культуру потребления вина [22].

Бенчмаркинг

Проведем процедуру бенчмаркинга для изучаемого кластера и двух других кластеров, функционирующих по трансграничному принципу

Поскольку трансграничный кластер “RO-MD” является уникальным и единственным в своем роде, объединяющим виноделие и туризм, провести сравнительный анализ данной модели с аналогичными не представляется возможным. Однако практика бенчмаркинга допускает анализ кластеров, функционирующих в других отраслях. В связи с этим были выбраны передовые кластеры (“Medicon Valley” и “Bio Valley”), функционирующие в сферах медицины и инновационных биотехнологий. Обобщение результатов процедуры бенчмаркинга по предложенным автором сравнительным критериям представлено в Табл. 1.

Таблица 1. Бенчмаркинг-анализ трансграничных кластеров.

Сравнительный критерий	Кластер “RO-MD”	Кластер “Medicon Valley”	Кластер “Bio Valley”
<i>Охватываемые страны</i>	Молдова (развивающаяся экономика) и Румыния (развивающаяся экономика)	Дания (развитая экономика) и Швеция (развитая экономика)	Франция (развитая экономика), Германия (развитая экономика) и Швейцария (развитая экономика)
<i>Срок функционирования на рынке</i>	5 лет	30 лет	29 лет
<i>Охватываемые экономические отрасли</i>	Виноделие и туризм	Медицина	Инновационные биотехнологии
<i>Награды за успешную кластерную деятельность от ESCA</i>	Нет	Да, 4 золотых титула и 1 серебряный титул	Нет

Сравнительный критерий	Кластер “RO-MD”	Кластер “Medicon Valley”	Кластер “Bio Valley”
<i>Размер предприятий, входящих в ядро (т.е. главных бенефициаров)</i>	Малые и средние предприятия	Средние и крупные предприятия	Средние и крупные предприятия
<i>Следование стандартам качества</i>	Следование стандартам качества ISO	Участие в формировании европейских стандартов в области медицины	Участие в формировании международных стандартов в области биотехнологий
<i>География интеграции вузов</i>	Сотрудничество ограничено вузами-членами кластера из Молдовы и Румынии	Сотрудничество ограничено вузами-членами кластера из Дании и Швеции	Сотрудничество ограничено вузами-членами кластера из Франции, Германии и Швейцарии
<i>Открытость информации об экономическом эффекте от деятельности кластера, и (в случае ее наличия) новейшие результаты</i>	<ul style="list-style-type: none"> •Число участников не превышает 70; •Повысилась занятость в сферах виноделия и туризма; •Снизилась показатели теневого бизнеса в области производства винограда и вина; •6 университетов; •4 научно-исследовательских центра 	<ul style="list-style-type: none"> •Свыше 1100 компаний, включая около 200 фармацевтических и 170 компаний в сфере мед. технологий; •Экономический эффект: компании кластера составляют более 20% от общего ВВП Дании и Швеции вместе взятых; •12 университетов; •32 больницы, включая 11 академических; •7 научных парков; •Более 60 000 сотрудников в частном секторе 	<ul style="list-style-type: none"> •900 компаний (включая 40% крупнейших фармацевтических); •Более \$100 млрд. глобального оборота и около \$20 миллиардов прибыли; •40 НИИ; •100,000 студентов; •12 университетов и академических институтов. •11 парков, специализирующихся на науках о жизни. •От 1,000 до 2,000 новых рабочих мест ежегодно.

Источник: разработано автором на основе [22], [23], [24].

Бенчмаркинг позволил получить сравнительные результаты и выявить потенциальные области для усиления “RO-MD”, которые будут представлены ниже.

Заключение

Так, Республика Молдова – страна с развивающейся экономикой, а также благоприятными природно-климатическими и экономическими условиями для виноделия. Было выявлено, что на протяжении последних шести лет на государственном уровне отмечается важность кластеризации МСП и поднимаются вопросы внедрения и совершенствования кластерной политики. В Молдове, однако, не действует единая стратегия по имплементации кластерной политики. Одна из препятствующих проблем заключается в том, что на сегодняшний день страна не является членом ЕС: будучи кандидатом на вступление в Европейский Союз, Молдова не имеет доступа к ряду фондов и не может выступать в качестве бенефициара сотен проектов. Было выявлено, что в Молдове виноделие и туризм отмечаются в качестве отраслей с наибольшим потенциалом к кластеризации малых и средних предприятий.

Кластер был изучен с позиции ключевых компонентов тройной спирали – а именно, государства, бизнеса и науки. Формирование карты участников кластера “RO-MD”, а также изучение структуры управления кластером продемонстрировали всю сложность модели, являющейся ярким примером трансграничной структуры, единственной на сегодняшний день в вино-туристической сфере и направленной на повышение конкурентоспособности одной страны (Молдовы) путем интеграции усилий другой страны (Румынии). Несмотря на недолгий срок своего существования, “RO-MD” заявил о себе на рынке, и продукция кластера пользуется высоким спросом. Проведенный бенчмаркинг-анализ позволил выявить ключевые особенности трансграничных кластеров, специализирующихся в таких областях, как медицина и инновационные биотехнологии.

Исходя из проведенного исследования, можно сделать соответствующие выводы и предложить ряд рекомендаций по улучшению деятельности кластера.

- Именно подходом «сверху-вниз» (т.е. от государства к бизнесу) была проявлена инициатива формирования “RO-MD”. Следовательно, с позиции тройной спирали роль блока «государство» имеет наибольшее значение для изученного кластера. Тем не менее, в Республике Молдова фактически не внедряется кластерная политика в области винного туризма. В таких условиях потенциальные бенефициары не могут получать государственную поддержку. Как следствие, замедляется вход новых игроков в кластер “RO-MD”. Так, для катализации процессов повышения продуктивности деятельности потенциальных кластерных членов государству нужно осуществить шаги по формированию и последующему регулярному обновлению кластерной политики. Кроме того, следует усилить взаимодействие уполномоченных по кла-

стерному развитию Молдовы органов с Европейской платформой сотрудничества кластеров для проведения программ обмена опытом и доступа к новейшим подходам к разработке кластерной политики.

- Малые и средние предприятия (бизнес-единицы) функционируют внутри “RO-MD” довольно динамичным образом ввиду внутриорганизационной структуры, созданной по проектно-матричному типу. Тем не менее, количественный состав участников не быстро меняется. Проблема заключается в невысокой частоте их пополнения. Данный факт можно объяснить недостаточной привлекательностью условий членства в кластере. Так, необходимо осуществить пересмотр всех тех преимуществ, которые могут получить бизнес-единицы, потенциально намеревающиеся вступить в состав “RO-MD”. Кроме того, следует рассмотреть возможность интеграции бизнес-ассоциаций в качестве участников кластера. Данный шаг позволит более активно нарастить членский состав (и далее: усложнить условия членства в кластере), а также расширить сеть взаимодействий бизнес-субъектов и обновить ход контрактных процедур.

- Представителями научной среды, входящими в состав кластера “RO-MD Cross-Border Wine Tourism Cluster”, выступают университеты, исследовательские центры виноградарства и виноделия, а также инновационный центр. На базе кластера осуществляется аккумуляция знаний и генерация научных решений. Кроме того, студентам предоставлена возможность проходить практику в “RO-MD”, при условии что результаты исследовательских работ будут применены на месте проведения практики. Несмотря на все возможности, предоставленные состоящему в кластере научному сообществу, динамика проведения научных исследований недостаточно высока. Данный факт можно обосновать тем, что в настоящее время “RO-MD” не представляет научного интереса для других европейских и прочих зарубежных ученых. В связи с этим, рекомендуется расширить научно-исследовательские связи представителей молдавского кластера с учеными других стран, организовывая совместные программы, тренинги, конференции и круглые столы. Следует рассмотреть возможности увеличения размеров грантов и стипендий, что выступит дополнительной мотивацией для взаимной кооперации (а доступ к новым фондам, в свою очередь, может быть обеспечен благодаря новым партнерским отношениям с известными вузами и исследовательскими центрами).

- “RO-MD” необходимо более открытым образом позиционировать себя в информационном пространстве. Так, будет повышена узнаваемость структуры, возрастет доверие общества (как ключевого компонента четверной спирали) к деятельности кластера, и будут предоставлены новые перспективные возможности для пополнения членского состава (подобно тем, что действуют в кластерах “Medicon Valley” и “Bio Valley”).

ЛИТЕРАТУРА

1. Eurodistrict Strasbourg-Ortenau. URL: <https://www.eurodistrict.eu/>
2. Interreg V-A Romania-Bulgaria. URL: <https://www.interreg-robge.eu/>
3. Cross-Border Cooperation Programme Poland-Belarus-Ukraine. URL: <https://www.pl-by-ua.eu/>
4. Interreg Danube Transnational Programme. URL: <https://www.interreg-danube.eu/>
5. EU Cross-Border Cooperation Programme Romania-Moldova. URL: <https://www.romania-moldova.eu/>
6. *Etzkowitz H.* Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action. New York: Routledge, 2008, 108 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203929605>
7. *Baimuratov U., Zhanbayev R. & Sagintayeva S.* The Triple Helix Model for the Conceptual Mechanism of Cooperation between Higher Education and Business: The Regional Aspect. Economy of Region. 16, 2020. PP. 1046–1060. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-3
8. *Leydesdorff L., Meyer M.* Triple Helix Indicators of Knowledge-Based Innovation Systems. Research Policy (forthcoming). URL: https://www.researchgate.net/publication/277791035_Triple_Helix_indicators_of_knowledge-based_innovation_systems_Research_Policy_forthcoming
9. *Leydesdorff L.* The Knowledge-Based Economy and the Triple Helix Model. ARIST. 44, 2010. PP. 365-417. URL: https://www.researchgate.net/publication/220141963_The_Knowledge-Based_Economy_and_the_Triple_Helix_Model
10. National Development Strategy Moldova 2030. 25 June 2018. URL: https://www.imf.md/press/SND_MD2030_25_Jun_eng.pdf 92 c.
11. European Cluster Collaboration Platform. Country Factsheet. Moldova. 2023. URL: https://clustercollaboration.eu/sites/default/files/2023-04/ECCPfactsheet_Moldova_2022.pdf, C. 5
12. OECD Library. Republic of Moldova: Small Business Act country profile. 2024. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/4a15ad91-en/index.html?itemId=/content/component/4a15ad91-en>
13. European Commission. Horizon 2020 – INNOSUP-1 Cluster facilitated projects for new industrial value chains. Impact Report. June 2020. URL: https://eic.ec.europa.eu/system/files/2021-06/EA0320699ENN.en_.pdf
14. Buyse T. & Cosnita D. Cluster Mapping Report for the Republic of Moldova. June 2018. URL: https://www.serv.be/sites/default/files/documenten/Buyse_Cosnita_Cluster_Mapping_Moldova_Report.pdf
15. European Cluster Collaboration Platform. Country Factsheet. Moldova. 2021. URL: <https://clustercollaboration.eu/sites/default/files/2021-12/eccp-factsheet-moldova.pdf>
16. Programming document 2014–2020. ENI Cross Border Cooperation. 2014. URL: https://www.enicbmed.eu/sites/default/files/Reference%20documents/c_2014_7172_f1_annex_en_v1_p1_785459.pdfC. 7
17. TESIM Interreg Next. The Romania-Republic of Moldova ENI CBC Programme. 14 March 2019. URL: <https://interregtesimnext.eu/news/the-romania-republic-of-moldova-eni-cbc-programme/>
18. AMBR: Wine tourism, a boost for rural communities. Romania-Republic of Moldova ENI-CROSS BORDER COOPERATION. 2022. URL: <https://interregtesimnext.eu/wp-content/uploads/2022/10/AMBR.pdf>

19. Project “RO MD Cross-Border Wine Tourism Cluster Development” – initiative group (cluster) without legal personality. WINEMAP. 28 June 2022. URL: <https://wineromd.eu/en/project-ro-md-cross-border-wine-tourism-cluster-development-initiative-group-cluster-without-legal-personality/>
20. Regional Development Agency Center (RDA Center). About. 2024. URL: <http://adrcen-tru.md/?l=en>
21. SMART Development Center. About. 2024. URL: <https://www.smart.org.ro/>
22. “RO MD Cross-Border Wine Tourism Cluster Development”. Categories of Clusters. 2024. URL: <https://wineromd.eu/>
23. Medicon Valley Alliance. 2025. URL: <https://mva.org/>
24. Biovalley Basel. 2025. URL: <https://biovalley.ch/>

**ANALYSIS OF THE “RO-MD”
AS A UNIQUE CROSS-BORDER SMES CLUSTER
OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA**

I. Manukyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

m.ibella.k@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7025-2359

ABSTRACT

Given the increasing interest of countries in the implementation of cluster approach to regional SMEs development and considering the tendencies of clusters to operate simultaneously in several markets, cross-border structuring becomes particularly crucial and, hence, such structures can serve as comprehensive competitive advantages of countries. The following article covers the analysis of a unique Moldova-based “RO-MD” cross-border cluster of small and medium-sized enterprises. Within the study, “RO-MD” was examined from the position of interactions of Triple Helix components. A benchmarking analysis, encompassing the study of “Medicon Valley” (specializing in medicine) and “Bio Valley” (specializing in innovative biotechnology), was carried out. Although these cross-border clusters do not operate in the same industry as “RO-MD”, the conducted analysis provided comparative insights and facilitated the identification of potential ways for improvement of “RO-MD”, which were described at the end of the article.

Keywords: regional clusters; cross-border cluster of small- and medium-sized enterprises; winetourism business clustering; Triple Helix; benchmarking analysis; business clustering of Moldova.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-4-37-59
УДК 336.722.8

Поступила: 25.11.2024г.
Сдана на рецензию: 26.11.2024г.
Подписана к печати: 29.12.2024г.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ АКТИВАМИ ПЕНСИОННЫХ ФОНДОВ В СТРАНАХ ОЭСР И АРМЕНИИ¹

Г.А. Мелконян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
georgi.melkonyan@gmail.com
ORCID: 0009-0005-1944-9216*

АННОТАЦИЯ

В рамках сравнительного анализа пенсионных систем разных стран ОЭСР и Армении был исследован вопрос распределения пенсионных активов управляющими компаниями пенсионных фондов в данных странах. Также был рассмотрен показатель геометрической средней отдачи от инвестиций в 5-летнем, 10-, 15- и в 20-летних временных интервалах. Было изучено соотношение новых участников пенсионного фонда в контексте процентной корреляции с увеличением пенсионных взносов.

Нами в исследовании были также рассмотрены показатели пенсионных взносов, выплат и их либо положительной, либо отрицательной разницы. В результате мы приходим к выводу о схожести основных проблем, связанных с ликвидностью, увеличивающимся риском и понижающимися показателями прибыльности, которые, по сути, изменяют природу и сущность пенсионных фондов как в развитых странах, так и в Армении.

Ключевые слова: пенсионный фонд, ликвидность, пенсионные поступления, риск, прибыльность.

Введение

В условиях трансформирующихся экономических реалий пенсионные фонды и регуляторы в разных странах формируют инвестиционную политику, исходя из своих запросов, поставленных целей и возможностей. Несмотря на то, что основополагающая идея пенсионной системы довольно проста, а именно: максимизация прибыли при минимальных рисках, не наличие общепризнанной модели, которой придерживается хотя бы большинство стран. Управляющие пенсионными фондами сталкиваются с проблемой лик-

¹ The research was supported by the Higher Education and Science Committee of MESCS RA (Research project N24AA-5B055).

видности активов, проблемой увеличенных рисков и сниженной нормы прибыли. В этих условиях разными инвестиционными стратегиями, управляющие фондами пытаются сформировать оптимальную модель для выполнения поставленных перед собой задач.

Таким образом, сравнение эффективных и устойчивых моделей формирования и управления портфелей в различных странах крайне актуальна в контексте создания условий долгосрочного и стабильного развития уровня благосостояния Республики Армения. В этом контексте в данном исследовании будут рассмотрены основные практики развитых стран ОЭСР и подходы в Республике Армения для определения возможностей развития эффективных подходов для дальнейшего применения со стороны пенсионных фондов Армении.

Методология

В данном исследовании, в первую очередь, использован системный метод анализа, т.к. необходимо рассмотрение не только основных показателей пенсионных фондов и сформированных ими портфелей стран ОЭСР, но и экономический контекст, существующий в определенных странах: что именно привело к соответствующему подходу к формированию и управлению пенсионными фондами. Вместе с тем, в случае Армении необходимо также понимание существующих ограничений правовой системы, обрамляющей политические процессы, связанные с пенсионными накоплениями и всей системой пенсионного обеспечения. Только благодаря такому подходу можно прийти к всеобъемлющим и обоснованным выводам, на основе которых можно будет сформировать эффективные предложения для текущей ситуации в РА.

Вместе с системным подходом для изучения цифровых данных будет использован статистический метод, основанный на таких информационных источниках, как обзорные отчеты аналитической группы ОЭСР, отдельные данные пенсионных фондов рассматриваемых стран, а также данные официальных государственных статистических агентств.

Литературный обзор

Пенсионные фонды обладают значительным экономическим влиянием, их общая стоимость активов во всем мире оценивается в более чем 56 триллионов долларов США. Это сопоставимо с активами других крупных фондов, включая взаимные фонды, хедж-фонды и суверенные фонды. Кроме того, пенсионные фонды выигрывают от предсказуемого притока средств, поскольку вкладчики обычно вносят фиксированную сумму своего дохода каждый месяц, независимо от внешних экономических условий. Это суще-

ственно отличается от других финансовых инструментов – таких, как взаимные фонды, где сумма инвестиций варьируется в зависимости от внешних факторов [1].

Одним из важнейших аспектов пенсионных фондов является их долгосрочный инвестиционный горизонт. Для индивидуальных инвесторов пенсионные фонды относительно неликвидны, т.к. их нельзя быстро закрыть. Это отличает их от других фондов – таких, как взаимные фонды и хедж-фонды, где инвесторы могут входить и выходить по своему усмотрению. Поскольку пенсионные фонды инвестируют в долгосрочной перспективе, они часто оказывают стабилизирующее воздействие на рынок, в целом, и во многом его формируют.

Компании, отрасли и даже целые страны стремятся привлечь пенсионные фонды, поскольку стабильный характер этих инвестиций способствует стабилизации цен на ценные бумаги. Это, в свою очередь, позволяет этим организациям принимать решения без дополнительного давления, связанного с удовлетворением краткосрочных требований инвесторов [2].

Пенсионные фонды в мировой практике гарантированы государственным бюджетом. Следовательно, если пенсионный фонд не сможет выполнить свои обязательства перед инвесторами, правительству придется взять на себя ответственность за обеспечение повседневных расходов и медицинского обслуживания тех, кто зависел от фонда. Это делает правительство важным заинтересованным лицом в эффективности пенсионных фондов. Правительства стремятся обеспечить, чтобы пенсионные фонды инвестировали исключительно в безопасные активы. В результате, они, как правило, внимательно следят за инвестициями фондов, налагая обширные правила и требования к управлению активами.

Демографический состав нации тесно связан с пенсионными фондами. Страна с большим количеством молодых людей приводит к большему количеству вкладчиков, что позволяет средствам оставаться вложенными в течение длительных периодов времени. И, наоборот, если количество людей, выводящих деньги из фонда, превышает число тех, кто вносит, то общая сумма активов под управлением будет уменьшаться. Как упоминалось ранее, снижение активов может повлиять на финансовые рынки страны. По сути, пенсионные фонды связывают демографию страны с ее финансовыми рынками [3].

Анализ современных научных исследований показывает, что инвестиционные банкиры признают значительные инвестиционные возможности, которые предлагают пенсионные фонды и стремятся получить доступ к этим фондам, когда это возможно [4]. Поскольку пенсионным фондам запрещено инвестировать в ценные бумаги с более низким инвестиционным рейтингом, инвестиционные банкиры должны проявить финансовую изобретательность.

Инвестиционные банки часто использовали такие методы, как улучшение качества кредита и транширование, чтобы сделать основные инвестиции более привлекательными для пенсионных фондов. Ценные бумаги с ипотечным покрытием являются прекрасным примером такой инновации. Инвестиционные банкиры создают различные транши ценных бумаг с различными профилями риска и доходности, что позволяет им продавать ценные бумаги инвестиционного уровня пенсионным фондам [5]. Следовательно, можно сделать вывод, что пенсионные фонды косвенно стимулируют инновации на финансовых рынках.

Несмотря на доступ к огромной денежной массе, пенсионные фонды не могут свободно использовать ее по своему усмотрению. Управление этими фондами регулируется строгими правилами, и существуют ограничения на классы активов, в которые они могут инвестировать. Тем не менее, эти ограничения со временем постепенно ослабевают, что позволяет пенсионным фондам проявлять большую гибкость в своих инвестиционных стратегиях.

Пенсионные фонды должны четко и лаконично сформулировать свою инвестиционную стратегию. Эта стратегия должна согласовываться с основной целью таких фондов, которая заключается в планировании выхода на пенсию. Традиционно, пенсионные фонды инвестируются в активы с низким уровнем риска, которые предлагают налоговые льготы. Для пенсионных фондов крайне важно поддерживать надлежащий уровень риска, соответствующий их ожидаемому профилю риска.

Следует отметить, что пенсионные фонды имеют определенные лимиты на вложения в различные классы активов [6]. Цель пенсионных фондов – делать инвестиции с низким риском. Диверсификация инвестиций по ряду классов активов считается менее рискованной. Таким образом, пенсионные фонды имеют ограничения, которые не позволяют им иметь слишком большой риск в отношении одного класса активов или эмитента.

Таким образом, пенсионным фондам разрешено инвестировать в различные виды активов, но они должны соблюдать установленные верхние пределы. Кроме того, для пенсионных фондов важно инвестировать только в активы с самым высоким рейтингом в каждом классе активов.

Некоторые исследования утверждают, что пенсионные фонды традиционно рассматривались как инвесторы с долгосрочной перспективой. Они служат средством для людей, чтобы инвестировать в течение своих лет работы и снимать средства после выхода на пенсию. В связи с этим, до недавнего времени, ликвидность не считалась серьезной проблемой для сектора пенсионных фондов [7]. Однако в последние годы индустрия пенсионных фондов претерпела существенные преобразования, в результате чего ликвидность стала для них весомой проблемой.

В последние годы индустрия пенсионных фондов претерпела значительные изменения из-за некоторых серьезных изменений в макроэкономической среде. Два важнейших фактора, которые способствовали этой трансформации, заключаются в следующем:

- *Более низкие процентные ставки:* из-за низких процентных ставок, преобладавших в последнее десятилетие и ставших реакцией на глобальную рецессию 2008 года, пенсионные фонды оказались в сложной ситуации. Доходы от их инвестиций значительно снизились, и они больше не могут полагаться на ценные бумаги с низким уровнем риска, которые они когда-то делали. В результате пенсионные фонды теперь конкурируют друг с другом за получение более высокой прибыли и вкладывают больше своих денег в неликвидные и высокорисковые активы [8]. Примеры этих альтернативных активов включают ценные бумаги с ипотечным покрытием и акции развивающихся рынков. Этот переход к более рискованным активам сделал пенсионные фонды уязвимыми перед рисками ликвидности в случае финансового кризиса. Таким образом, нынешняя политика более низких процентных ставок при более длительных сроках подвергает пенсионные фонды значительному финансовому риску, поскольку она вынуждает их инвестировать в активы с более высоким риском для получения адекватной прибыли.

- *Стареющее население:* демографическая структура основных рынков – таких, как США и Европа, претерпела значительные изменения, поскольку уровень рождаемости постоянно снижался. Следовательно, количество людей, выходящих на пенсию, больше, чем количество людей, поступающих на работу. Это означает, что сумма денег, вносимая в пенсионные фонды, меньше, чем сумма денег, снимаемая во многих странах. В итоге этого сценария с отрицательным денежным потоком в индустрии пенсионных фондов наблюдается серьезное беспокойство.

Индустрия пенсионных фондов претерпела значительные изменения после рецессии 2008 года, которая подвергла мир опасности риска ликвидности. Во время кризиса произошло замораживание кредитов, из-за чего финансовые учреждения не могли продать свои активы и расплатиться со своими кредиторами. Даже на безопасных межбанковских рынках не хватало инвесторов. Кризис 2008 года затронул несколько классов активов и стал поворотным моментом для отрасли пенсионных фондов, которая инвестирует во многие рискованные активы. Это означает, что пенсионные фонды рискуют столкнуться с подобной ситуацией в будущем, которая может иметь катастрофические последствия для экономики. Правительства во всем мире признали это и ввели правила, гарантирующие, что управляющие пенсионными фондами несут ответственность за управление финансами пенсионных фондов, поскольку дефолт пенсионных фондов может привести к тому, что значительное число людей будет полагаться на социальные выплаты.

Многие пенсионные фонды в настоящее время применяют упреждающий подход к управлению ликвидностью, внедряя политику, демонстрирующую их способность эффективно управлять ликвидностью. Эта стратегия обычно состоит из трех частей [9].

Точные прогнозы: пенсионные фонды уже давно пытаются оценить свои денежные потоки, но с ограниченной точностью. Причина этого заключается в том, что несколько переменных – таких, как уровень безработицы, процентные ставки, ожидаемая продолжительность жизни и количество пенсионеров, влияют на их денежные потоки. Чтобы улучшить прогнозирование денежных потоков, пенсионные фонды начали вкладывать значительные средства в технологии. Теперь они используют искусственный интеллект и машинное обучение, чтобы улучшить свои прогнозы и получить конкурентное преимущество.

Краткосрочные инвестиции: после определения своих краткосрочных обязательств пенсионные фонды должны убедиться, что их краткосрочные инвестиции ликвидны. Им также следует оценить стоимость своего портфеля при различных рыночных сценариях. Это означает, что пенсионные фонды должны рассчитать сумму денежного потока, который они получают от своих краткосрочных инвестиций, если рынок останется низким в течение длительного периода.

Наличие здорового буфера: пенсионным фондам важно понимать, что, несмотря на тщательное планирование денежных потоков, они все равно могут столкнуться с серьезными проблемами, если у них не будет существенной подушки безопасности. Многие организации в настоящее время имеют денежный резерв для решения непредвиденных проблем, с которыми может столкнуться их бизнес, и тот же принцип применяется к пенсионным фондам.

Суть в том, что управление ликвидностью стало центральной областью в области управления пенсионными фондами из-за различных изменений, которые произошли в макроэкономической среде.

Хотя пенсионные фонды считаются надежной инвестицией для долгосрочных инвесторов, на сегодняшних рынках они часто сталкиваются с нехваткой наличности. Следовательно, инвестиционные менеджеры должны стать более инновационными в управлении ликвидностью в таких сценариях.

Исследования показали, что пенсионные фонды сталкиваются со значительным дефицитом денежных средств [10]. По различным оценкам, пенсионным фондам приходится распродавать активы на срок от 8-ми до 9-ти месяцев в году, чтобы обеспечить выполнение своих краткосрочных обязательств, а именно: выплата пенсий пенсионерам. Тот факт, что пенсионным фондам приходится распродавать долгосрочные активы, чтобы погасить краткосрочные долги, вызывает сомнения в компетентности управления фондами. Продажа активов таким образом означает, что пенсионные фонды не продают в подходящий момент и

бывают вынуждены согласиться на более низкие цены, предлагаемые рынком. Это приводило к упущенной прибыли в прошлом, что побуждало пенсионные фонды уделять больше внимания управлению ликвидностью, чтобы предотвратить подобные сценарии в будущем.

Чтобы избежать потерь во время кризиса ликвидности, пенсионные фонды, как правило, держат на балансе больше денежных средств. Такая практика становится все более распространенной среди различных пенсионных фондов за последние несколько лет. Причиной такой тенденции является страх перед кризисом 2008 года, когда многие фонды не смогли конвертировать свои активы в наличные деньги даже по сниженным ценам. Таким образом, хранение наличных денег стало предпочтительным методом предотвращения риска для большинства фондов.

Поскольку пенсионным фондам необходимо резервировать больше средств для наличных, у них остается меньше денег для инвестиций, что приводит к снижению их доходов. Следовательно, они вынуждены делать более рискованные инвестиции, чтобы компенсировать свои потери. Один из способов сделать это – инвестировать в рынки деривативов, что позволяет им брать на себя дополнительные риски и генерировать больший денежный поток. Однако инвестирование в эти рынки может быть крайне нестабильным, поэтому пенсионные фонды должны улучшить управление ликвидностью, чтобы избежать дополнительных рисков.

Пенсионные фонды обычно инвестируют в более рискованные активы – такие, как ценные бумаги, обеспеченные ипотекой, обычно на краткосрочные периоды. Это связано с тем, что трудно предсказать вероятность дефолта таких инструментов в течение более длительного периода времени. В результате они, как правило, удерживают эти активы на более короткий срок, лонгируя их и покупая новые ценные бумаги, если позволяет денежный поток.

Согласно многим исследованиям, акцент на управлении ликвидностью вызвал сдвиг в индустрии пенсионных фондов. Раньше это ассоциировалось с долгосрочными инвестициями с меньшим риском [11]. Теперь же они занимаются активной торговлей и делают краткосрочные рискованные инвестиции. Пенсионные фонды в настоящее время придают большее значение управлению ликвидностью, чтобы не ставить управляющих своими фондами в ситуации, когда им приходится брать на себя чрезмерные риски.

В последнее время портфель пенсионных фондов стал гораздо более диверсифицированным, и меньшая его часть состоит из ценных бумаг с фиксированным доходом [12]. Вместо этого, пенсионные фонды теперь имеют значительную долю в альтернативных активах. Хотя ценные бумаги с фиксированным доходом по-прежнему широко распространены, они больше не сосредоточены в нескольких компаниях или географических регионах.

Пенсионные фонды сделали приоритетом диверсификацию своего портфеля, в том числе географическую диверсификацию и инвестиции в компании разного размера. Это можно рассматривать как благоприятный результат растущего внимания к управлению ликвидностью в индустрии пенсионных фондов.

В ситуациях, когда компаниям нужны немедленные средства, они часто прибегают к продаже своих наиболее ликвидных активов. Однако это может стать невозможным для пенсионных фондов, которые инвестируют в частный капитал или неликвидную недвижимость, что приводит к несбалансированности портфеля. Из-за их более высокой ликвидности, облигации являются предпочтительным вложением для таких компаний, что приводит к снижению долга на их балансах. Следовательно, эти фирмы должны, в конечном итоге, продать свои неликвидные активы, чтобы реинвестировать деньги и сохранить пропорциональное распределение активов. Эта постоянная перебалансировка приводит к дополнительным транзакционным издержкам, снижая эффективность компании.

Таким образом, теоретически, пенсионные фонды считаются независимыми субъектами, на которые не влияют никакие внешние факторы. Благодаря своим огромным финансовым ресурсам, они могут изменить основы фондового рынка. Хотя это утверждение отчасти верно, пенсионные фонды уже давно не функционируют автономно. Существует множество методов, с помощью которых государственные органы манипулируют работой этих пенсионных фондов для достижения своих собственных целей.

Анализ

На Рис. 1 можно наблюдать фактическое доказательство, сказанного выше, что разные страны и их фонды довольно по-разному подходят к формированию инвестиционных портфелей. Примечательно, что даже в рамках одной юрисдикции, как ОЭСР, инвестиционные политики сильно отличаются.

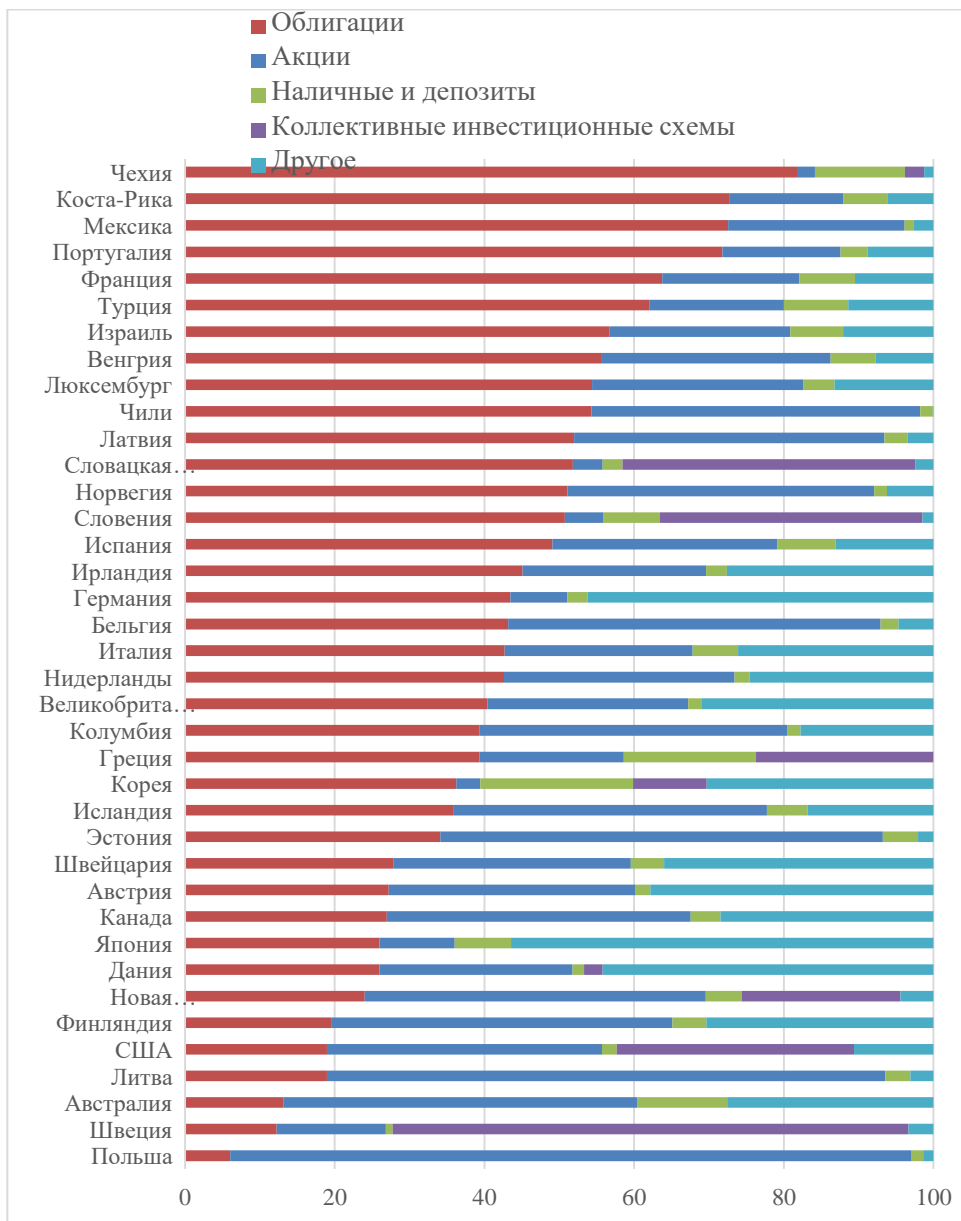

Рисунок 1. Аллокация пенсионных активов управляющими компаниями фондов стран ОЭСР [13].

Особенности структуры пенсионных фондов

В стране ОЭСР Чехии средства пенсионных фондов инвестируются следующей пропорцией: 82% в облигации, 12% в банковские депозиты, 2,4% в акции. Одновременно, другая страна, входящая в ОЭСР, Польша, 91% пенсионных

накоплений инвестирует в рынок акций, 6% в облигации и 1,6% в банковские депозиты. Интересными являются для отдельного рассмотрения также Эстония, которая провела пенсионную реформу довольно эффективно, по оценкам многих экономистов, и Чили, которая была первой страной, которая провела подобную реформу. В Эстонии пенсионные активы инвестируются в акции 59%, в облигации – 34%, в депозиты – 4,7%. В Чили же 44% инвестируется в акции, 54% – в облигации и 6% – в депозитные счета. Отличается от общей картины своей инвестиционной политикой Швеция, поскольку 69% от общего портфеля инвестируется в коллективные инвестиционные схемы, 14,6 % в акции, 12,3% в облигации и 0,9% в депозиты.

Из общей выборки мы выделили основные инвестиционные политики, которых придерживаются страны ОЭСР. Как можно заметить, выделенные страны формируют для себя следующие модели инвестиций для пенсионных фондов: акцент на рынок акций, акцент на рынок облигаций и оптимальные комбинации с равновесным распределением активов. Стоит отметить, что все страны ОЭСР меньшую долю пенсионных накоплений инвестируют в банковские депозиты. Отдельной категорией являются инвестиции в коллективные инвестиционные схемы, которые из себя представляют, в основном, ETF фонды, в основе которых лежат биржевые активы.

Вопросы прибыльности вложений пенсионных фондов

Суть пенсионных инвестиций состоит в формировании длинных денег, что означает большую прибыльность в долгосрочной перспективе. То есть ожидается, что в долгосрочной перспективе реальная инвестиционная прибыль должна расти. На практике, очень мало стран, у которых получается достичь такого результата.

В Табл. 1 представлены реальные инвестиционные темпы пенсионных фондов стран, входящих в ОЭСР. Данная картина очень примечательна, поскольку показывает фактическую успешность пенсионных систем. К примеру, Эстония, которая считается одной из лучших примеров пенсионной реформы в мире, показывает отрицательную эффективность. 5-летняя прибыльность с учетом инфляции составляет -4,1%, 10-летняя: -1,0%, 15-летняя: -2,2%, 20-летняя: -1,1%. При идеальном раскладе ожидается, что с первой пятилетки управляющие фондами должны показывать положительные результаты и увеличивать его со временем, но пример Эстонии показывает обратное. Данный пример интересен тем, что в Эстонии реформа на самом деле проводилась очень профессионально, и они имеют грамотную, эффективную пенсионную систему и юрисдикцию, практически без пробелов, на которую равняются остальные страны, в том числе и Армения. Однако грамотная пенсионная система не является залогом успешности системы. Описанное является залогом социальной успешности реформы

вообще, но не финансовой. Финансовая эффективность зависит от инвестиционной политики и от ее имплементации. Учитывая, что управляющие фондами Эстонии инвестируют 60% портфеля в рынок акций и они берут на себя большой рыночный риск. Отрицательные показатели отдачи инвестиций являются доказательством вышесказанного. Тем не менее, неверно утверждать, что инвестирование в рынок акций – однозначно плохая идея, поскольку у данной стратегии есть как свои минусы, так и плюсы. Основная характеристика такой политики – высокий риск и большая отдача. При таком подходе очень важна роль аналитиков управляющей компании, поскольку именно от качества аналитической работы зависит будет ли у фонда положительный или отрицательный результат.

Таблица 1. Геометрические средние годовые реальные темпы инвестиций за последние 5, 10, 15 и 20 лет в странах ОЭСР, % [14].

Страны ОЭСР	5 лет	10 лет	15 лет	20 лет
Австралия	3,3	5,4	2,8	4,0
Австрия	-2,9	0,2	-0,3	0,8
Канада	1,7	3,9	3,6	4,1
Чили	0,1	2,0	1,4	3,1
Колумбия	0,2	1,4	3,8	4,8
Коста-Рика	3,8	5,1	3,7	..
Чехия	-4,7	-2,4	-1,7	-1,0
Дания	-0,8	1,9	2,6	3,3
Эстония	-4,1	-1,0	-2,2	-1,1
Финляндия	1,6	3,6
Германия	-0,6	1,2	1,6	1,9
Греция	-0,7
Венгрия	-6,3	-0,3
Исландия	3,6	4,2	1,7	3,3
Ирландия	1,1
Израиль	3,5	4,7	3,8	..
Италия	-2,5	0,2	0,3	0,9
Латвия	-6,3	-2,2	-1,8	-1,9
Литва	-4,6	-0,5
Люксембург	-3,2	-0,2	-0,2	..
Мексика	0,3	0,5	1,4	..
Нидерланды	-3,2	1,3	1,8	3,1
Норвегия	0,2	2,4	2,2	3,5
Польша	-7,2
Португалия	-1,8	0,8	0,0	1,6
Словацкая Республика	-4,4	-1,4	-1,7	..
Словения	-2,6	1,2	2,0	..

Страны ОЭСР	5 лет	10 лет	15 лет	20 лет
Испания	-1,8	1,1	0,6	..
Швейцария	0,8	2,9	2,3	2,8
Турция	-3,5	-2,2	-0,3	..
США	-1,4	1,4	-0,1	1,0

Отдельного упоминания заслуживает также Чили, поскольку это другой широко известный пример пенсионной реформы. Чили является первой страной, которая провела подобную реформу в 1981 году. Если Эстонию принято считать образцом успеха, то Чили предстает как первопроходец в контексте пенсионной реформы. Несмотря на то, что пенсионная реформа не была лишена недостатков, она стала локомотивом для финансовых систем многих стран. Ошибки, допущенные при реформе Чили, были изучены экономистами и социологами, чтобы исключить их в процессе реформ в других странах. Так же на основе выявленной информации сама система в Чили претерпела изменения в сторону улучшения. Тем не менее, финансовая эффективность пенсионных фондов довольно положительная. 5-летняя прибыльность с учетом инфляции составляет 0,1%, 10-летняя – 2,0%, 15-летняя – 1,4%, 20-летняя – 3,1%. Фактически, пенсионным фондам в Чили удалось в долгосрочной перспективе создать длинные деньги и обеспечить прибыльность своих инвестиций. Примечательно, что положительный результат обусловлен во многом тем, что управляющие фондами инвестируют 44% активов в рынок акций. Как мы уже отметили, инвестиции в рынок акций являются тем инструментом, которые позволяют повысить прибыльность портфеля. В связи с этим, можно прийти к выводу, что управляющие фондами в Чили более грамотно инвестировали пенсионные средства в рынок акций.

Еще одним примером эффективной инвестиционной политики из стран ОЭСР является Канада. 5-летняя прибыльность с учетом инфляции составляет 1,7%, 10-летняя – 3,9%, 15-летняя – 3,6%, 20-летняя – 4,1%. Это – пример грамотной инвестиционной политики, однако портфель характеризуется высоким риском, поскольку 40% портфеля инвестируется в акции, 30% в другие активы, такие как недвижимость. Однако, несмотря на высокие риски, грамотное управление позволяет показывать положительные результаты в долгосрочной перспективе.

Ярким примером рыночного риска является Польша, портфель которой на 91% состоит из акций. В первой пятилетке данный портфель показал отрицательную прибыльность в размере -7,2%. Однако, в рамках 5 лет сложно судить об эффективности инвестиций, поскольку рынок акций является настолько волатильным, что картина может поменяться очень быстро.

Влияние новых поступлений на показатели пенсионных фондов

С одной стороны, увеличение пенсионных поступлений является одним из важнейших факторов развития пенсионной системы, поскольку постоянный приток финансовых активов обеспечивает стабильность пенсионных фондов. Однако, с другой стороны, необходимо понять положительные финансовые результаты управляющих пенсионными фондами обусловлены эффективным управлением или новыми поступлениями пенсионных фондов. Другими словами, если бы новых поступлений не было, смогли бы управляющие пенсионными фондами в мире показывать положительные финансовые результаты?

Для того чтобы ответить на данный вопрос, предлагаем рассмотреть некоторые статистические данные, которые позволят это понять.

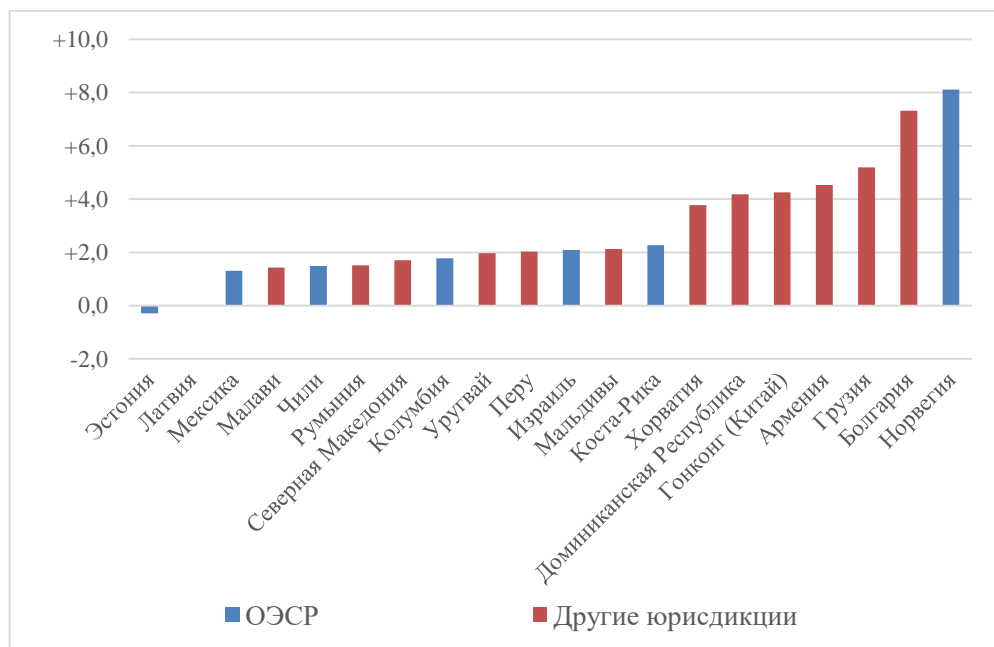

Рисунок 2. Изменение доли участия в пенсионных планах в среднем за год в странах с обязательными пенсионными взносами, % пунктах от всего трудоспособного населения [15].

На Рис. 2 можно увидеть, как в странах с обязательными пенсионными взносами увеличиваются пенсионные поступления, причем в Армении показатель довольно высокий. Поскольку речь идет о странах, в которых пенсионные взносы обязательны, этот показатель является также фактором развития экономики. То есть увеличение количества участников пенсионного плана означает сокра-

щение безработицы, сокращение теневой экономики или создание новых рабочих мест. Другими словами, участники системы обязаны стать ее частью и это не выбор, исходя из глубокого доверия к деятельности фондов.

Также, интересно понять, какая доля из всего трудоспособного населения является участником пенсионной системы в рамках выборки стран с обязательными пенсионными взносами. На рисунке 3 можем наблюдать высокий уровень участия у таких стран как Латвия (100%), Болгария (96%) и Гонк-Конг (95%). Одновременно, у таких стран как Малави (4,8%), Северной Македонии (40%) и Армении (40%) результаты нельзя считать положительными.

Стоит отметить, что Латвия внедрила накопительную пенсионную систему в 2001 году, Болгария и Гонк-Конг – в 2000 году. Тем временем, Малави присоединилась к накопительной пенсионной системе в 2011 году, Армения – в 2014 году, а Северная Македония – в 2019 году. Это является ключевой причиной, почему у первой выборки большая доля участников по сравнению со второй.

Теперь же рассмотрим темпы роста пенсионных взносов, что позволит оценить, насколько предыдущие показатели были весомыми в финансовом плане. Другими словами, попытаемся выяснить, 1% количественный рост участников пенсионного фонда от всего трудоспособного населения на какой процент обеспечивает рост пенсионных активов.

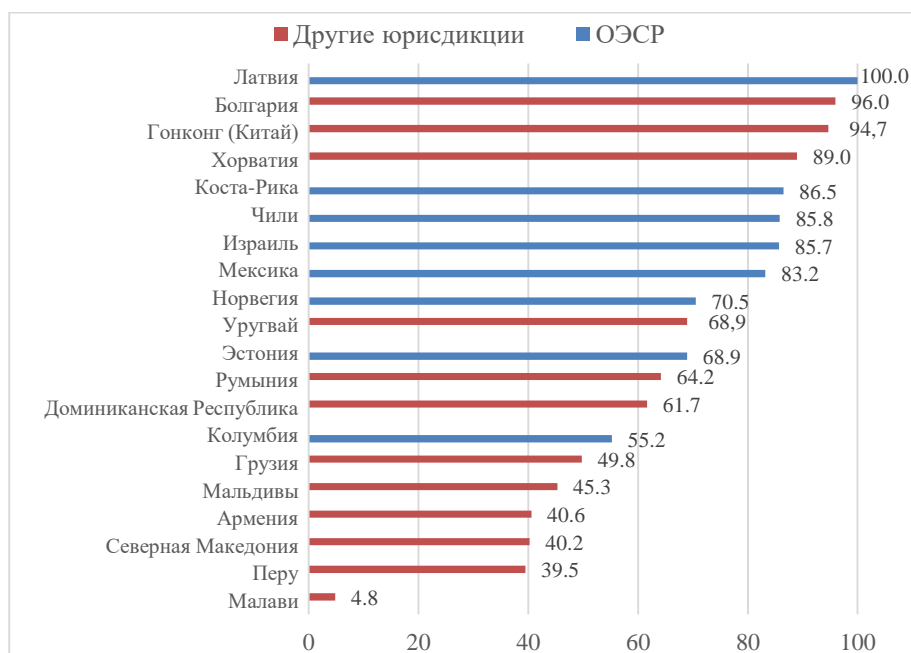

Рисунок 3. Доля участия в пенсионных планах, % пунктах от всего трудоспособного населения [16].

На Рис. 4 можем заметить, насколько по отношению к предыдущему периоду поменялась динамика взносов в пенсионные фонды. Нам интересно рассмотреть выборку, описанную на Рис. 2, в котором представлена динамика доли участия в пенсионной системе. Так:

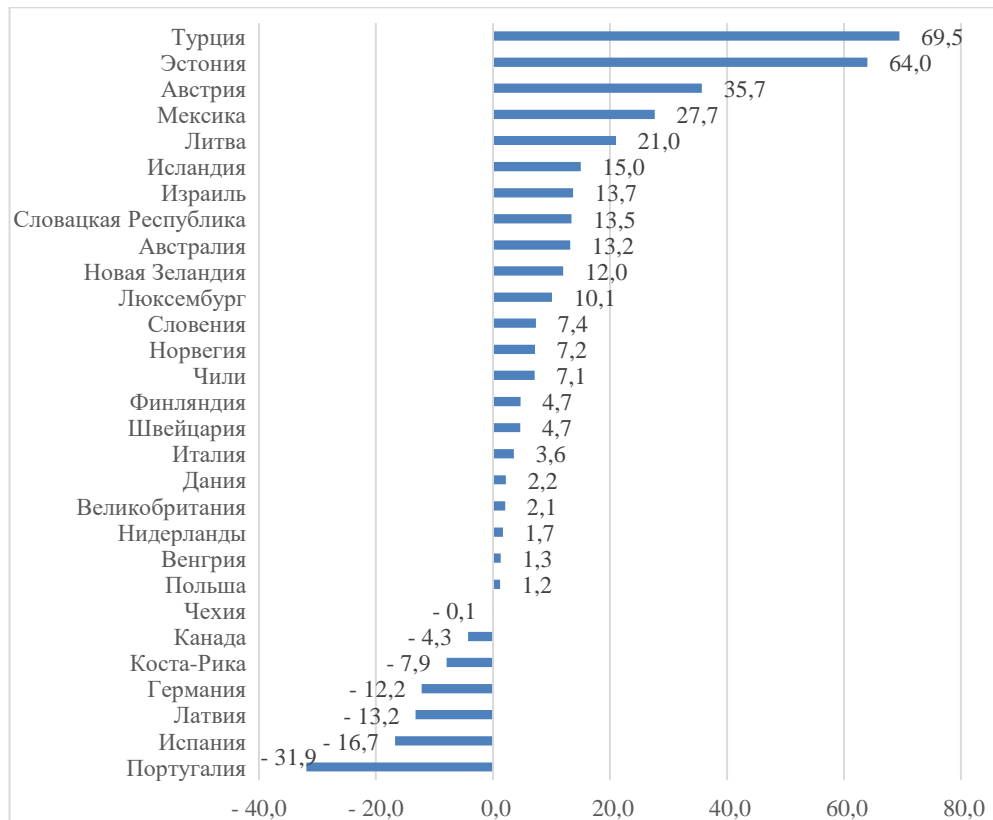

Рисунок 4. Номинальный темп роста взносов в пенсионные планы, 2022 г. в странах ОЭСР, % [17].

- в Норвегии взносы увеличились на 7,2%;
- В Болгарии взносы увеличились на 9,3%;
- В Грузии взносы увеличились на 22%;
- В Армении взносы увеличились на 16,3%;
- В Гонк-Конге взносы снизились на -0,5%;
- В Хорватии взносы увеличились на 9,5%;
- В Коста-Рике взносы снизились на 7,9%;
- На Мальдивах взносы увеличились на 18,7%;
- В Израиле взносы увеличились на 13,7%;
- В Перу взносы увеличились на 4%;
- В Уругвае взносы увеличились на 13,6%;

- В Северной Македонии взносы увеличились на 14,5%;
- В Румынии взносы увеличились на 12,6%;
- В Чили взносы увеличились на 7,1%;
- В Малави взносы увеличились на 16,7%;
- В Мексике взносы увеличились на 27,7%;
- В Латвии взносы снизились на 13,2%;
- В Эстонии взносы увеличились на 64%.

Как можем заметить на Табл. 2, корреляция между показателями не однозначная. То есть не обязательно, что увеличение взносов зависит только от новых участников пенсионной системы. На это влияет множество других факторов как сокращение теневого сектора экономики, увеличение количества рабочих мест, повышение уровня заработной платы, юридические изменения и в целом – улучшение благосостояния населения.

Таблица 2. Сравнительный анализ динамики участников и динамики взносов пенсионных фондов в странах с обязательными пенсионными взносами [18].

	Динамика участников, %	Динамика взносов, %
Норвегия	8,1%	7,2%
Болгария	7,3%	9,3%
Грузия	5,2%	22%
Армения	4,5%	16,3%
Гонк Конг	4,3%	-0,5%
Хорватия	3,8%	9,5%
Коста Рика	2,3%	-7,9%
Мальдивы	2,1%	18,7%
Израиль	2,1%	13,7%
Перу	2%	4%
Уругвай	2%	13,6%
Северная Македония	1,7%	14,5%
Румыния	1,5%	12,6%
Чили	1,5%	7,1%
Малави	1,4%	16,7%
Мексика	1,3%	27,7%
Латвия	0%	-13,2%
Эстония	-0,3%	64%

Из общей выборки сильно выделяется Эстония, где, при процентном снижении доли участников в пенсионной системе, регистрируется очень высокий уровень прироста пенсионных взносов. Картина довольно неоднозначная.

ная, тем более, учитывая, что сокращения теневой экономики не наблюдалось, заработная плата по отношению к предыдущему году снизилась и значительного изменения количества рабочих мест тоже не было [19].

Однако, произошли юридические и правовые изменения, которые стали причиной такой картины. В 2021 году Правительство Эстонии приняло закон, который позволяет участникам второй ступени пенсионной реформы снять со своего пенсионного счета часть активов. В итоге, гражданам было выплачено приблизительно 77 млн. долларов США [20]. Это было сделано с целью увеличения налоговых поступлений, поскольку эти средства приравниваются к доходам и облагаются подоходным налогом в размере 10%.

Одновременно, перед Правительством Эстонии и перед управляющими пенсионными фондами стояла задача компенсировать выплаты из фондов новыми поступлениями. В связи с этим, Правительство внесло законодательные поправки и позволило участникам пенсионной системы на добровольной основе увеличить индивидуальные пенсионные взносы до 4% или до 6% вместо предыдущего 2% [21]. Именно возможность больше финансовых активов вносить на пенсионный счет и стала основополагающей причиной увеличения пенсионных взносов в таком объеме.

Текущее состояние пенсионной системы Армении

В Армении доля участников в пенсионной системе увеличилась на 4,5%, в то время как пенсионные взносы увеличились на 16,3%. Оба показателя довольно высокие в рамках нашей выборки, следовательно, довольно логичная и корреляция довольно прямая между показателями в случае Армении. То есть, 1% увеличения количества участников в пенсионной системе обеспечивает рост пенсионных взносов в размере 3,6%.

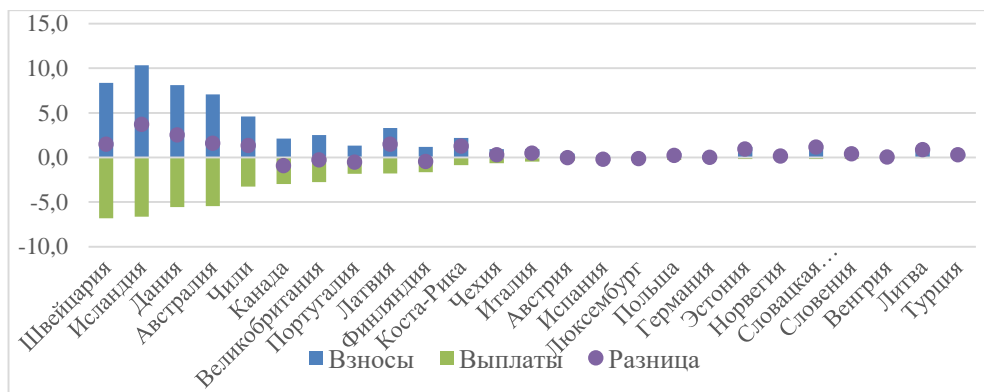

Рисунок 5. Пенсионные взносы и выплаты в странах ОЭСР в 2022 году, % от ВВП [22].

На Рис. 5 наблюдаем какую долю от ВВП выбранных стран составляют пенсионные взносы и выплаты в 2022 году. Говоря о взносах, очень важно также рассматривать сальдо между взносами и выплатами. Стоит отметить, что данное соотношение важно, однако полностью не выявляют эффективность функционирования фонда.

Данное соотношение и разница между взносами и выплатами не является основной целью деятельности пенсионных фондов. В реалиях Армении, увеличение пенсионных взносов, исходя из обязательного характера участия в системе, зависит не от репутации и эффективности управления фондами, а от юридического поля и макроэкономических показателей, таких как уровень безработицы, уровень зарплат, уровень теневой экономики и т.д. Неправильно утверждать, что положительное сальдо пенсионных взносов и выплат – это неважный показатель, однако нельзя также утверждать, что это важнейший критерий функционирования пенсионных фондов, поскольку идея накопительной пенсионной системы кроется в эффективном управлении пенсионными активами. Иными словами, положительные результаты пенсионных фондов должны быть обеспечены прибылью от инвестиционной деятельности, а не от новых поступлений.

Для того чтобы понять, насколько данная теоретическая аксиома совпадает с практикой, рассмотрим показатели стран по пенсионным взносам и выплатам, также по отдам от инвестиций, дабы понять, насколько сбалансированы финансовые результаты пенсионных фондов разных стран.

Таблица 3. Сравнительный анализ сальдо пенсионных активов 2022 года и усредненных показателей отдачи от инвестиций в странах ОЭСР [23].

	Сальдо взносов и выплат	Отдача от инвестиций
Швейцария	1,5%	2,8%
Исландия	3,7%	3,3%
Дания	2,6%	3,3%
Австралия	1,6%	4%
Чили	1,4%	3,1%
Канада	-0,9%	4,1%
Португалия	-0,5%	1,6%
Латвия	1,5%	-1,9%
Финляндия	-0,4%	3,6%
Коста Рика	1,3%	3,7%
Чехия	0,3%	-1%
Италия	0,5%	0,9%
Австрия	0%	0,8%
Испания	-0,2%	0,6%
Люксембург	-0,1%	-0,2%
Польша	0,2%	-7,2%
Германия	0%	1,9%

Таблица 4. Сравнительный анализ сальдо пенсионных активов 2022 года и усредненных показателей отдачи от инвестиций в странах, не входящих в ОЭСР [24].

	Сальдо взносов и выплат	Отдача от инвестиций
Малави	0,4%	3,4%
Ботсвана	0,2%	0,6%
Гонк Конг	1,8%	-0,1%
Перу	0,5%	3,3%
Уругвай	1%	3,9%
Кения	0,3%	1,6%
Замбия	0,1%	3%
Хорватия	1,3%	-1,6%
Казахстан	1,4%	-0,4%
Болгария	1,1%	-0,8%
Сербия	0%	0,8%
Северная Македония	1,4%	1,1%
Румыния	0,8%	1,6%
Армения	1,4%	0,1%

Как можем заметить увидеть в Табл. 3 и 4, пенсионные фонды в разных странах имеют два основных компонента финансового притока. Если в первые годы существования фонда приемлемо, что пенсионные поступления высокие и отдача от инвестиций низкая, то в перспективе долгосрочного периода это говорит о неэффективном управлении и, соответственно, о финансовых рисках для пенсионной системы данной страны. В условиях, в которых положительные финансовые результаты обусловлены новыми взносами, а не отдачей от инвестиций, получается, что пенсионные фонды погашают свои текущие обязательства за счет новых поступлений. Это противоречит идеологии накопительной пенсионной системы и, фактически, пенсионные выплаты осуществляются за счет новых пенсионных поступлений. Иными словами, взносы не трансформируются в длинные деньги. То есть, участники пенсионного фонда, фактически, выплачивают пенсии пенсионерам на подобие распределительной пенсионной системе.

Пенсионные фонды Исландии, Латвии, Чехии и Польши показывают отрицательное соотношение сальдо пенсионных взносов и выплат с отдачей от инвестиций, то есть взносы, в процентном соотношении, превалируют над отдачей от инвестиций. Предлагаем рассмотреть каждый частный случай отдельно.

Кроме отмеченных, важно также обратить внимание на другие показатели. Так, в Исландии номинальный рост пенсионных взносов в 2022 году составляет 15%, а инфляция для данного периода составляет 10% [25]. Фактически, реальный прирост активов составляет 5%. Также, если рассматривать в процентах от ВВП, взносы составляют 10% от ВВП страны. В Латвии

же, уровень инфляции к концу 2022 года составляла 21,5% [26]. Номинальный же рост пенсионных взносов составляет -13,2%. Фактически, реальный прирост активов в Латвии отрицательный и равен -34,8%. Такая же картина сохраняется и у остальных стран, где финансовые результаты обусловлены новыми взносами больше, чем отдачей от инвестиций. С другой стороны, такие страны как Австралия, Канада, Финляндия, Германия и другие показывают позитивную картину. В случае Канады, Финляндии и Германии, при отсутствии пенсионных поступлений и даже при снижении уровня, показывают положительные финансовые результаты.

Что касается Армении, сальдо взносов и выплат в разы превалирует над отдачей от инвестиций, однако необходимо заметить, что десятилетняя перспектива – это малый срок для оценки эффективности пенсионной системы и есть обоснованные на примере стран ОЭСР предположения, что есть смысл ожидать улучшение картины в более долгосрочной перспективе. На данный момент важно учитывать эффективность управления фондов с учетом кризисных и экстремальных ситуаций на мировом финансовом рынке, которые экстернальным фактором будут влиять как на краткосрочную, так и на долгосрочную перспективу формирования инвестиционных портфелей внутри пенсионных фондов Республики Армения.

Данная картина довольно логична, поскольку в основном проблемы, касательно пенсионных систем, общие для всех стран. Причина в том, что проблемы глобальные и касаются всей системы в целом, а не отдельной страны, хотя имеются и такие случаи. При таком исходе, к экстернальным рыночным рискам подключаются также локальные риски, касательно неграмотного управления фондами, неэффективной юрисдикцией и прочих.

Заключение

В рамках сравнительного анализа пенсионных систем разных стран, как входящих в ОЭСР, так и других юрисдикций, мы исследовали вопрос распределения пенсионных активов управляющими компаниями пенсионных фондов в разных странах. В рамках данного исследования были выявлены основные инвестиционные стратегии по диверсификации портфелей в контексте инвестиционных инструментов. Армения, в рамках данного вопроса, придерживается политики формирования портфеля путем инвестирования в банковские вклады, облигации и в коллективные инвестиционные схемы с довольно равномерным распределением.

Так же был рассмотрен показатель геометрической средней отдачи от инвестиций в пятилетнем, десятилетнем, пятнадцатилетнем и, в случае стран ОЭСР, в двадцатилетнем временном интервале. В рамках данного исследования эффективным можно считать инвестиционную политику тех стран, кото-

рым удается в долгосрочной перспективе обеспечивать значительный прирост активов. Учитывая, что пенсионные фонды нацелены на формирование длинных денег и инвестиционную политику в долгосрочной перспективе, приемлемо не показывать невысокие или даже отрицательные показатели в краткосрочной перспективе. В случае же Армении, необходимо провести детальный анализ инвестиционной политики, чтобы оценить перспективность пенсионных инвестиций, поскольку срок функционирования пенсионной системы невелик для оценки эффективности только макроэкономическими основными показателями.

Было изучено соотношение новых участников пенсионного фонда в контексте процентной корреляции с увеличением пенсионных взносов. Благодаря данному анализу было выявлено, что корреляция не сильная, поскольку другие факторы более значимы для привлечения пенсионных средств. В этом мы убедились на примере Эстонии. В случае же Армении корреляция довольно явная, учитывая сокращение теневого сектора и обязательный характер пенсионных фондов. Было выявлено, что 1% увеличения количества участников в пенсионной системе обеспечивает рост пенсионных взносов в размере 3,6%.

В итоговой части сравнительного анализа, были изучены показатели пенсионных взносов, выплат и их либо положительной, либо отрицательной разницы. На основе данного анализа, мы попробовали выяснить, какой фактор является ключевым для положительных финансовых результатов деятельности управляющего пенсионным фондом: новые пенсионные поступления или отдача от пенсионных инвестиций. Благодаря сопоставлению усредненных показателей отдачи от инвестиций с разницей между пенсионными взносами и выплатами. Исследование показало, что есть много стран, в которых пенсионные фонды покрывают краткосрочные финансовые обязательства за счет новых поступлений, а не за счет эффективного управления пенсионными активами. Схожая проблема присутствует и в случае Республики Армения, однако этот феномен может иметь более отрицательные последствия в РА, учитывая малый размер экономики и высокую зависимость от внешних факторов. Таким образом, принимая во внимание объективную реальность существования схожей ситуации в других странах, необходимо более тщательно подходить к субъективным и локальным факторам, связанным с управлением пенсионными фондами в Армении, так как улучшение уровня эффективности данных процессов в этой части может минимизировать возникающие риски мировой конъюнктуры систем пенсионного накопления.

ЛИТЕРАТУРА

1. AP6 (2024) Annual Report 2023. URL: <https://www.ap6.se/en/documents/annual-report/>
2. BIS, BIS Quarterly Review, March 2024. URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2403a.pdf.

3. FRR (Annual Report 2023) 2024. URL: <https://www.fondsdereserve.fr/documents/FRR-RA2023-EN.pdf>.
4. ILO (2024) World Employment and Social Outlook – Trends 2024. URL: <https://doi.org/10.54394/HQAE1085>.
5. IMF (2024) Global Financial Stability Report: The Last Mile: Financial Vulnerabilities and Risks.
6. *Mesa-Lago C.* Evaluation of Four Decades of Pension Privatization in Latin America, 1980–2020: Promises and reality, 2021.
7. Milliman, Pension Funding Index January 2024. URL: <https://www.milliman.com/en/insight/pension-funding-index-january-2024>.
8. Ministry for Inclusion, Social Security and Migration, Reserve fund a report to the Parliament – Developments, actions in 2023 and status as of 31 December 2023.
9. OECD (forthcoming): OECD Pensions Outlook 2024, OECD Publishing. URL: <https://doi.org/10.1787/51510909-en>.
10. PPI (2024) Pension scheme assets – a deep dive into alternatives. URL: <https://www.pensionspolicyinstitute.org.uk/media/ugen4wez/20240916-deep-dive-1.pdf>.
11. SFC (2024) Research Paper No.74: A Review of the Global and Local Securities Markets in 2023. URL: <https://www.sfc.hk/-/media/EN/files/SOM/RS-Paper/RS-paper74.pdf?rev=1fe5ffe6d12f4265a291367ea27242c9&hash=FDBF47FC1777BC217D4E2C3DA99-EF97F>.
12. *Stewart F., Yermo J.* Pension Fund Governance: Challenges and Potential Solutions”, OECD Working Papers on Insurance and Private Pensions, №. 18, OECD Publishing, Paris, 2008. <https://doi.org/10.1787/241402256531>.
13. Отчет OECD Pension Markets in Focus, № 20, 2023. URL: www.oecd.org/daf/pensions/pensionmarkets
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. База данных Всемирного Банка. URL: <https://data.worldbank.org/>.
20. €1.5 billion paid out from second pillar following pension reform / Eesti Rahvusringhääling. URL: <https://news.err.ee/1609094117/1-5-billion-paid-out-from-second-pillar-following-pension-reform#:~:text=2021%20saw%20Estonia%20implementation%20a,in%20their%20second%20pillar%20accounts>.
21. Официальный сайт Налоговой и пограничной службы Эстонии. URL: <https://www.emta.ee/en/business-client/taxes-and-payment/income-and-social-taxes/contributions-mandatory-funded-pension>.
22. Отчет OECD “Pension Markets in Focus”, № 20, 2023. URL: www.oecd.org/daf/pensions/pensionmarkets_
23. Там же.
24. Там же.
25. Дата база Центрального Банка Исландии. URL: <https://www.cb.is/>
26. Дата база Центрального Банка Латвии. URL: <https://www.bank.lv/en/>.

COMPARATIVE ANALYSIS OF PENSION FUNDS ASSET MANAGEMENT MECHANISMS IN OECD COUNTRIES AND ARMENIA

G. Melkonyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

georgi.melkonyan@gmail.com

ORCID: 0009-0005-1944-9216

ABSTRACT

In the framework of a comparative analysis of pension systems of different OECD countries and Armenia, the issue of distribution of pension assets by pension fund management companies in these countries was studied. Also, the indicator of geometric average return on investment in a five-year, ten-year, fifteen-year and twenty-year time interval was considered. The ratio of new participants in the pension fund was studied in the context of percentage correlation with the increase in pension contributions.

The author also considered the indicators of pension contributions, payments and their either positive or negative difference in the study. As a result, the author comes to the conclusion about the similarity of the main problems associated with liquidity, increasing risk and decreasing profitability indicators, which essentially change the nature and essence of pension funds both in developed countries and in Armenia.

Keywords: pension fund, liquidity, pension receipts, risk, profitability.

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-4-60-78
УДК 321.7

Поступила: 29.11.2024г.
Сдана на рецензию: 06.12.2024г.
Подписана к печати: 30.12.2024г.

АНАЛИЗ ВИДОВ ДЕМОКРАТИИ И ЕЕ ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ СУБСТАНЦИИ ПО АРИСТОТЕЛЮ

А.А. Тер-Варданян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
aram.ter.vardanyan@gmail.com
ORCID: 0009-0006-2685-2414*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию двух теоретических вопросов, имеющих важное значение для содержательного понимания античной демократии. Первым предметом исследования являются предложенные Аристотелем виды демократии и причина их количественного несоответствия в различных классификациях, в одной из которых он говорит о пяти, а в двух других – о четырех видах. Вторым предметом является анализ и уточнение определяющей субстанции демократии согласно Стагириту.

Актуальность работы обусловливается стремлением глубже осмыслить аристотелевское, а, следовательно, и античное понимание демократии. Результаты исследования могут использоваться для решения широкого круга научных задач – таких, как проблема периодизации афинской демократии, сравнительное изучение последующих трансформаций понимания демократии, проблема ее определения и т.д. В работе по преимуществу используется сравнительный метод исследования.

Ключевые слова: Аристотель, виды демократии, субстанция демократии, свобода, равенство, определение демократии.

Введение

Работа посвящена политическим воззрениям Аристотеля, который внес неоценимый вклад в становление и развитие политической науки. В этой связи, не удивляет, что многие ученые считают его «основателем истинной политической науки» [1]. «Он хотел не только представить идеальное государство, но и показать, какое государственное устройство наиболее осуществимо при известных данных отношениях и какие учреждения вообще

наиболее подходящие для государства. Поэтому, он с философской теорией соединяет в своей «Политике» и рассмотрение реальных условий государственной жизни, основанное на обширном знакомстве с историческими событиями», – заключает немецкий историк-эллинист Георг Бузольт [2].

Оценка профессора Кильского и Гёттингенского университетов относительно философской теории Аристотеля совершенно справедлива. Ведь в политических трудах мыслителя из Стагиры гораздо больше эмпирической теории, чем нормативной политической философии. Поэтому, если брать термины в более строгом значении, то для политологии Аристотель прежде всего теоретик, и лишь потом философ. Как нельзя лучше об этом говорят превосходные слова Р.Ю. Виппера, о том, что «ученый, однако, в Аристотеле сильнее философа, и по временам, разбираясь в деталях, он дает нечто гораздо лучшее, чем общие определения» [3].

По мнению Анатолия Ксавериевича Бергера: «Основное внимание историков политических идей древней Греции привлекала теория политических форм Аристотеля, которая ставилась едва ли не в наибольшую заслугу философу» [4]. Согласно Диогену Лаэртскому, им были разработаны ««Государственные устройства» 158 городов, общие и частные, демократические, олигархические, аристократические и тиранические...» [5]. Причем «Аристотель не только аргументирует существование нескольких основных видов политий, но и подчеркивает наличие вариантов каждой из них» [6].

Скорее всего, одна из важных причин, вызывающих интерес и при этом обязывающих возвращаться к теории различных форм государственного устройства Аристотеля, заключается в том неоспоримом факте, что никто из античных философов ни до него, ни после не обращается к их исследованию, включая демократию, так обстоятельно и продуктивно, как философ из Стагиры. Мы не находим столь глубокого теоретического анализа народовластия ни у Платона, ни в беседах Сократа, ни в речах Демосфена, ни в «Истории» Фукидида или Геродота.

В этой связи первая часть работы посвящена исследованию видов демократии, к которым Аристотель дважды обращается в четвертой книге «Политики». Причем, если в первом случае он отмечает, что видов пять, то чуть ниже, во второй классификации он говорит уже о четырех. Далее, к тому же вопросу он возвращается в шестой книге, где также речь идет о четырех видах демократии. С чем связана столь неприсущая греческому философу непоследовательность и в чем причина такого несоответствия, является предметом исследования в первой части работы.

Стоит заметить, что указанная проблема выпадает из поля зрения многих историков-эллинистов. Например, такие уважаемые антиковеды как Георг Бузольт, академик Владислав Петрович Бузескул, А.К. Бергер, в представленных ниже работах подчеркивают четыре аристотелевских вида демократии,

но, к сожалению, не уделяют внимания указанному несоответствию, как и Харийс Туманс, который, напротив, считает, что видов пять. Обходит также стороной данную проблему Роберт Юрьевич Виппер [7], который лишь вскользь касается аристотелевских видов демократии, тем временем как швейцарский филолог-эллинист Андре Боннар в исследовании «Греческая цивилизация» или немецкий историк, антиковед Карл Юлиус Белох в своем двухтомном труде «Греческая история» вообще оставляют их без внимания.

Возможно, такое безразличие к обозначенной проблеме со стороны некоторых историков вызвано ее несущественностью для исторического исследования, чего нельзя сказать о политической теории.

Выводы и результаты, полученные в первой части работы, вынуждают обратить внимание на различные аристотелевские формулировки термина «демократия». Делается попытка выделить не только более полное по содержанию и точное по смыслу определение, но и осмыслить основную субстанцию демократии, определяющую ее суть, наряду с иными, свойственными ей признаками.

Несмотря на актуальность изучения проблемы определения демократии, данному вопросу также не уделяется достойного внимания, чем и обуславливается необходимость ее исследования.

Результаты исследования обобщаются в заключительной части работы, где делаются основные выводы и уточнения.

Виды демократии Аристотеля и проблема их количественного несоответствия

Итак, в четвертой книге «Политики» Аристотель дважды обращается к классификации видов демократии. Основной текст первой из них имеется в следующем изложении: «Характерным отличием так называемого первого вида демократии служит равенство. Равенство же, гласит основной закон этой демократии, состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны. Если, как полагают некоторые, свобода и равенство являются важнейшими признаками демократии, то это нашло бы свое осуществление главным образом в том, чтобы все непременно принимали участие в государственном управлении. А так как народ представляет в демократии большинство, постановления же большинства имеют решающее значение, то такого рода государственный строй и является демократическим. Итак, вот один вид демократии.

Другой ее вид – тот, при котором занятие должностей обусловлено, хотя бы и невысоким, имущественным цензом. Обладающий им должен получить доступ к занятию должностей, потерявший ценз лишается этого права. Третий вид демократии – тот, при котором все граждане, являющиеся бесспорно

такowymi по своему происхождению, имеют право на занятие должностей, властвует же закон. Четвертый вид демократии – тот, при котором всякий, лишь бы он был гражданином, пользуется правом занимать должности, властвует же опять-таки закон. При пятом виде демократии все остальные условия те же, но верховная власть принадлежит не закону, а простому народу. 4. Это бывает в том случае, когда решающее значение будут иметь постановления народного собрания, а не закон. Достигается это через посредство демагогов» [8].

Как видно, в первой классификации Аристотель отмечает пять видов демократии. Чуть ниже, опять возвращаясь к вопросу классификации, он указывает на существование уже не пяти, а четырех видов. Причем, во второй классификации он начинает свое перечисление с указания, что «существует столько видов демократии и олигархии» [9]. А поскольку мыслитель различает четыре вида олигархии [10], то, следовательно, и демократий должно быть столько же. О четырех видах демократии он прямо говорит и в начале третьей классификации, при обсуждении лучшей из них [11]. Получается, что мы сталкиваемся с проблемой количественной неопределенности видов демократии.

Среди историков-эллинистов многие также считают, что аристотелевских видов демократии четыре. Например, Г. Бузольт подчеркивает, что «Аристотель различает четыре главные формы демократии» [12]. О том, что «Аристотель, говоря о формах правления и их видах, различает четыре рода демократии» [13], – пишет и В. Бузескул, той же позиции придерживаются А.К. Бергер [14] и многие другие специалисты. Хотя, к примеру, Х. Туманс, напротив, отмечает, что Аристотель «различает пять видов демократии» [15]. Причем интересно, что никто из перечисленных авторов в соответствующих работах не разъясняет, чем аргументирована их позиция, при этом оставляя открытым вопрос о «непоследовательности» философа.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу, мы предлагаем для удобства и ясности кодифицировать виды демократии по очередности и классификациям. Например, первый вид первой классификации обозначим как (I вид, I К) или, предположим, третий вид во второй классификации – (III вид, II К), остальные будут пронумерованы по тому же принципу.

Тем временем определенный интерес к указанной проблеме проявляет антиковед, д.и.н. Татьяна Владимировна Кудрявцева. Стараясь внести ясность, профессор обращается к второму виду демократии первой классификации (II вид, I К), который начинается следующими образом: «Другой ее вид (αλλο δέ) ...» [16], полный текст которого дан выше. Подчеркнув это обстоятельство, она продолжает: «Некоторые исследователи следуют конъектуре, предложенной еще в конце XVIIIв. Й. Шлоссером, убирают слова αλλο δέ, и

тогда фраза переводится как “этот вид – такой, при котором занятие должно-стей обусловлено, хотя бы и невысоким имущественным цензом”, то есть первый и второй вид – один и тот же, всего же получается четыре разновидности демократии. По нашему мнению, вина за путаницу лежит на переписчиках рукописей, а не на Стагирите, и, руководствуясь логикой его повествования, следует принять такой вариант чтения этого спорного места, который исходит из наличия четырех типов демократии» [17].

Таким образом, согласно Татьяне Владимировне, которая своим комментарием поддерживает тезис немецкого историка, об объединении первого и второго вида первой классификации в один вид, т.е. (I вид, I К) + (II вид, I К), снимается проблема количественного несовпадения видов между различными классификациям.

Приняв справедливость шлоссеровского тезиса, разумно предположить, что каждому виду одной классификации должен содержательно соответствовать определенный вид в другой классификации. А поскольку, по Й. Шлоссеру, первые два вида первой классификации являются одним видом, то этому единому виду скорее всего должны соответствовать первые виды двух последующих классификаций, т.е. (I вид, II К) и (I вид, III К).

Чтобы убедиться в этом, прежде обратимся к первому виду демократии второй классификации (I вид, II К), который, согласно Аристотелю, таков: «Когда управление государством возглавляют земледельцы и те, кто имеет средний достаток, тогда государство управляется законами. Они должны жить в труде, так как не могут оставаться праздными; вследствие этого, поставив превыше всего закон, они собираются на народные собрания лишь в случае необходимости. Остальные граждане могут принимать участие в государственном управлении лишь после приобретения установленного законами имущественного ценза: всякий, кто приобрел его, имеет право участвовать в государственном управлении» [18].

Если сопоставить первый и второй виды первой классификации, которые Шлоссер считает единым видом, с (I видом, II К), то легко обнаруживается явное отличие последнего и (I вида, I К). Вместе с тем, довольно заметна схожесть изложения (II вида, I К) и (I вида, II К), но лишь с той разницей, что последнее дополняет и уточняет первое важным замечанием, что «в государстве главенствует закон, когда им управляют земледельцы среднего достатка».

Та же картина наблюдается с первым видом третьей классификации (I вид, III К), где мыслитель превозносит данный вид, считая его наилучшим и частично пересказывает текст из (I вида, II К). «Из четырех видов демократии, – пишет Стагирит, – наилучшим является, как об этом сказано в предшествующих рассуждениях, тот, который занимает по порядку **первое место**... Я

называю его первым в соответствии с естественным делением народонаселения. В самом деле, наилучшим видом народа является земледельческий; поэтому и возможно бывает насаждать демократию там, где народная масса живет земледелием или скотоводством. Не обладая значительной собственностью, люди не имеют там досуга часто устраивать народные собрания» [19].

Кроме того, посредством (I вида, III К) он дополняет (II вид, I К), а также вносит определенную ясность относительно участия в государственном управлении и принципа применения имущественного ценза указанного в (I виде, II К). Если немного перефразировать уже ранее приведенную мысль Аристотеля, то получится, что, «когда земледельцы возглавляют управление государством, они собираются на народные собрания лишь в случае необходимости, а остальные граждане принимают участие в государственном управлении лишь после приобретения имущественного ценза». Очевидно, что здесь мы сталкиваемся с двоякостью и неопределенностью понятия «государственного управления» полисом, которую философ старается решить в (I виде, III К). Он, в частности, отмечает, что «для той демократии, о которой сказано выше, и полезным и обычным является следующий порядок: весь народ участвует в выборах должностных лиц, в принятии отчетов от них, отправляет обязанности судей, но высшие должности замещаются путем выбора и на основании имущественного ценза, причем, чем должность выше, тем больше ценз; или же ни одна должность не замещается на основании ценза, но принимаются во внимание лишь способности человека. Государство, имеющее такого рода устройство, разумеется, будет иметь хорошее правление, так как должности всегда будут занимать наилучшие граждане согласно воле народа, не питающего зависти к порядочным людям» [20].

Расставляя приоритеты относительно «государственного управления», Стагирит указывает, что такая деятельность, прежде всего и в большей степени, относится к всенародному участию граждан в экклесии и суде, и гораздо меньше к управлению полисом должностными лицами, которые избирались собранием на основании имущественного ценза. На самом деле, их властные полномочия в масштабах города-государства были гораздо ограничены по сравнению с народным собранием, под контролем которого они выполняли свои государственные обязанности.

Здесь самое место отметить, что фактически вторая и третья классификации являются в определенной степени дополнением к первой, чем и объясняется необходимость их изложения Аристотелем.

Результаты же проведенного сравнительного анализа, недвусмысленно показывают, что (II вид, I К), (I вид, II К) и (I вид, III К) схожи по содержанию, чего нельзя сказать о (I виде, I К), что в свою очередь дает право если не утверждать, то, по крайней мере, усомниться в справедливости предложенного

Й. Шлоссером тезисе – о единстве первого и второго видов первой классификации, т.е. (I вид, I К) + (II вид, I К).

Возможно, для полноты анализа, следовало бы сравнить три последующих вида первой и второй классификации. Но мы не считаем это необходимым, т.к. в изложении отчетливо видна их соответствующая схожесть и даже тождественность. Скорее всего для удобства будет лучше лишь процитировать остальную часть текста второй классификации. «Второй вид демократии отличается от первого следующими признаками: хотя все люди, в принадлежности которых к гражданам на основании их происхождения нет никакого сомнения, могут участвовать в управлении, однако участвуют только те, кто может иметь досуг; в такого рода демократии властвуют законы, потому что для необходимого досуга не хватает доходов. При третьем виде демократии принимать участие в управлении могут все свободнорожденные, однако в действительности участвуют по указанной выше причине не все, так что и в такого рода демократии неизбежно властвует закон. Четвертый вид демократии – тот, который по времени образования в государствах следует за предыдущими. 5. Вследствие увеличения государств по сравнению с начальными временами и вследствие того, что появилось изобилие доходов, в государственном управлении принимают участие все, опираясь на превосходство народной массы, благодаря возможности и для неимущих пользоваться досугом, получая вознаграждение. <...> Отсюда и происходит то, что в государственном управлении верховная власть принадлежит массе неимущих, а не законам. Вот сколько видов демократии и каковы они вследствие указанных неизбежных обстоятельств» [21].

На пути более глубокого и тщательного исследования обсуждаемой проблемы, определенный интерес вызывает также то обстоятельство, что многие специалисты, рассматривающие аристотелевские виды демократии, вслед за философом оставляют (I вид, I К) без соответствующего внимания. Так, например, согласно В.П. Бузескулу: «Первый вид демократии – тот, когда для занятия должности требуется ценз – и при том ценз незначительный, – так что каждый приобретающий его имеет доступ к должностям, а теряющий его лишается этого права» [22]. Заметно, что его определение касается (II вида, I К), (I вида, II К) и (I вида, III К), но никак не (I вида, I К). Хотя в этом отношении Г. Бузольт гораздо более многословен и подробней останавливается на первом виде, в его пересказе наблюдается аналогичная картина, что и у В. Бузескула. «Самой умеренной и самой древней была та, которая хотя и позволяла всем гражданам участвовать в народном собрании и судах, но возможность занимать высшие должности связывала с определенным, хотя бы и незначительным, имущественным цензом. Народное собрание созывалось не часто и располагало только самыми необходимыми правами совещательной и решающей власти. Стало быть, оно главным образом

выбирало сановников, принимало от них отчет, постановляло решения в государственных процессах, решало войну, мир и договоры с другими государствами. Сановники не получали жалованья и судьям не выдавалось суточных денег, так что участие беднейших в судопроизводстве было уже этим ограничено. Естественной почвой для такой демократии являлось земледельческое, умеренно зажиточное и потому ... население, которое, если работало, имело средства к существованию, но у него по большей части не было досуга часто посещать народные собрания и занимать государственные должности. Аристотель считает такой демос самым лучшим и эту форму демократии превосходной» [23].

Очевидно, что в контексте вышеизложенных суждений о первом виде демократии нет ничего достоверно относящегося к (I виду, I К), что говорит о некой обособленности данного вида. Поскольку сами авторы молчат, то нам сложно судить о причинах, по которым они не обращают внимания или игнорируют его как одну из форм демократии наравне с остальными. Аристотель также парадоксально выделяет именно этот вид тем, что в последующих классификациях не приводит соответствующего ему вида, но такая позиция обнаруживает довольно неожиданное и вполне разумное, на наш взгляд, объяснение.

Дело в том, что принципиальное отличие первого вида первой классификации от нижеследующих заключается в отсутствии у остальных таких определяющих условий и признаков демократии, как: свобода, равенство, необходимость участия граждан в государственном управлении и решающее значение воли большинства. Скорее всего, это обусловлено тем, что (I вид, I К) является не видом, а общим и необходимым критерием демократии вообще, которому, по сути, должен соответствовать каждый вид, несмотря на имеющиеся между ними отличия. Хорошим аргументом в пользу предложенного нами суждения представляется, например, указанный в (I виде, I К) принцип «участия всех в государственном управлении», который, не встречается в идущих за ним видах. В то время, как во второй классификации данный принцип в различных вариациях присутствует во всех видах демократии. Это говорит о том, что, поскольку, данный принцип указан в первом виде, то он относится к каждому виду первой классификации, а значит нет нужды упоминать о нем каждый раз, как это делается во второй классификации.

Таким образом, в свете приведенных аргументов, мы возьмем на себя дерзость не согласиться с тезисом, предложенным Й. Шлоссером. Несмотря на то, что мы в результате исследования также, как и он приходим к выводу, что видов демократии четыре, но причиной тому является не шлоссервский подход объединения двух видов, а то, что первый вид первой классификации (I вид, I К) является не видом как таковым, а общим и первичным определением демократии, которое формулирует Аристотель прежде, чем перейти

непосредственно к обсуждению ее видов. Вполне логично, что прежде, чем классифицировать какого-либо понятие по видам, подчеркивая их отличия друг от друга, необходимо определить само понятие и обозначить общие принципы свойственные ему, что и делает философ в самом начале.

Кстати, следует иметь ввиду, что более детального определения народо-властия до этого момента в «Политике» не встречается. Лишь в шестой книге, философ в очередной раз столь же подробно обращается к определению демократии. «Основным началом демократического строя, – пишет он, – является свобода. По общепринятому мнению, только при этом государственном устройстве все пользуются свободой, ибо к ней, как утверждают, стремится всякая демократия. <...> В самом деле, основное начало демократического права состоит в том, что равенство осуществляется в количественном отношении, а не на основании достоинства; если справедливость – в этом, то, разумеется, верховная власть принадлежит народной массе, и то, что решено будет большинством, должно считаться решением окончательным и справедливым. Все граждане, говорят, должны пользоваться равными правами, так что в демократиях неимущие оказываются обладателями большей власти, нежели состоятельные; ведь они составляют большинство, а верховную силу имеет решение большинства» [24].

Примечательно, что представленное определение, содержательное сходство которого с (I видом, I К) не подлежит сомнению, Аристотелем не классифицируется как вид демократии, что также является важным аргументом в пользу нашей позиции, согласно которой первый вид первой классификации является ни чем иным, как дефиницией демократии.

Определяющая субстанция демократии по Аристотелю

В своих размышлениях Аристотель не раз обращается к понятию демократии, но многие суждения о ней носят довольно общий характер и не раскрывают содержание и ее суть. Например, говоря о государственных устройствах, мыслитель пишет, что «в демократических государствах верховная власть – в руках народа» [25], или «при демократии эта власть сосредоточена не в руках тех, кто имеет большое состояние, а в руках неимущих» [26]. Очередным примером подобного рода является утверждение, согласно которому, «демократию не следует определять, как это обычно делают некоторые в настоящее время, просто как такой вид государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках народной массы.....скорее следует назвать демократическим строем такой, при котором верховная власть находится в руках свободнорожденных» [27]. Очевидно, что понять из указанных формулировок, что такое демократия не представляется возможным, так как неясно, при каких условиях, в чем и как проявляется и реали-

зуется такая власть. Посему, считать подобные суждения, даже если они справедливы, определением демократии просто наивно, по причине отсутствия в них ее содержательных характеристик.

В тоже время, если сравнить представленные выше формулировки с принятой нами как определение демократии (I видом, I К), то без труда приходим к заключению, что последняя гораздо более полно и глубже раскрывает и объясняет суть данного понятия, а не апеллирует к положениям общего характера.

Прежде всего, в определении мыслитель особо подчеркивает, что *«свобода и равенство являются важнейшими признаками демократии»*. Следовательно, Аристотель не страдает ложными представлениями о демократии и не сводит ее, как многие ошибочно делают, лишь к совокупности определенных свободы равенства прав. Хотя, к примеру, высказанная им в «Никомаховой этике» суждение о том, что *«“Демократия” же бывает в домах без господина (там ведь все равны), и там, где начальствующий немощен и каждому можно [делать, что ему вздумается]»* [28], можно при желании трактовать в таком духе, но это будет неверная интерпретация его мыслей.

Также философ вполне удачно обозначает суть свободы и равенства в демократическом процессе, которые *«находят свое осуществление в непрерывном участии всех в государственном управлении»*, тем самым подчеркивая, что их наличие суть не сама демократия, а необходимое условие для ее реализации. Следовательно, если при равных правах нет совместного участия в государственном управлении, то это не демократия.

Ранее мы уже отмечали, что *«участие в государственном управлении»* для свободнорожденных граждан прежде всего подразумевает их участие в выборах и принятии отчетов должностных лиц [29], а также отправление обязанностей судей. Очевидно, что такая деятельность осуществляется в народном собрании и суде, и непосредственно связана с коллективным принятием решений, где *«постановления большинства имеют решающее значение»*. А поскольку *«народ представляет в демократии большинство»*, т.е. имеется ввиду не вообще, а большинство при принятии совместных решений, *«то такого рода государственный строй и является демократическим»*.

Таким образом, сутью или субстанцией демократии по Аристотелю являются суть не свобода и равенство сами по себе, а участие в государственном управлении посредством совместного принятия коллективных решений согласно воле большинства, естественно, при условии правового равенства всех участвующих. Ведь *«Демократическим началом, – говорит Аристотель, – является то, когда все граждане решают все дела, поскольку к такого рода равенству демократия и стремится»* [30].

Заметим, что предложенная формулировка полностью созвучна с условием равенства, данным в определении (I вида, I К), согласно которому *«ни*

неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны», что, кстати, входит в кажущееся противоречие с требованием имущественного ценза на занятие должностей, указного в (II виде, I К) и, по идеи, в (III виде, I К).

Самоочевидно, что такой ценз дает правовое преимущество одним и ограничивает возможности других, даже при том, что он не устанавливается законом, а возникает по естественным причинам. Как бы то ни было, такой порядок вещей ведет к неравенству, а это указывает на несоответствие между принятым нами универсальным для остальных четырех видов демократии определением.

Но, по существу, никакого противоречия нет. Уже сам факт того, что мыслитель допускает ценз при демократии, причем считая ее лучшим видом, уже говорит о том, что демократия, согласно Аристотелю, реализуется на основании правового равенства граждан на участие в обсуждении и принятии решений относительно государственных дел, а не равноправия всех на занятие государственных должностей, что часто было связано с обладанием специальных качеств, знаний и навыков в афинском полисе, как, например, должность казначея или стратега. На это прямо указывает одно из размышлений философа, где он рассуждает следующим образом: «... над чем, собственно, должна иметь верховную власть масса свободнорожденных граждан, т.е. все те, кто и богатством не обладает, и не отличается ни одной выдающейся добродетелью? Допускать таких к занятию высших должностей не безопасно: не обладая чувством справедливости и рассудительностью, они могут поступать то несправедливо, то ошибочно. С другой стороны, опасно и устранять их от участия во власти: когда в государстве много людей лишено политических прав, когда в нем много бедняков, такое государство неизбежно бывает переполнено враждебно настроенными людьми. Остается одно: предоставить им участвовать в совещательной и судебной власти» [31].

Здесь Аристотель дает понять, что объективно приветствует участие всех граждан в управлении государством, путем принятия решений в народном собрании и суде, но не приемлет равноправия в исполнении должностных обязанностей. Он акцентирует наше внимание на том, что «прежде всего следует принять во внимание следующую исходную точку зрения: при созидании большей части видов государственного устройства царило общее согласие насчет того, что они опираются на право и предполагают относительное равенство; но в понимании этого равенства допускалась ошибка, на что ранее и было указано. Так, демократическое устройство возникло на основе того мнения, что равенство в каком-нибудь отношении влечет за собой и равенство вообще: из того положения, что все в одинаковой степени люди свобод-

норожденные, заключают и об их равенстве вообще» [32]. Тем самым Стагирит резко выступает против необоснованной абсолютизации всеобъемлющего политического равенства, причем ясно осознавая, что требование ценза на отправление государственных должностей, не противоречит самой сути демократии. Следовательно, заблуждаются все те, кто из одного условия равенства выводят равенство всех и во всем.

Представленные выводы имеют, на наш взгляд, принципиальное значение, так как довольно часто многие не только плохо понимают суть демократии, но и неверно трактуют суждения Аристотеля о ней. Так, например, Х. Туманс, ссылаясь на Стагирита, отмечает, что «формально суть демократии Аристотель определяет двумя признаками: властью большинства и свободой» [33]. Обращаясь к той же мысли Аристотеля, Т.В. Кудрявцева подчеркивает, что ««Демократия обыкновенно определяется двумя признаками: сосредоточением верховной власти в руках большинства и свободой»; здесь же разъясняется, что такое свобода: «возможность делать всякому что угодно»; «каждый живет по своему желанию»» [34].

Прежде всего, давайте процитируем полный текст отрывка, на который ссылаются историки-антиковеды. «В демократиях, – пишет Аристотель, – по крайней мере в тех, которые признаются по преимуществу демократиями, установились порядки, противоположные тому, что для демократий полезно, причина этого в том, что там плохо понимают, что такое свобода. В самом деле, демократия обыкновенно определяется двумя признаками: сосредоточением верховной власти в руках большинства и свободой. Справедливость, как им представляется, совпадает с равенством; равенство же понимается в том смысле, что решения народной массы должны иметь силу; свобода же толкуется как возможность делать всякому что угодно. Вот и живет в такого рода демократиях каждый по своему желанию или «по влечению своего сердца», как говорит Еврипид. Но это плохо: ведь следует считать жизнь, согласующуюся с государственным строем, не рабством, но спасением» [35].

Почему-то специалисты не обращают внимание, что в данном отрывке речь идет о свободе отличной от политической и даже противоположной ей. Согласно Аристотелю, «одно из условий [политической] свободы – по очереди быть управляемым и править» [36], что непосредственно связано с возможностью и необходимостью участия граждан в государственном управлении. При этом свобода, о которой говорится в тексте, напротив, оправдывает своеволие и стимулирует их пассивность и безответственность в делах полиса, и входит в прямое противоречие с субстанцией демократии, которая зиждется на совместности принятия решений. Данное обстоятельство, несомненно, является следствием крайне отрицательного отношения мыслителя к такого рода свободе, которое обнаруживается в его убежденности в том, что

«там плохо понимают, что такое свобода и, которая толкуется как возможность делать всякому что угодно и это плохо».

Поскольку термин «свобода» в исторически протяженном научном дискурсе и у Аристотеля используется в различных смыслах, необходимо уточнять, о какой свободе идет речь. В ином случае, как мы видим, это создает путаницу и ложное понимание демократии. Кстати, то же самое относится и к понятию «равенства», особенно когда равенство в чем-либо трактуется и сопровождается стремлением уравнивать всех во всем.

Обращаясь к верховной власти большинства, философ отмечает ее корреляцию с равенством при принятии решений народной массой. Тем самым он в очередной раз подтверждает, что достаточным требованием политического равенства является равноправное участие всех граждан, вне зависимости от имущественного положения, в обсуждении и принятии совместных решений на собраниях и в суде, тем самым, не подразумевая ее безусловность на занятие государственных должностей. Увы, но такое требование равенства не воспринимается многими специалистами, которые вопреки самой сути демократии стремятся абсолютизировать условие демократического равенства. За примером далеко ходить не надо и можно ограничиться очередным суждением Х. Туманса, который говорит: «Получается забавный парадокс: Аристотель ... наилучшей демократией называет государственный строй, который был у предков и который на самом деле не был никакой демократией! Реальную же демократию, современником которой он был, Аристотель сам же относит к пятому, наихудшему ее виду. Возникает впечатление, что философ запутался в своих рассуждениях и не заметил явного противоречия» [37].

На самом деле у Х. Туманса складывается неверное представление о путанице в размышлениях Аристотеля. Как ранее уже отмечалось, философ из Стагиры считает наилучшим видом – цензовую демократию, которая не предполагает полного равенства политических прав всех граждан и функционирует при цензовых ограничениях на занятие государственных должностей кем-либо. Но это вовсе не означает, что данный вид не является демократией. Если субстанция самой демократии заключается в совместном обсуждении и принятии решений большинством, то к политическому равенству предъявляется соответствующее требование, а именно равенство прав на такое участие, а не на какой-либо иной вид равенства.

А поскольку Х. Туманс уверен в обратном, т.е. в необходимости соблюдения безусловного политического равенства, то он отказывается принимать демократичность такого устройства, где не существует полного равенства. Далее, следуя той же логики, он признает «реальной демократией» ту, в которой подобных ограничений нет и провозглашается абсолютное и механическое равенство всех граждан, в то время как Стагирит, напротив, в некоторых случаях вообще отказывается считать такую демократию за государственное

устройство. Мыслитель видит опасность и безысходность порядка, где практикуется безусловное политическое равноправие всех граждан, так как это влечет за собой установление крайней демократии. Будучи ее свидетелем, Аристотель пишет: «Что касается крайней демократии, при которой все принимают участие в государственном управлении, то не всякое государство в состоянии выносить ее, да и продержаться ей долго нелегко, если только она не скреплена законами и правами граждан (о том же, что ведет к крушению и этого и остальных видов государственного устройства, почти все уже сказано ранее). Чтобы установить эту демократию и придать силу народу, стоящие во главе ее обыкновенно привлекают в число граждан возможно большее количество людей и дают права гражданства не только законнорожденным, но и незаконнорожденным, и тем, у кого один из родителей – либо отец, либо мать – граждане; ведь все они больше подходят для такого рода демократии. Так обыкновенно поступают демагоги» [38]. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании [39].

Не даром Аристотель выказывает резко отрицательное отношение к такой демократии, отводя ей последнее место во всех трех классификациях, в противоположность лучшему из видов. Он считает, что «все мероприятия, к которым прибегают тираны, по-видимому, характерны и для демократии» [40], по крайней мере для ее крайней формы. Следствием этого является полное беззаконие властвующего, скорее не демоса, а охлоса, находящегося под влиянием демагогов. Такая практика вынуждает Аристотеля говорить о власти закона, которая отсутствует при крайней демократии. Она вызывает у философа такое отвращение, что он даже отказывается принимать ее за государственное устройство, отмечая, что «по-видимому, такого рода демократии можно сделать вполне основательный упрек, что она не представляет собой государственного устройства: там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства. Закон должен властвовать над всем; должностным же лицам и народному собранию следует предоставить обсуждение частных вопросов. Таким образом, если демократия есть один из видов государственного устройства, то, очевидно, такое состояние, при котором все управляется постановлениями Народного собрания, не может быть признано демократией в собственном смысле, ибо никакое постановление не может иметь общего характера» [41].

Условие законности, выдвигаемое Аристотелем, имеет особое значение, так как является объективным требованием, ограничивающим субстанциональный признак демократии в случае полной неразумности при принятии совместных решений, тем самым оберегая всевластвующий демос от самого себя. В этой связи, Стагирит выступает против псефизма, т.е. постановлений

народного собрания, которые носят частный характер по отношению к отдельным лицам. К тому же, как мы полагаем, он требует не только предварительного обсуждения законопроектов до внесения в народное собрание, но и разумности при принятии решений, а не слепого подчинения искусным болтунам.

Напомним, что условие законности является единственно важным принципом, который присутствует в аристотелевских видах, но не находит своего достойного места в (I виде, I К), принятого нами за определение демократии. Несмотря на это, сама дефиниция довольно полно раскрывает и объясняет все основные принципы, уточняя также суть и содержание демократии.

Заключение

Первопричина, обусловившая необходимость данного исследования, заключалась в поиске наиболее полноценной и содержательной дефиниции демократии из всех формулировок, представленных Стагиритом. Решение поставленной задачи, естественно, предполагало тщательный анализ всех суждений о демократии и особенно ее видов, которым философ придавал важное значение. В результате предварительного знакомства с материалом было обозначено две проблемы. Первая – это количественное несоответствие видов демократий, представленных в различных классификациях. И вторая проблема, а скорее предположение, что первый вид первой классификации (I вид, I К), который по содержанию заметно отличается от остальных, больше подходит не на вид, а на определение демократии.

Поиск ответов на первые вопросы в научной литературе не дал желаемого результата, кроме представленной профессором Т.В. Кудрявцевой позиции Й. Шлоссера, согласно которой два первых вида первой классификации, т.е. (I вид, I К) и (II вид, I К) являются одним видом, что в свою очередь снимало количественное несоответствие видов между различными классификациями. Не имея возможности объективно подтвердить или опровергнуть данный тезис, по причине незнания греческого языка, мы обратились к сравнительному анализу, который не подтверждает точку зрения немецкого историка.

Если представить полученные результаты в виде схемы, используя предложенную выше кодификацию, то соответствие между видами демократий различных классификаций будут выглядеть следующим образом:

(I вид, I К)

(II вид, I К) ↔ (I вид, II К) ↔ (I вид, III К)

(III вид, I К) ↔ (II вид, II К)

(IV вид, I К) ↔ (III вид, II К)

(V вид, I К) ↔ (IV вид, II К) ↔ (IV вид, III К).

Очевидно, что каждому виду одной классификации соответствует определенный вид другой, кроме (I вида, I К). Но принципиальность такого отличия, как показало исследование, заключается в том, что условия или требования, указанные в первом виде первой классификации (I вида, I К), являются общими для нижеследующих четырех видов первой классификации и для демократии в целом. Из чего с очевидностью выводится, что данный вид является ничем иным, как определением демократии.

Таким образом, мы приходим к заключению, что, скорее всего, в первоисточнике философ говорил не о первом, а скорее о первичном, т.е. об основном виде демократии, – являющимся определением.

Дальнейшее исследование самого определения показывает, что оно довольно глубоко раскрывает субстанцию демократии, т.е. то непреложное качество, свойство или признак, без которого она немыслима. Следовательно, под определяющей субстанцией демократии мы понимаем такое суждение, которое объясняет и уточняет ее основную и неизменную суть.

В свете приведенных в работе доводов, мы считаем, что первый вид первой классификации, который принят нами за определение демократии, в противоположность целого ряда формулировок, носящих общий характер, является относительно полным по содержанию и достаточно точно раскрывает основную суть демократии, сводя ее к следующему. Согласно Аристотелю, свобода и равенство являются ничем иным, как ее важнейшими признаками, которые находят свое осуществление в том, «чтобы все непременно принимали участие в государственном управлении». Следовательно, требование свободы и равенства призваны обеспечить необходимые условия политического участия всех граждан. А поскольку демократия представляет собой явление политическое, ее признаки прежде всего должны рассматриваться с точки зрения их политического содержания. Стало быть, требование политической свободы предполагает правовую возможность участия в управлении полисом, а условие политического равенства обеспечивает равноправие участников при принятии совместных управленческих решений и постановлений. Таким образом, суть демократии сводится не к самой свободе и равенству, как часто и неверно полагают многие специалисты, акреализации этих признаков в принятии согласованных решений всеми гражданами при определяющем значении воли большинства. Получается, что основной субстанцией демократии является форма коллективного принятия решений большинством равноправных участников.

Увы, но в научной литературе мы часто сталкиваемся с укоренившимся непониманием как сути демократии, так и содержания ее основных признаков, отмеченных Аристотелем.

Не исключено, что одна из причин, приводящих к некорректной трактовке целого ряда политических воззрений Аристотеля, кроется в глубокой

трансформации понятия демократии, произошедших в последующей за античностью эпохи и дошедших до нас в совершенно искаженном виде.

Подытоживая исследование, хочется заметить, что предложенные Аристотелем виды демократии приводят к осознанию, что демократия не является чем-то однозначным. Как он показывает, народные правления могут быть различны, но при условии определяющей их как демократии единой субстанции.

Кроме того, необходимо принять к сведению, что несмотря на значительное количество работ, посвященных античной философской мысли, многие вопросы остаются открытыми и ждут своих ответов и решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бузольт Г. Очерк государственных и правовых греческих древностей / Пер. с нем. студентов Императорского Харьковского Университета. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1890. С. 7.
2. Там же. С. 7.
3. Виннер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Х. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1916. С. 572.
4. Бергер А.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М.: Изд-во «Наука», 1966. С. 137.
5. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. С. 213.
6. Бергер А.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М.: Изд. «Наука», 1966. С. 138.
7. Виннер Р.Ю. История Греции в классическую эпоху IX–IV вв. до Р.Х. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1916. С. 572.
8. Аристотель. Политика // Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 496.
9. Там же. С. 498.
10. Там же. С. 498.
11. Там же. С. 574.
12. Бузольт Г. Очерк государственных и правовых греческих древностей / Пер. с нем. студентов Императорского Харьковского Университета. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1890. С. 54.
13. Бузескул В.П. История афинской демократии / Вступ. ст. Э.Д. Фролова; науч. редакция текста Э.Д. Фролова, М.М. Холода. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. С. 290.
14. Бергер А.К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М.: Изд-во «Наука», 1966. СС. 144–145.
15. Гуманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.) / Вступ. ст., науч. и лит. ред. Э.Д. Фролова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2002. С. 481.
16. Кудрявцева Т.В. Греческие философы о демократии: pro et contra // Философия и общество. 2008. № 1 С.121.
17. Там же. СС. 121–122.

18. *Аристотель*. Политика // Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. СС. 498–499.
19. Там же. С. 574.
20. Там же. С. 575.
21. Там же. С. 499.
22. *Бузескул В.П.* История афинской демократии / Вступ. ст. Э.Д. Фролова; науч. редакция текста Э.Д. Фролова, М.М. Холода. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003. С. 290.
23. *Бузольт Г.* Очерк государственных и правовых греческих древностей / Пер. с нем. студентов Императорского Харьковского Университета. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1890. С. 54.
24. *Аристотель*. Политика // Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. СС. 570–571.
25. Там же. С. 455.
26. Там же. С. 458.
27. Там же. СС. 491–492.
28. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 235.
29. *Аристотель*. Политика // Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. С. 574.
30. Там же. С. 515.
31. Там же. СС. 464–465.
32. Там же. С. 526.
33. *Гуманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.) / Вступ. ст., науч. и лит. ред. Э.Д. Фролова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2002. С. 481.
34. *Кудрявцева Т.В.* Греческие философы о демократии: pro et contra // «Философия и общество», 2008. № 1 С. 119.
35. *Аристотель*. Политика // Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 551.
36. Там же. С. 571.
37. *Гуманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.) / Вступ. ст., науч. и лит. ред. Э.Д. Фролова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2002. С. 482.
38. *Аристотель*. Политика // Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. СС. 576–577.
39. Там же. С. 497.
40. Там же. С. 577.
41. Там же. С. 497.

ANALYSIS OF TYPES OF DEMOCRACY AND ITS DETERMINING SUBSTANCE ACCORDING TO ARISTOTLE

A. Ter-Vardanyan

Russian-Armenian (Slavonic)University

aram.ter.vardanyan@gmail.com

ORCID: 0009-0006-2685-2414

ABSTRACT

The article is devoted to the study of two theoretical issues that are important for a meaningful understanding of ancient democracy. The first subject of the study is the types of democracy proposed by Aristotle and the reason for their quantitative discrepancy in various classifications, in one of which he speaks of five, and in the other two - of four types. The second subject is the analysis and clarification of the defining substance of democracy according to Stagirite.

The aim of the article is to comprehend the Aristotelian, and therefore the ancient understanding of democracy. The results of the study can be used to solve a wide range of scientific problems, such as the problem of periodization of Athenian democracy, a comparative study of subsequent transformations of the understanding of democracy, the problem of its definition, etc.

The author mainly uses a comparative research method.

Keywords: Aristotle, types of democracy, substance of democracy, freedom, equality, definition of democracy.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-4-79-97
УДК 32

Поступила: 20.11.2024г.
Сдана на рецензию: 26.11.2024г.
Подписана к печати: 22.12.2024г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА

Н.И. Маргарян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
nina-markaryan@yandex.com
ORCID: 0000-0002-7369-116X*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу проблем, связанных с определением понятия «транспортно-логистическая система» государства, а также необходимости рассмотрения вопросов, связанных с транспортно-логистической системой, сквозь призму внутривнутриполитических и внешнеполитических вызовов и угроз, что обусловлено ролью транспортно-логистической системы в функционировании государства в целом. В статье обосновывается тезис о том, что тенденция рассмотрения вопросов, связанных с транспортно-логистической системой государства, исключительно с позиций процессов экономического характера, не позволяют в полной степени оценить и прогнозировать вызовы и угрозы, порождаемые в сферах политики и международных отношений, в то время как проблемы транспортно-логистического характера зачастую оказывают непосредственное влияние на протекающие внутривнутриполитические и внешнеполитические процессы.

Ключевые слова: транспортная сфера, транспортно-логистическая система, национальная безопасность, политика в сфере транспорта.

Введение

Восприятие государства как синхронизированного механизма отражающих различные сферы жизнедеятельности общества элементов государственного управления (асинхронность функционирования которых порождает риски социально-политического, экономического, правового характера) с неизбежностью приводит к необходимости рассмотрения отдельных элементов системы сквозь призму структурно-функционального подхода к исследованию роли элементов в функционировании системы (но не сводимо к ним), что позволяет не только эффективным образом прогнозировать и минимизировать риски, порождаемые в связи с дисфункциональностью отдельных элементов системы, определив их место и роль в обеспечении эффективности деятельности системы в целом, но и, в случае необходимости, оптимальным

образом перераспределять ресурсы государства для поддержки и развития отдельного элемента системы с целью оптимизации деятельности системы и ее развития в целом.

Одной из важнейших подсистем государственного управления является транспортно-логистическая система, которая, согласно формулировке В.И. Якунина: «подобно нервной системе» [1] обеспечивает устойчивое развитие социальной, экономической подсистем государства, а также неразрывно связана с вопросами стабильного, эффективного функционирования системы национальной безопасности государства в целом.

При этом, несмотря на довольно весомый пласт работ, посвященных изучению отдельных проблем, связанных с функционированием транспортно-логистической системы государства, в научной литературе нет единого подхода к определению понятия «транспортно-логистическая система», а в некоторых случаях происходит отождествление понятий «транспортно-логистическая система» и «транспортная система», что, на наш взгляд, некорректно ввиду несводимости в полном объеме понятия «транспортно-логистическая система» к «транспортной системе», как и, в ряде случаев, отождествление данного понятия с понятием «транспортная логистика» ввиду того, что, исходя из структурно-функционального подхода к рассмотрению системы, различные ее элементы, выстраивая определенные связи между другими элементами системы, могут порождать качественно иное явление или объект, нежели при самостоятельном функционировании.

Данное обстоятельство порождает необходимость в первую очередь теоретического осмысления содержания понятия «транспортно-логистическая система государства» и его разграничения от вышеотмеченных понятий, без чего, на наш взгляд, невозможно полноценное рассмотрение связанных с данной подсистемой механизма государственного управления проблем, ряд которых, в частности, обусловлен протекающими внутривнутриполитическими и внешнеполитическими процессами, как и осмысление места и роли транспортно-логистической системы в вопросах влияния на сферу политики.

К вопросу о разграничении понятий «транспортная система», «транспортная логистика» и «транспортно-логистическая система»

При анализе научной литературы, а также ряда официальных документов государств и международных объединений можно выделить несколько подходов к определению понятия «транспортная система», отличающихся, в частности, совокупностью элементов, включенных в понятие, а также представлением о функциональном наполнении данных элементов.

Так, согласно закону Республики Армения «О транспорте», понятие «транспортная система» определяется как: «технологически взаимосвязанная система транспортных средств и путей, независимо от формы собственности»

[2], и включает в себя весь спектр транспортных средств, услуги, связанные с обслуживанием пассажиров и эксплуатацией транспортных средств и путей сообщения, а также инфраструктурные объекты. Таким образом, согласно данному определению, систему составляют: железнодорожные станции и станции метро, аэропорты, туннели, мосты, порты, канатные дороги, автовокзалы, транспортные парки, ремонтные и другие вспомогательные объекты, необходимые для погрузочно-разгрузочных работ. Модельный закон «О транспортной деятельности», принятый Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ, определяет транспортную систему как «технологически взаимосвязанную систему транспортных средств, транспортных коммуникаций, транспортной инфраструктуры независимо от формы собственности, системы регулирования их взаимодействия» [3]. В докладе, подготовленном для Комитета Европейского парламента по транспорту и туризму, понятие «транспортная система» рассматривается как совокупность транспортного сектора и транспортной инфраструктуры [4]. При этом, данные подходы к определению понятия ограничиваются лишь перечислением совокупности элементов системы, не отражая, при этом, функциональные особенности отмеченной системы, в то время как именно функциональные связи между элементами определяют систему.

Данный недостаток был учтен в работах ряда авторов, обращающих внимание также на функциональные особенности транспортной системы. В частности, Е.А. Панкратова определяет «транспортную систему» как: «совокупность согласованно функционирующих транспортных средств и путей сообщения, обеспечивающих перевозки грузов и пассажиров и погрузочно-разгрузочные работы» [5]. Нг. А. Кой Ёю, Ч. Янг, П. Ларсон и др. определяют транспортную систему как «реализацию пространственной сети, структуры связанных инфраструктур, которая обеспечивает поток людей и/или товаров» [6].

Более полное определение понятия «транспортная система» приводят М.М. Ковалев [7], И.С. Фаткин [8] и ряд других авторов, включающих в определение «транспортная система», помимо вышеотмеченных элементов и функций, также такой важный элемент, как вовлеченные в обеспечение функционирования системы трудовые ресурсы, оказывающие существенное влияние на эффективность функционирования системы.

При этом, в англоязычной литературе (в том числе и в официальных документах ЕС, США и т.д.) вместо понятия «транспортная система» чаще используется понятие “transport network” («транспортная сеть»), которое, по сути, наполнено тем же содержанием, что и понятие «транспортная система» в русскоязычной литературе, с сохранением вышеотмеченной вариативности подходов к определению круга элементов, входящих в понятие.

Однако вышеотмеченные определения не отражают прямой корреляции между транспортной системой и вопросами, связанными с жизненно важными (помимо экономической сферы) интересами государства, его стабильным развитием и функционированием, вопросами национальной безопасности и иными сферами государства, а лишь констатируют форменное выражение транспортной системы, без сущностно-функционального наполнения, либо же привязывают успешность функционирования транспортной системы к вопросу экономического благосостояния, без обращения к иным сферам жизнедеятельности общества и государства в целом. В то время как справедливо отмечено в «Стратегии устойчивой и умной мобильности» ЕС (и с теоретической точки зрения применимо к государству как институту в целом) транспорт и возможность передвижения являются неотъемлемыми факторами экономической, социальной жизни государства, фактором укрепления «идентичности» (в данном документе – «европейской»), но утверждение справедливо и применительно к иным странам) и преодоления любого типа кризиса, а также залогом укрепления стратегической автономии и устойчивости государства [9] (в рамках вышеотмеченной Стратегии речь, разумеется, идет о ЕС, но, как и в случае вопроса, связанного с идентичностью, утверждение справедливо для государства как политического института в целом). Более того, как видно из вышеприведенных определений, в исследовательском сообществе нет единого подхода к определению элементов данной системы: так, ряд исследователей включает в определение транспортной системы также человеческие ресурсы, в то время как другая часть рассматривает транспортную систему лишь как совокупность транспортных средств и путей сообщения.

В связи с этим целесообразно рассмотреть такое понятие, как «транспортная логистика», которое отражает (хотя и не в полной степени) функциональные особенности транспортной системы государства, что позволяет определить место и роль транспортной системы в вопросах обеспечения эффективности функционирования государства как системы, а также спрогнозировать возможные вызовы и угрозы, порождаемые, в частности, политическими факторами, и влияющие на деятельность подсистем государства, в частности, транспортно-логистической подсистемы. При этом важно отметить, что само понятие «логистика» имеет множество определений, и рассматривать его отдельно – без привязки к конкретной области – в рамках данного научного исследования нецелесообразно.

М.М. Ковалев и др. определяют «транспортную логистику» как «комплексное и взаимосвязанное решение задач, связанных с организацией перевозки (перемещения) грузов, пассажиров и багажа, наиболее рациональная схема перемещения грузов от грузоотправителя к грузополучателю с использованием одного или нескольких видов транспорта» [10]. При этом, авторы

особо подчеркивают фактор оптимизации функционирования транспортных маршрутов в вопросе товарооборота и пассажирооборота.

Ряд европейских авторов, рассматривая понятие «транспортная логистика», трактуют его как: «часть цепочки поставок, которая, в сущности, призвана эффективным образом, результативно организовать, управлять, оптимизировать и, в конечном итоге, осуществлять физическое распределение товаров и информации по всей восходящей и нисходящей цепочке» [11]. При этом, как справедливо отмечают авторы статьи, несмотря на тот факт, что данное понятие широко используется не только в экспертной среде, но и в официальных документах (например, Евросоюза), нет единого теоретического осмысления понятия «транспортная логистика». Следует, тем не менее, отметить то обстоятельство, что в вышеуказанном исследовании также наличен ряд проблем, так как авторы, рассматривая различные подходы к трактовке понятия «транспортная логистика» и пытаясь сформулировать единый теоретический подход к определению, не в полной мере отражают привязку данного понятия к конкретной сфере приложения. Так, например, рассматривая официальные документы ЕС, авторы приводят определение «транспортной логистики», данное в «Плане действий по логистике грузовых перевозок» ЕС [12], не отмечая того, что понятие «транспортная логистика» в данном документе используется применительно к сфере именно грузовых перевозок, и речь идет о «грузовой транспортной логистике», в то время, как понятие «транспортная логистика» не ограничивается данным видом транспорта и намного шире, нежели вышеотмеченное понятие.

Шт. Аншютц трактует понятие «транспортная логистика» как «...специализированную область логистической отрасли, нацеленную на эффективное и результативное перемещение товаров из одного места в другое» [13], включающую не только сам процесс транспортировки товаров (то есть, их физического перемещения из точки «А» в точку «Б»), но также ряд процессов и действий, направленных на планирование, выполнение и контроль за осуществлением товарооборота.

Таким образом, как видно из вышеприведенных примеров, которые, по сути, исчерпывают подходы исследователей к трактовке понятия «транспортная логистика», в научной и экспертной среде также нет единого подхода к определению круга элементов, входящих в определение «транспортная логистика», так как часть исследователей делают упор лишь на вопросах оптимизации товарооборота, другие же включают в данное понятие также элемент пассажирооборота.

Однако ни одно из вышеперечисленных определений в полной мере не отражает системный характер транспортной сферы и ее роли как важнейшей подсистемы для эффективного функционирования государства как системы в целом. Более того, в выше рассмотренных определениях отсутствует ряд

элементов, которые придают транспортной сфере государства именно системный характер, каждый элемент которой связан строго определенными связями с другими элементами, что, в целом, и определяет систему.

Представляется, что перечисленные недостатки могли бы быть учтены в понятии более высокого уровня, а именно: «транспортно-логистическая система». Так, некоторые исследователи включают в понятие «транспортно-логистической системы» субъекты и объекты транспортной и логистической инфраструктуры, которые характеризуются материальными, финансовыми и информационными потоками между ними [14], и целью которых является осуществление хранения, транспортировки и распределения товаров, в совокупности с обеспечением правового и информационного обеспечения данных процессов.

Д.В. Яцкин и др. определяют транспортно-логистическую систему «как совокупность объектов и субъектов транспортной и логистической инфраструктуры, обеспечивающей транспортировку, хранение, распределение товаров» [15]. Как видим, данное определение в сущности совпадает с рядом вышеприведенных определений понятия «транспортная система», а в некоторых случаях и «транспортная логистика», что свидетельствует о недостаточной теоретической разработанности вопросов, связанных с транспортно-логистической системой государства, что, в свою очередь, создает ряд проблем методологического и практического характера, не позволяя всесторонне исследовать связь транспортно-логистической подсистемы с иными подсистемами государства, а следовательно, своевременно прогнозировать и выявлять возможные проблемы транспортно-логистической системы, которые с неизбежностью окажут влияние на иные, жизненно важные сферы государства.

Иного подхода к определению понятия «транспортно-логистическая система» придерживается Д.М. Антюшеня, рассматривающий данное понятие сквозь призму территориального сочетания путей сообщения, инфраструктурных компонентов, а также процесса организации перевозок [16]. При этом, важно подчеркнуть, что исследователь в своей работе особо подчеркивает факт выстраивания единой политики в вопросе функционирования элементов транспортной системы, что позволяет обеспечить стабильное функционирование экономической системы государства в целом.

Проблема недостаточной терминологической разработанности при исследовании проблем, связанных с транспортно-логистической системой государства, наблюдается также в исследованиях западных авторов, что объясняется, на наш взгляд, прагматичным подходом к рассмотрению проблем транспортно-логистической отрасли и необходимостью решения вопросов практического характера, направленных на оптимизацию системы товарооборота и сферы пассажирских перевозок, повышение эффективности вы-

страивания транспортно-логистической системы государства с учетом последних тенденций в данной отрасли (например, разработка и оптимизация систем так называемого «умного транспорта» (intelligent transport systems), мультимодальных моделей перевозок), а также глобальных вызовов, таких, как ухудшение экологической ситуации и т.д.

Более того, одной из основных проблем вышеперечисленных определений является рассмотрение транспортно-логистической системы сугубо сквозь призму экономической сферы, без отражения взаимосвязи с военной, социальной (данный аспект, например, отражен в ряде документов ЕС, например, в «Стратегии устойчивой и разумной мобильности» и т.д.), и иными сферами функционирования государства, что, на наш взгляд, не позволяет в полной мере оценить связанные с развитием транспортно-логистической системы государства риски и прогнозировать возможные последствия изменений транспортно-логистической картины государства.

Тем не менее, в рамках данного исследования мы будем исходить именно из понятия «транспортно-логистическая система», которое включает в себя не только объекты транспортно-логистической инфраструктуры, сопутствующее материально-техническое и информационное обеспечение, но также отражает фактор единой политики по обеспечению функционирования и стратегического развития отдельных элементов системы и системы в целом, и функциональные свойства данной подсистемы в осуществлении функционирования государства как единой системы.

Таким образом, *транспортно-логистическая система государства* представляет собой совокупность объектов и субъектов транспортной и логистической инфраструктуры государства, функционирующих на основе единой государственной политики по осуществлению эффективной транспортировки грузов и пассажиров, и направленных на обеспечение территориального единства, развитие межрегиональных связей и реализацию геополитического потенциала государства.

Политическое измерение транспортно-логистической системы государства

Отсутствие единого подхода к определению понятия «транспортно-логистическая система», равно как и чрезмерно узкое понимание ее места и роли в вопросах стабильного функционирования аппарата государственного управления, сводимое лишь к сфере экономического регулирования, не позволяют в полной мере оценить уровень взаимосвязи транспортно-логистической сферы с иными сферами государства, что порождает ряд непрогнозируемых вызовов и угроз отдельным сферам жизнедеятельности общества, национальной безопасности и стабильному функционированию государства в це-

лом. В то время как проблема поиска путей реализации и развития транспортно-логистического потенциала государства как неотъемлемого элемента его стабильного функционирования зачастую становилась причиной вооруженных конфликтов и крупномасштабных войн (наглядным примером могут служить события, разворачивающиеся вокруг Великого шелкового пути [17]), так как именно доступ к транспортным путям, развитость транспортного потенциала государства, в частности, является важнейшим ресурсом, определяющим уровень геополитического влияния государства на международной арене.

Проблема транспортного потенциала государства рассматривается в качестве одной из основополагающих для развития государства (и его политического и геополитического потенциала, в частности) в работах таких крупнейших геополитиков конца XIX-го – начала XX-го века, как Ф. Ратцель [18], рассматривающего транспортную систему государства в качестве важнейшего механизма, уровень развития которого оказывает непосредственное влияние на способность государства эффективным образом использовать имеющиеся у него ресурсы, что, в свою очередь, является основой для расширения территории (так называемого «жизненного пространства») и усиления политического влияния государства; Дж.Х. Маккиндер (в частности, в его работе «Географическая ось истории», большое внимание уделяется железнодорожному потенциалу страны), Ю.Р. Челлен [19], связывающий транспортно-логистический потенциал государства, его доступ к морским и сухопутным путям с политическим влиянием государства на международной арене и успешным функционированием его экономики, оборонной и иных сфер жизнедеятельности общества; К. Хаусхофер [20], который, как и отмеченные классики геополитических теорий, рассматривал транспортно-логистическую систему в качестве одного из основных элементов, позволяющего обеспечить территориальное единство государства, его стратегическое преимущество на международной арене, основу для создания геополитических блоков, а также инструмент политической экспансии.

Однако в дальнейшем акцент в рассмотрении транспортно-логистической системы в качестве одного из важнейших элементов политического влияния и расширения геополитической мощи государства был смещен в сторону экономикоцентризма, который на протяжении всего XXв. оказывал существенное влияние на восприятие роли транспортно-логистической системы в функционировании государства, не позволяя в полной мере определить место и роль транспортно-логистической сферы в системе государственного управления и влияния на сферы жизнедеятельности общества и государства, а также прогнозировать порождаемые данным влиянием вызовы и угрозы.

Одним из фундаментальных исследований, отражающим анализ влияния развития транспортной системы на рост экономики и процессы урбанизации и социальной мобильности, можно считать работу Р.В. Фогеля. В опубликованной в 1962 году в «Журнале экономической истории» статье «Количественный подход к изучению роли железных дорог в экономическом росте Америки: отчет о некоторых предварительных результатах» [21] американский экономист анализирует влияние фактора эксплуатации железной дороги на качественный рост американской экономики (не ограничиваясь отдельными показателями), социальной мобильности, а также развитие городов США. При этом, важность данной работы, на наш взгляд, заключается в том, что, несмотря на экономический анализ влияния развития железнодорожного сообщения как инновационного для того времени вида транспорта, в исследовании намечается тенденция к рассмотрению транспортно-логистической системы как фактора, оказывающего качественное влияние также на иные подсистемы государства, в частности, социальную сферу, а также показатель совокупной мощи государства.

Однако ни данное исследование, ни ряд подобных исследований середины XX – нач. XXI вв., так или иначе затрагивающих роль транспорта в развитии государства (например, исследования М. Кастельса [22] и т.д.) не учитывают политические аспекты взаимосвязи и взаимовлияния транспортной системы и сферы политики (как на внутригосударственном уровне, так и на уровне мировой политики).

Между тем, вопросы, связанные с функционированием транспортно-логистической системы, в частности, локального, регионального и международного уровня, были и остаются инструментом достижения политических целей (как на внутригосударственном уровне, так и в плоскости международных отношений), равно как и политические интересы оказывали и продолжают оказывать непосредственное влияние на транспортно-логистические проекты, что обусловлено самой природой транспортно-логистических систем различного уровня как важнейших связующих подсистем, их ролью в функционировании общества и государства в целом (своя призма обеспечения связей между различными территориальными единицами государства, что отражается не только на уровне экономического развития данных субъектов, но и обеспечивает определенный уровень мобильности населения, оказывающий непосредственное воздействие на формирование политического мировоззрения индивидов, а также является залогом успешного функционирования центральной власти), а также влиянием на характер межрегиональных связей (качестве важнейшего инструмента усиления регионального сотрудничества и региональной и межрегиональной интеграции).

Более того, процесс поиска путей эффективной реализации транспортно-логистического потенциала государства ввиду протекающих параллельно

процессов глобализации, с одной стороны, и регионального, а также трансрегионального «замыкания» - с другой, стал одной из основных проблем современных государств, так как реализация транспортно-логистического потенциала страны непосредственным образом влияет на эффективность осуществления внутренней социально-экономической политики (именно состояние транспортно-логистической системы, в частности, влияет на равномерное развитие отдельных районов и регионов страны, что необходимо рассматривать также в контексте мер по обеспечению национальной безопасности), а также оказывает влияние на политическое позиционирование государства на международной арене (в частности, путем вовлечения государства в функционирование тех или иных международных транспортных коридоров).

Указанные аспекты способствовали появлению ряда немногочисленных исследований, авторы которых предприняли попытку рассмотрения транспортно-логистических систем (как на уровне внутригосударственных, так и на уровне региональных и межрегиональных транспортных систем, таких, как МТК) сквозь призму политических процессов и явлений. Особый интерес представляет пласт работ авторов, исследующих проблемы взаимосвязи между политическими предпочтениями граждан и манифестируемой и проводимой той или иной политической силой транспортной политикой, работ, посвященных рассмотрению зависимости между проводимой транспортной политикой и находящейся у власти той или иной политической силой (к примеру, таких авторов, как П. Кристиансен, В. Кауфманн, Ф. Фишерт, Ж. Вон, Д. Сперлинг, К. Легаси, А. Эбзеев, О. Судоргин [23] и пр.), а также работ, исследующих проблемы взаимовлияния геополитических факторов и транспортно-логистических систем локального, регионального и международного уровня (напр., работы В. Лин, Х. Нурали, А. Ахмади, К. Фурсова, А. Вартумяна, В. Егорова [24]).

При этом, интерес к научному осмыслению вопросов рассмотрения транспортно-логистических систем сквозь призму политических и геополитических процессов обусловлен, в частности, множеством исторических эпизодов, демонстрирующих – как транспортная сфера становилась инструментом политического давления и борьбы как на внутривнутриполитическом уровне, так и в сфере международных отношений.

Данное утверждение наглядно подтверждают протекающие в европейских странах (в частности, в Великобритании, Франции, Германии, Пруссии, Дании, Австрии и т.д.) в 1840-х гг. внутривнутриполитические процессы (как результат, в частности, сложной экономической обстановки), а также обострившиеся на международной арене противоречия, отчасти обусловленные также попытками внутривнутриполитических сил решить вопрос собственной легитимности за счет инициирования внешнеполитических процессов.

При этом, на наш взгляд, именно обращение к историческим эпизодам, имевшим место в ряде стран, являющихся ключевыми игроками на международной арене, позволяет утверждать о взаимосвязи транспортно-логистической и политической систем как устойчивом явлении, а не носящим эпизодический характер, и, следовательно, необходимости системного рассмотрения проблем, связанных с транспортно-логистической системой сквозь призму политических процессов и явлений.

Наглядным примером вышеизложенного утверждения являются события, разворачивающиеся в XIX в. в Европе, в частности, во Франции, оказавшие влияние на геополитические процессы и международную обстановку. Так, к 1842 г. власти Франции осознали, что существующая система строительства ж/д сети неэффективна и уступает английской (что было неприемлемо на фоне обострения англо-французских отношений), где, в отличие от Франции (350 миль), было проложено уже 1500 миль железнодорожного полотна [25]. В результате, был принят закон о сотрудничестве между государством и частными компаниями в вопросе строительства железной дороги, согласно которому отныне именно государство имело абсолютное право определения основных направлений прокладки железнодорожных путей, целесообразность их конструирования и т.д., что, согласно мнению члена Британского парламента, президента Института инженеров-строителей Джозефа Лока [26], в отличие от либерального подхода Англии в вопросе строительства железнодорожных путей, позволило Франции выстроить значительно более эффективную железнодорожную структуру, нежели Англии.

Принятие закона форсировало строительство французской железнодорожной сети, сопредельной границам Германского союза, что вызвало беспокойство Германии, переживавшей внутривнутриполитический кризис и проблемы внутри Германского Союза в целом. Волнения охватили также Пруссию, требовавшую от Германии обеспечить свою безопасность. В результате, было инициировано строительство сети стратегических железных дорог с целью оптимизировать движение военного контингента в случае необходимости. Однако, как пишет профессор, директор Института исследований Кембриджского университета Б. Симмс, Сейм согласился выделить деньги на строительство железной дороги только при условии политических уступок (либерального характера) со стороны монарха Фридриха Вильгельма: создания органа народного представительства при монархе, свободу евреев, проживающих в провинциях Пруссии, проведения конституционных реформ и т.д. [27] Таким образом, вопрос строительства стратегически важных железнодорожных путей стал инструментом внутривнутриполитической борьбы, оказав влияние на дальнейший характер осуществления власти в Пруссии.

Вопрос транспортного сообщения как инструмента политического влияния на международной арене был использован также канцлером Германской

империи О. фон Бисмарком, который, как пишет Б. Симмс, в вопросе противоречий с Францией и мобилизации международного сообщества для нейтрализации исходившей от нее угрозы, также использовал вопрос транспортных коммуникаций, «обратив внимание международного сообщества на попытки французов присвоить часть бельгийской железнодорожной сети» [28].

Другим примером приведенного ранее утверждения о необходимости осмысления роли транспортно-логистической системы сквозь призму политического являются процессы, развернувшиеся в середине XIX века вокруг идеи строительства Суэцкого канала, ставшей еще одним объектом конфронтации между Францией и Великобританией, а также поводом для решения внутривнутриполитических задач и внутривнутриполитической борьбы (между Консерваторами и Либералами) в самой Англии. Активно продвигаемая французским дипломатом Ф. де Лессепсом идея строительства Суэцкого канала, который, согласно его заявлениям, должен был быть экономически выгодным всем морским державам, в том числе Англии, так как значительно сокращался путь доставки товаров из Англии в Индию, встретила неуклонное сопротивление со стороны премьера-министра Великобритании Г. Дж. Палмерстона, усматривавшего в идее строительства канала сугубо политические и геополитические устремления Франции и считавшего, что таким образом Франция (в лице, в частности, Ф. Де Лессепса) пытается подорвать сообщение между Англией и колониальной Индией, облегчив тем самым доступ к колониальным владениям Англии третьим странам и сделав уязвимым любую операцию Великобританией в Индийском море [29], а также «сделать более легким отделение Египта от Турции» [30], что, по его мнению, противоречило условиям Парижского мирного договора, в рамках которого Великобритания, в частности, обязалась сохранять целостность Турецкой империи. Данная позиция Палмерстона была раскритикована его политическими оппонентами, в частности, в лице К. Гриффита и Дж. Робака, обвинивших Палмерстона и его сторонников в том, что они, игнорируя коммерческие интересы в условиях капиталистических отношений и продолжая уже устаревшую политическую линию, наносят непоправимый ущерб репутации Великобритании, представляя ее в глазах мира меркантильной и эгоистичной державой, которая готова ради своих узкогосударственных интересов «выступить против всеобщего человеческого блага» [31], в то время как строительство Суэцкого канала выгодно, в первую очередь, именно Великобритании. Против политической позиции Палмерстона и его сторонников выступил также английский философ и политик, член Либеральной партии Дж. С. Милль, в своей работе «Несколько слов о невмешательстве» подвергший критике внешнеполитическую линию Великобритании и обвинивший позицию Англии в лице Палмерстона и его сторонников в «малодушии и глупости», заявив, что одна страна: «не

может препятствовать всему человечеству в получении какого-либо великого блага» [32].

Таким образом, заявленный в качестве экономического проект Суэцкого канала, призванный сократить расстояние между Индийский океаном и Средиземным морем с целью оптимизации международного товарооборота ¹, стал инструментом политического и геополитического противоборства как внутри самой Англии, так и на международной арене.

Наглядным историческим примером противоречий, связанных с транспортно-логистическим каркасом Европы, порожденных результатами Первой мировой войны, является проблема так называемого «Польского» или Данцигского коридора, ставшего инструментом политического влияния в отношении Германии и Польши, а также «камнем преткновения» в отношениях Франции и Великобритании.

Подписанный по результатам Первой мировой войны Мирный договор с Германией (Версальский договор) от 28 июня 1919г. содержал ряд глав, отделов и отдельных статей (в частности, Ч.3, От. XI, Ч. XII, От. II, III, VI и т.д. [33]), регулирующих отношения государств в вопросах использования железнодорожных и морских путей (в частности, интернационализировался имеющих важное военно-стратегическое положение для Германии Кильский пролив, а ряд морских портов передавался в аренду Чехословакии), проходящих по территории Германии. Германию обязали обеспечить беспрепятственное передвижение грузов и пассажиров по транспортно-логистическим путям, проходящим по территории Германии, без осуществления досмотра с немецкой стороны и согласно установленным международным тарифам. Обеспечение надлежащего уровня технического состояния данных путей также возлагалось на Германию.

Помимо вышеотмеченного, в таможенные границы Польши был включен получивший, согласно Договору, статус Вольного (находящийся под протекторатом Лиги Наций) немецкий город Данциг [34], что предоставляло право Польше свободно использовать транспортно-логистическую систему Данцига (наземный и водный транспорт), а также распоряжаться сетью железных (кроме трамвайных путей) дорог, пролегающих в пределах Вольного города. Созданный же так называемый «Данцигский коридор», отделивший Германию от Восточной Пруссии, открывал выход Польше к Балтийскому морю.

Тем не менее, создание коридора не обеспечило полного суверенитета Польше, так как Германия оказывала пограничное давление на польское гос-

¹ Более того, в Англии сторонники строительства Канала заявляли, что прокладка Суэцкого канала значительно повысит мобильность военно-морских сил Великобритании в случае, если того потребует обстановка в британской части Индии.

ударство (так называемая польско-германская «таможенная война»), что позволяло выдвигать политические требования в отношении Польши, в частности, в вопросах расширения привилегий немецкого населения, проживавшего на территории Польши и т.д. В итоге, постепенное ухудшение социально-экономической ситуации в Польше привело к ощутимым политическим последствиям, итогом которых стал государственный переворот во главе с Ю. Пилсудским.

Политическое измерение вопросов, связанных с транспортно-логистическими системами, наглядно демонстрируют также протекающие на современном этапе на международной арене процессы.

Одним из масштабных примеров взаимозависимости транспортно-логистических вопросов и сферы политического являются процессы, связанные с функционированием, Ормузского пролива² (наряду с Малакским, Баб-эль-Мандебским и рядом других международных проливов), являющегося, по сути, не просто важнейшим транспортно-логистическим звеном в мировом товарообороте, в частности, в вопросе нефтеторговли, но и инструментом политического давления и стратегического сдерживания в ирано-израильском и ирано-американском противостоянии.

Так, согласно данным Управления энергетической информации США, в 2022 году и первой половине 2023 года объем транспортировки нефтепотоков через Ормузский пролив составил более четверти от общей мировой торговли [35]. Иран рассматривает данное обстоятельство в качестве дополнительной гарантии в вопросах обеспечения собственной безопасности, в частности, в ирано-американских и ирано-израильских отношениях, неоднократно заявляя на официальном уровне [36] о том, что в случае реальной угрозы нападения на территорию ИРИ со стороны вышеотмеченных государств, либо же ужесточения санкционной политики (в частности, в вопросе добычи и транспортировки нефти) со стороны США Иран будет вынужден перекрыть пролив. При этом, любые заявления, касающиеся принадлежности островов Абу-Муса, Большой и Малый Томб, являющихся причиной конфликта между ОАЭ и ИРИ и находящихся под фактической юрисдикцией Ирана, влекут за собой политические последствия, отражаясь на уровне внешнеполитических взаимоотношений Ирана с рядом стран, выступающих, в частности, в роли стратегических партнеров. Наглядным примером является разгоревшийся в июле 2023г. дипломатический скандал между официальной Москвой и Тегераном в связи с итоговым заявлением по результатам стратегического диалога Российской Федерации с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), в котором был отражен пункт, касающийся урегулирования вопроса принадлежности вышеотмеченных островов. Иран

² Побережья которого находятся под юрисдикцией Ирана, ОАЭ, а также Омана.

усмотрел в данном заявлении угрозу территориальной целостности [37], отметив, что острова являются неотъемлемой частью Ирана, призвав РФ пересмотреть свою позицию по данному вопросу и не ставить под сомнение вопрос принадлежности островов. В экспертной среде Ирана заговорили о необходимости пересмотра отношений с официальной Москвой, усомнились в характере стратегического партнерства между ИРИ и РФ.

Ярко выраженный политический подтекст прослеживается также в вопросах соперничества таких транспортно-логистических проектов, как МТК «Север-Юг» и «TRASECA», вопросах разблокирования транспортных коммуникаций на Южном Кавказе, возобновления ж/д сообщения между Абхазией и Грузией, проектах расширения транспортно-логистических маршрутов РФ в обход Казахстана (особенно после февраля 2022г.), проект так называемого «Туранского коридора», транспортной составляющей китайской инициативы «Один пояс – один путь» и т.д.

Заключение

Вышеотмеченные и ряд иных исторических примеров (например, Ливерпульская всеобщая транспортная забастовка 1911г., проблема Сувальского коридора, взаимоотношения между Германией, Францией и Англией в вопросе прокладки Багдадской железной дороги, в контексте, в частности, сдерживания усиления влияния Турции и т.д.) наглядно подтверждают тезис о том, что при рассмотрении вопросов, связанных с транспортно-логистическими системами различного уровня (государственный, региональный, межрегиональный, международный) необходимо учитывать не только экономический и географический факторы, но и политические аспекты, влияющие на выстраивание и функционирование данных систем, а также их влияние на политические процессы как на внутригосударственном уровне, так и на уровне межрегионального и межгосударственного взаимодействия, что обусловлено, в частности, следующими факторами:

- уровень развитости транспортно-логистической системы государства, являющейся важнейшим элементом обеспечения межрегиональных связей, и, как следствие – формирования единого, интегрированного социально-экономического и политического пространства, а также залогом мобильности граждан (в частности, в цепочке «село-город»), оказывает опосредованное влияние на политическое мировоззрение граждан;

- вопросы, связанные с транспортом, являясь неотъемлемой частью повседневной жизни человека (особенно в условиях городской среды, где уровень развития транспортной инфраструктуры непосредственно обуславливает качество жизни населения, что порождает необходимость обеспечения

соответствующего уровня предоставляемых услуг, обеспечивающих беспрепятственную мобильность населения), могут оказывать прямое влияние на электоральные предпочтения граждан и уровень легитимности власти;

– транспортно-логистические структуры нередко выступают в качестве инструмента политического (внутригосударственный уровень) и геополитического влияния, что обусловлено их ролью в осуществлении международного товарооборота и пассажирооборота, транспортировки энергоносителей, а также реализации оборонного потенциала государства (вопросы маневренности и мобильности военной техники, эффективности доставки боеприпасов, переброски войск и т.д.).

Данные тезисы порождают необходимость системного подхода к рассмотрению вопросов, связанных с транспортной сферой государства сквозь призму политических процессов и явлений, что позволит повысить эффективность прогнозирования вызовов и угроз транспортно-логистического характера, которые могут носить критический характер для стабильного функционирования государства в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якунин В.И. Политология транспорта. Политическое измерение транспортного развития / В.И. Якунин. М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2006. 432с. С. 6.
2. Закон Республики Армения «О транспорте» (принят: 03.02.1998г). URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1460&lang=rus>
3. Модельный закон «О транспортной деятельности» (постановление N 29-8 от 31 октября 2007 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/902092598>.
4. Schrotten, A., Van Grinsven, A., Tol, E., Leestemaker, L., Schackmann, P.P., Vonk-Noordgraaf, D., Van Meijeren, J., Kalisvaart, S. Research for TRAN Committee – The impact of emerging technologies on the transport system, European Parliament, Policy Department for Structural and Cohesion Policies, Brussels, 2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652226/IPOL_STU\(2020\)652226_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/652226/IPOL_STU(2020)652226_EN.pdf)
5. Панкратова Е.А. Экономическая эффективность транспортной системы: методологические подходы к оценке / Е.А. Панкратова // Транспортное дело России, № 5, 2020. СС. 10–13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44622682>
6. Koi Yu A. Ng, Jiang Ch., Larson P., Prentice B., Duval D. Transport Nodal System, Elsevier, 2018. PP. 1–7: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811067-6.00001-8>.
7. Ковалев М.М. Транспортная логистика в Беларуси: состояние, перспективы: моногр. / М.М. Ковалев, А.А. Королева, А.А. Дутина. Минск: Изд. центр БГУ, 2017. 327с. С. 13. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/>
8. Фаткин И.С. Об оценке эффективности транспортной системы, как открытой сложной системы / И.С. Фаткин, В.К. Зимин // «Вестник Российского государственного аграрного заочного университета», № 30 (35), 2018. СС. 44–50. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=40082068>
9. Sustainable and smart mobility strategy. Putting European transport on track for the future. URL: https://transport.ec.europa.eu/document/download/be22d311-4a07-4c29-8b72-d6d2-55846069_en?filename=2021-mobility-strategy-and-action-plan.pdf

10. Ковалев М.М. Транспортная логистика в Беларуси: состояние, перспективы: моногр. / М.М. Ковалев, А.А. Королева, А.А. Дутина. Минск: Изд. центр БГУ, 2017. 327с. С. 13. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/>
11. Topolšek, D., Čičiūnienė, K., Cvahte Ojsteršek, T. Defining transport logistics: a literature review and practitioner opinion based approach. *Transport*, 33 (5), 1196–1203. URL: <https://journals.vilniustech.lt/index.php/Transport/article/view/6965/6106>
12. Freight transport logistics action plan. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/freight-transport-logistics-action-plan.html>
13. Dr. Anschütz St. Fundamentals of Transport Logistics: An Overview. URL: <https://www.opheo.com/en/experts-blog/transport-logistics/>
14. Зеленков Г.А., Шевченко В.Н. Сущность транспортно-логистической системы, структура и принципы построения / «Экономический вектор», № 4 (11), 2017. С. 34.
15. Яцкин Д.В., Кочкаров А.А., Кочкаров Р.А. Моделирование транспортно-логистических систем и исследование их структурной устойчивости. *Управленческие науки = Management Sciences in Russia*. 2020;10(1):102-111. doi: 10.26794/2404-022X-2020-10-1-102-111.
16. Антюшеня Д.М. Транспортно-логистическая система Республики Беларусь: становление и развитие /Д.М. Антюшеня. Минск: БНТУ, 2016. 222с. С. 78. URL: https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/25766/Transportno_logisticheskaya.pdf?sequence=5&isAllowed=y
17. См., напр.: Хансен В. Великий шелковый путь: Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай-Согдиана-Персия-Левант / Пер. с англ. С.А. Белоусова. М., ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2014. 477с.
18. Ратцель Ф. Область обитания и народ. К. Хаусхофер, Ф. Ратцель. Теория «Жизненного пространства» / Пер. И.Г. Усачев. М.: Изд-во «Алгоритм», 2019.
19. Челлен Р. Государство как форма жизни / Пер. с швед. и прим. Исаева М.А., предисл. и примеч. М.В. Ильина, Изд-во РОССПЭН, 2008. 319с.
20. См.: Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Изд-во Мысль, 2001. 426с.
21. Fogel R.W. A Quantitative Approach to the Study of Railroads in American Economic Growth: A Report of Some Preliminary Finding. *The Journal of Economic History*, Vol. 22, No. 2 (Jun., 1962). Published by: Cambridge University Press on behalf of the Economic History Association. PP. 163–197. URL: <http://www.jstor.org/stable/2114353>
22. Castells M. The network society: a cross-cultural perspective / ed. by Manuel Castells. MPG Books Ltd, Bodmin, Cornwall, Great Britain, 2004.
23. См.: Christiansen P., The effects of transportation priority congruence for political legitimacy, *Transportation Research Part A: Policy and Practice*, Volume 132, 2020. СС. 61–76; Kaufmann V., Jemelin Ch., Pflieger G., Pattaroni L. Socio-political analysis of French transport policies: The state of practice. *Transport Policy*, 15, 2008. PP. 12–22. Fichert F. Transport policy planning in Germany. An analysis of political programs and investment masterplans. *Eur. Transp. Res. Rev.* 9, 28 (2017). <https://doi.org/10.1007/s12544-017-0247-7>; Wan Zh., Wang X., Sperling D. Policy and politics behind the public transportation systems of China's medium-sized cities: Evidence from the Huizhou reform, *Utilities Policy*, Volume 27, 2013. PP 1–8. Legacy C. De-politicising and re-politicising transport infrastructure futures. *Environment and Planning C: Politics and Space*, 40(7), 2022. PP. 1535–1550. URL: <https://doi.org/10.1177/23996544221092920>. Эбзеев А.А., Судоргин О.А.,

- Нестерчук О.А., Иванов В.Г.* Влияние политики на транспортную систему Российской Федерации. Управление, № 2, 2023. СС. 35–44. *Legacy C.* De-politicising and re-politicising transport infrastructure futures. *Environment and Planning C: Politics and Space*, 40 (7), 2022. PP. 1535–1550. URL: <https://doi.org/10.1177/23996544221092920>.
24. См.: *Lin W.* Transport geography and geopolitics: Visions, rules and militarism in China's Belt and Road Initiative and beyond. *Journal of Transport Geography*, 81, 2019. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2019.01.008>. *Noorali H., Ahmadi H.* Analysis of Iran's Geopolitical Role in International Corridors. *Human Geography Research*, 54 (3), 2022. СС. 1161–1187. URL: doi: 10.22059/jhgr.2022.331764.1008388. *Фурсов К.А.* Железные дороги как инструмент геополитики Второй мировой войны. Мир транспорта, №5, 2015. СС. 258–269. *Вартумян А.А.* Влияние транспортных артерий в Каспийском регионе на геополитическое положение в Астраханской области. Каспийский регион: политика, экономика, культура, №3(60), 2019. СС. 202–206. *Егоров В.Г.* Геополитика транспорта: актуальное прочтение. Обозреватель – Observer, № 9 (356), 2019. СС. 23–47.
 25. *Huntington W.C.* Analysis of French railroad situation. Trade information bulletin, N17, 1922. P. 5. URL: <https://books.google.am/books?id=TTgbQdHsXH9C&lpg=PA4&ots=TevWCHCRFt&dq=law%20of%201842%20about%20french%20railways%20system&hl=ru&pg=PA4#v=onepage&q=law%20of%201842%20about%20french%20railways%20system&f=false>
 26. *Locke J.* French and English railways. *Argus*, Melbourne, March 29, 1858. URL: <https://trove.nla.gov.au/newspaper/article/7148844#>
 27. *Симмс Б.* Европа. Борьба за господство [пер. с англ. В. Желнинова]. М.: Изд-во АСТ, 2017. С. 255.
 28. Там же. С. 291.
 29. Isthmus Of Suez Canal Volume 146: debated on Friday, 17 July, 1857. Hansard archive. Commons. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1857-07-17/debates/3dda64e7-6035-45cd-ab25-e852493b0e1f/IsthmusOfSuezCanal> (дата обращения 17.02.2024).
 30. The Isthmus Of Suez Canal. Volume 146: debated on Tuesday, 7 July, 1857. Hansard archive. Commons. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1857-07-07/debates/bde43497-10e5-48ca-a953-32c5aa4b0b84/TheIsthmusOfSuezCanal> (дата обращения 17.02.2024).
 31. The Isthmus Of Suez Canal. Volume 150: debated on Tuesday, 1 July, 1858. Hansard archive. Commons. URL: <https://hansard.parliament.uk/Commons/1858-06-01/debates/d1e2eab2-e210-478c-8384-17b605331985/IsthmusOfSuezCanal> (дата обращения 17.02.2024).
 32. *Милль Дж.С.* Несколько слов о невмешательстве / Пер. А. Куманькова, Д. Чагановой. «Социологическое обозрение», Т. 19, №3, 2020. СС. 281–299.
 33. Treaty of Versailles (June 28, 1919). *Treaties and other international agreements of the United States of America 1776–1949. Vol. 2, Multilateral (1918–1930).* University of Virginia, USA. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uva.x004399666&seq=114&q1=map>
 34. Там же. Ст. 102, 103, 104.
 35. The Strait of Hormuz is the world's most important oil transit chokepoint. U.S. Energy Information Administration. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=61002#>

36. См., напр., «Иран может перекрыть Ормузский пролив» // Информационно-аналитическое агентство “SeaNews”. URL: <https://seanews.ru/2024/04/12/ru-iran-mozhet-perekryt-ormuzskij-proliv/>; «Иран пригрозил перекрыть Ормузский пролив из-за санкций США» // Сетевое издание «Интерфакс.ру». URL: <https://www.interfax.ru/world/658964>; “If Iran’s oil export is blocked, no other country in region will export oil either: Imam Khamenei”.
37. “FM: Iran Pulls No Punches over Its Territorial Integrity” // Tasnim News Agency. URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2023/07/13/2925141/fm-iran-pulls-no-punches-over-its-territorial-integrity>

POLITICAL DIMENSION OF THE TRANSPORT-LOGISTIC SYSTEM OF THE STATE

N. Margaryan

Russian-Armenian (Slavonic) University

nina-markaryan@yandex.com

ORCID: 0000-0002-7369-116X

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of problems of definition of the concept of “transport-logistic system” of the state, as well as the need to consider issues related to the transport and logistics system through the prism of domestic and foreign policy challenges and threats, which is due to the role of the transport and logistics system in the functioning of the state as a whole. The article substantiates the thesis that the tendency to consider issues related to the transport-logistic system of the state exclusively from the standpoint of economic processes does not allow to fully assess and predict the challenges and threats generated in the spheres of politics and international relations, while transport and logistics problems often have a direct impact on ongoing domestic and foreign policy processes.

Keywords: transport sector, transport and logistics system, national security, transport policy.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-4-98-109

УДК 347.77

Поступила: 17.09.2024г.

Сдана на рецензию: 20.09.2024г.

Подписана к печати: 14.11.2024г.

MAIN ISSUES OF INTERNET SERVICE PROVIDER'S LIABILITY FOR COPYRIGHT INFRINGEMENT

A. Tunyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

anntunyan@gmail.com

ORCID: 0009-0000-2934-9650

ABSTRACT

The article highlights the challenges of copyright protection in the context of the Internet. As the Internet's primary function is to facilitate information transfer, the issue of copyright infringement has become increasingly relevant, allowing users to access vast amounts of information without restrictions. The article explores the division of liability for copyright infringement between Internet Service Providers and infringing users. While some argue that Internet Service Providers should be held accountable for copyright violations, others contend that responsibility lies with the users. Additionally, the article discusses international approaches to regulating Internet Service Providers liability for copyright infringement, highlighting the importance of coordinated efforts across jurisdictions. The article concludes that although Internet Service Providers are not the initiators of copyright infringement, they play a critical role in suppressing illegal activities on the network.

Keywords: Internet Service Provider, copyright, infringement, copyright holder, information, liability.

The rapid expansion of digital technologies and the widespread adoption of the Internet have transformed the manner in which information is accessed, disseminated, and shared on a global scale. While the Internet has created unprecedented opportunities for communication, collaboration, and innovation, it has also introduced significant challenges for the protection of intellectual property rights, particularly in the realm of copyright. Internet Service Providers (hereinafter – ISPs), as key facilitators of online communication and information exchange, play a central role in the digital ecosystem. Consequently, the issue of ISP liability for copyright infringement has emerged as a complex and contentious matter, prompting inquiries into the allocation of responsibility in the digital era. Before engaging with

these inquiries, it is crucial to establish a clear understanding of the definition of an Internet Service Provider.

The term “Internet Service Provider” is “originally referred to a vendor who provided access for customers to the Internet and the World Wide Web, as well as e-mail services and other services [1]”.

Over the course of its development, the term has undergone substantial expansion, now encompassing a broad and diverse spectrum of service providers that have emerged and adapted in response to evolving societal demands and technological advancements. An ISP may provide Internet access services on a retail basis to residential and/or business customers [2]. An ISP might additionally offer solely a search engine or another e-commerce tool.

ISPs are integral to the functioning of numerous key sectors, including media streaming services, financial technology (FinTech), educational platforms, and e-commerce. These services rely on the infrastructure and stability provided by ISPs to deliver uninterrupted, high-quality digital experiences. Given the central role of ISPs in facilitating access to a vast array of digital content, they also find themselves at the intersection of copyright protection and enforcement. ISPs provide access to digital platforms where copyrighted material, such as music, films, and educational content, is frequently shared and consumed. Consequently, ISPs find themselves at the center of the legal and technical mechanisms designed to combat copyright infringement.

Under the Digital Millennium Copyright Act of the United States (hereinafter – DMCA), a service provider is defined in two different ways. The narrow definition is that an ISP is “an entity offering the transmission, routing, or providing connections for digital online communications, between or among points specified by a user, of material of the user’s choosing, without modification to the content of the material as sent or received” [3]. The broad definition refers to a provider of online services or network access or the operator of facilities thereof [4].

The Electronic Commerce Regulations 2002 in the UK, which gave effect to the European Electronic Commerce Directive, defines the “Service Provider” as “any person providing an information society service” [5].

The principal actors who are involved in the transmitting of information from one place to another are the senders and the recipients of that information [6]. Yet, within the digital realm, Internet technology renders it unfeasible for users to access and replicate protected works devoid of Internet-based intermediaries.

Large-scale copyright infringement on the Internet have been constant for a number of years, whether by means of file sharing through peer-to-peer (P2P) sites or, more recently, by other means such as unauthorized streaming [7]. Obviously, the phenomenon is not new: copyright has always been challenged by the various technical advances such as the arrival of the phonogram, the radio, television, de-

vices for recording works (such as tape-recorders or video-recorders) or reprographic technology enabling the mass photocopying of protected works [8]. What's distinct in the present landscape is the notable increase in this phenomenon, primarily attributable to the facile reproduction of copyrighted content in the digital domain. This replication achieves a quality commensurate with the original, and concurrently enables the widespread dissemination of these works at no cost via online platforms.

Activities such as the reproduction, distribution, and dissemination of services provided by ISPs by third parties are liable to infringe upon the copyrights held by the owners. The transmission of a work over the Internet will normally result in several acts of reproduction. First, the work is copied onto the server of the hosting service provider. Then, it will be temporarily reproduced, in whole or in part and during transmission, digitised packets are repeatedly “stored” and forwarded.

The battle for copyright protection on the Internet sometimes seems lost, because the virtual space allows users/subscribers of the network resource to access a huge amount of information anytime, anywhere without any restrictions. In this regard, the problem of liability seems unsolvable, who should be held liable for copyright infringement – the ISP or the user committing the violation?

Scientific publications often emphasize the indisputability of the fact that ISPs are responsible for copyright infringement on the Internet [9]. However, it should be noted that often the actual violator is not the ISP, but the user of the network resource.

Some argue that turning to ISPs is an economic as well as a productive way to deal with copyright infringers or even other e-infringers in general, especially in locating the culprits [10]. The Internet allows users to remain anonymous, making it impossible to find the culprit, which is why many are in favor of holding ISPs liable for copyright infringement, even if the infringement was committed by the ISP's subscribers. In addition, the cost of litigation far exceeds the amount eventually recovered, and, in contrast to the prosecution of the user, which is an individual, it is easier and more cost-effective to sue the ISP. However, from a legal standpoint, attributing liability to ISPs solely because they possess greater financial resources to cover potential penalties, as opposed to the individual subscribers responsible for the violations, raises concerns about fairness and legal reasoning.

Thus, assigning responsibility for copyright infringement on the Internet to the ISP in full seems impractical due to the fact that ISP often has only an indirect relationship to the violation. Therefore, it is more expedient to consider the role of the ISP in the mechanism of copyright protection **not only through the prism of the possibility of bringing it to liability, but also the possibility of suppressing illegal activities on the network by denying access to infringing users** [11].

The issue of responsibility on the Internet has an important international subtext. Since the Internet has no borders, it is important that similar approaches to

regulating this issue be adopted worldwide. It is not necessary that these approaches are identical, they may differ depending on the specific circumstances and legal traditions of any particular country. But for the sustainable development of global networks and e-commerce, they must be mutually workable.

However, it is noteworthy that the Berne Protocol, to protect copyright holders in the digital context, being developed by the World Intellectual Property Organization (hereinafter – WIPO) and the signatories [12] of the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works, does not deal with ISP liability in detail but has left it to the national legislatures [13].

As for the legal regulations of the European Union, it should be noted that European law is quite liberal towards ISP. The issue of ISP liability under European law is governed by Directive 2000/31/EC of 8 June 2000 [14] (hereinafter – Directive).

The Directive outlines three categories of actions by ISPs, the fulfillment of which serves as the basis for limiting their liability:

1. Simple Transmission of Information
2. Caching
3. Hosting

Simple Transmission of Information

Regarding the simple transmission of information, the Directive specifies that if a service involves transmitting information to a user over a communications network or providing access to such a network, the provider is not liable for the transmitted information. However, the provider must not initiate the transmission, select the recipient of the information, or modify the information being transmitted.

Caching

The Directive exempts providers from liability for the automatic, intermediate, and temporary storage of information, provided this is done solely to facilitate the more efficient transmission of the information to users. For this exemption to apply, the ISP must meet the following five conditions:

- The ISP must not alter the stored information.
- The ISP must adhere to any conditions governing access to the information.
- The ISP must comply with requirements for updating the information.
- The ISP must not interfere with lawful measures used to protect the information.
- The ISP must promptly delete or block access to stored (cached) information upon becoming aware that the information has been removed from the network, access to the information has been terminated, or a court or administrative order has mandated its deletion or restriction. Essentially, the

provider must take action to delete or block access to automatically created copies of such information.

Hosting

ISPs are also exempt from liability, including liability for damages, when storing user-generated content at the request of users, provided the following conditions are met:

- The ISP must not be aware of any illegal activity or the unlawful nature of the stored content, nor of facts or circumstances that would clearly indicate such illegality.
- If the ISP becomes aware of illegal activity or information, they must promptly delete or block access to the content.

These provisions establish a framework for limiting liability while ensuring that ISPs take appropriate measures to address unlawful activities when identified.

In the landmark case **L’Oreal SA v. eBay International AG** (2011) [15], the Court of Justice of the European Union (CJEU) held that eBay, as an ISP, was not liable for the sale of counterfeit goods on its platform, as it **did not have knowledge of the infringing activities**. This case illustrates the application of the Directive in protecting platforms that host user-generated content.

Overall, the Directive provides a comprehensive legal framework that shields ISPs from liability in cases of copyright infringement under specific conditions.

The United States has established one of the most comprehensive legal frameworks and enforcement practices in addressing copyright infringement on the Internet. The legislator provided for the possibility of exemption from liability subject to voluntary cooperation between the ISP and the copyright holder through the implementation of a mechanism for removing illegal content. This mechanism is regulated by the DMCA [16]. By implementing this mechanism, the copyright holder, in cooperation with the ISP, suppresses copyright infringement.

The essence of this mechanism is that the ISP must immediately remove the disputed content from its Internet resource after receiving a notice of elimination sent in accordance with the requirements of section 512 (c) (3) of the DMCA. Overall, the DMCA represents a landmark piece of legislation aimed at addressing the challenges of copyright enforcement in the digital age. While it provides a framework for cooperation between ISPs and copyright holders to combat infringement, it also seeks to safeguard the rights of Internet users and promote the free exchange of information online.

However, along with the above, US courts often hold the ISP liable for indirect copyright infringement. A famous case is **Metro-Goldwyn-Mayer Studios v. Grokster** [17]. Despite the norms of the current legislation, the court laid responsibility for indirect copyright infringement on the Grokster service, which provided the ability to exchange files, including those that violate copyright. A feature of the

Grokster service was that it provided the ability to exchange files directly between users. However, the court held that a person who provides his equipment to facilitate copyright infringement and if it is clearly expressed, is liable for direct infringements committed by users.

An analysis of the provisions within US and EU legislation reveals that, despite the established limitations on liability, an ISP may still be held accountable if its actions fail to adhere to the conditions outlined for liability exemptions. This includes instances where an ISP refuses to remove or block access to unlawful materials as required under the applicable legal framework.

Regarding Canadian legislation, it is noteworthy that there are no specific statutes governing the liability of ISPs. The Copyright Act in Canada delineates two categories of infringement: direct infringement and indirect infringement [18].

Direct infringement occurs when any person carries out any act that falls within the exclusive purview of the copyright owner. These exclusive acts include reproduction of a work or any substantial part of the work in any material form, performance of the work in public, communication of the work to the public by telecommunication, or by "authorization" to another person to carry out one of these excluded acts [19].

In contrast, indirect infringement occurs where a person knows that the work infringes copyright, or would infringe copyright if it had been made in Canada, and

- sells or lets for hire, or by way of trade exposes or offers for sale or hire,
- distributes, either for the purposes of trade or to an extent that it prejudicially affects the copyright owner,
- exhibits the work in public for purposes of trade, or
- imports the work for sale or for hire into Canada [20].

Hence, in cases of indirect infringement, the infringing party must possess awareness of the copyright's existence, whereas such awareness is inconsequential in instances of direct infringement. Presently, there exists no legal precedent addressing the liability of ISPs in matters of copyright infringement. Nonetheless, should the existing provisions of the Copyright Act be invoked, the outcomes may yield intriguing implications.

Whenever infringing material is uploaded to the Internet, it has the potential to infringe upon any or all of the exclusive rights held by the copyright holder. Consequently, this situation could lead to legal action against the ISP since the ISP supplied the equipment or facilities to a third party, which were subsequently utilized to infringe upon the copyright. Thus, the ISP indirectly sanctioned the infringement of the exclusive rights. However, in the past, the Canadian courts have determined that merely supplying equipment does not constitute authorization, if the supplier did not retain control over the use of the equipment. Moreover, in the case *Tervagne v. Beloeil (Town)*, the court clarified that it will not infer any authorization of an illegal act unless the supplier of the equipment has formed a common

purpose with the infringer so as to “sanction, approve, and countenance” the infringement in some way. Applying this principle, most of the infringement that occurs on the Internet arises from users giving commands that result in reproductions or communications of copyright works. These instructions are transmitted via the equipment furnished by ISPs and other intermediaries. ISPs, however, do not share any mutual intent with the infringer. Thus, it can be inferred that if a defendant took proactive measures to prevent the infringement, or if the defendant was unaware of the potential for infringement, then the defendant cannot be deemed to have authorized the infringement. Further, the case law appears to indicate that “authorization” is narrowly construed in Canadian law. It should be noted that the above decision do not specifically deal with ISPs, rather it provide the courts with guidelines to determine whether an ISP authorized the infringement. This raises the question of whether an ISP would be liable under indirect infringement. For indirect infringement, an alleged infringer must know that the work at issue infringes a copyright. The plaintiff bears the burden of proving that the defendant had this knowledge. This burden of proof is difficult to carry, because when knowledge is an essential element of an infringement, ignorance can be pleaded as a defense [21].

Canadian courts have addressed the term “knowledge” in Section 27(4) of the Copyright Act [22]. The courts construed “knowledge” as a suggestion to a reasonable man that a copyright violation had occurred [23]. Upon acquiring either explicit or implied awareness that the work might infringe upon a copyright, the individual bears the obligation to ascertain whether the work indeed constitutes infringement. Nevertheless, mere knowledge in itself does not suffice to establish liability for a copyright violation. The defendant must also have completed one or more of the actions under Section 27(4) of the Copyright Act. This rule has been substantiated in *Apple Computer, Inc. v. Mackintosh Computers Ltd.*, where an individual knowingly financed an operation that infringed copyrights but had not committed any of the actions listed under Section 27(4) of the Copyright Act, and so escaped liability [24]. As for ISPs with knowledge about the infringing activity, they are not at risk for indirect infringement so long as they take steps to prevent the continuation of the infringing activity. Hence, within the Canadian legal framework, while there is presently no dedicated legislation addressing this issue, the existing Copyright Act seems to possess sufficient adaptability to effectively address the complexities presented by the online environment.

In the context of special measures aimed at combating violations of intellectual property rights on the Internet within the EAEU member states, it is important to note that unified and coordinated approaches to their development and implementation have not yet been established.

The legislation of the Russian Federation (hereinafter – the RF) defined the responsibility of ISP for violation of intellectual property rights on the Internet.

Within the framework of article 1253.1 of the Civil Code of the RF [25] the legislator indicated that the responsibility of Internet provider arises only depending on his fault in posting information that violates the rights of third parties. The Internet provider must send a specific request to the identified user to provide clarifications and documents confirming the existence of rights to the object placed by him. Subsequently, using the available information, the Internet provider will resolve the conflict situation in court [26].

In its turn, A. Chernyshova, proposes to provide in accordance with article 1080 of the Civil Code of the RF joint and several liability of the ISP and the user, thus both persons will be liable for their illegal actions, if any. The author believes that such liability is possible in case of established fault of both the user and ISP [27].

A unified approach to this issue has not yet been established in judicial practice. Various court rulings and decisions underscore the absence of a consistent position regarding the circumstances and conditions under which ISPs may be held liable for infringing exclusive rights on the Internet. For instance, the Ninth Arbitration Court of Appeal in Moscow ruled that Rambler Internet Holding LLC must pay the plaintiff, First Musical Publishing LLC, 50,000 rubles as compensation for the infringement of exclusive rights to an audiovisual work [28].

Conversely, the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan rejected the claims of the plaintiff, Sintez Records LLC, against the defendant, TVT TV and Radio Company OJSC. The case involved the posting of 243 songs by the band “MashinaVremeni” on the Internet [29].

The legislation of the Republic of Armenia currently lacks specialized measures to combat copyright infringement on the Internet. However, a draft law “On Copyright and Related Rights” is under development, which includes provisions establishing the liability of individuals or legal entities for copyright and related rights infringements in the context of hosting services and data transmission on the Internet (hereinafter – Draft Law) [30].

The Draft Law stipulates that individuals or legal entities providing hosting or data transmission services (on the Internet or intranet), including Internet providers, are considered accomplices if they directly contribute to copyright or related rights violations.

The Draft Law notably establishes cases in which service providers are exempt from liability. For instance, Internet providers are not held accountable for the unlawful actions of individuals who use their services to violate copyright or related rights, provided the providers are unaware of these actions or lack the ability to restrict access to or remove content published or used in violation of such rights. This approach aligns with international practices, though further refinements to the Draft Law are necessary. As previously mentioned, the United States has developed

extensive law enforcement practices in this area. Under the DMCA, service providers can be exempt from liability if they voluntarily cooperate with copyright holders by implementing mechanisms to remove infringing content. Through this collaboration, copyright holders and Internet providers work together to prevent copyright violations.

ISPs, in general, are not the initiators of copyright infringement. However, releasing them from the obligation to stop copyright infringement would mean in many cases the impossibility of copyright protection, since it would leave the copyright holder face to face with the user, sometimes completely unknown and hiding under an assumed name. That is why the world legal practice is in constant search for a fair balance of interests, which is to involve ISP in copyright protection but at the same time not to make them responsible for the actions of others that are beyond their control.

Thus, it can be concluded that the liability of ISP arises only depending on his fault, but in order to most effectively protect rights of copyright holders, the ISP, as a network communication operator, should be assigned the obligation to assist the copyright holder in identifying a specific user, as well as respond in a timely manner to signals from copyright holders about the violation of their copyrights, taking the necessary measures to suppress illegal actions (for example, block access to the Internet for a user of a network resource if there has been multiple copyright infringement on his part). Failure to comply with this obligation may, in turn, lead to the liability of the ISP.

It should also be noted that the tightening of legislation in relation to ISPs can lead to a massive outflow of ISPs to countries with more loyal legislation to them. Based on this and considering the above-mentioned international subtext of the issue of liability on the Internet, it can be concluded that it is possible to solve the problem of copyright infringement on the Internet only in the course of coordinated work not only at the level of national legislation, but also through the conclusion of agreements at the international level, which will contribute to the sustainable development of copyright protection on the Internet.

Placing full responsibility for copyright infringement on the Internet solely on Internet providers appears inappropriate, as they are often only indirectly involved in such violations. Instead, it is more reasonable to consider the role of Internet providers in the copyright protection framework not just from the perspective of liability, but also in terms of their potential to prevent illegal activities on the network by restricting access to infringing users (subscribers).

The most critical aspect in this area is fostering international cooperation among states, including through agreements between EAEU countries to implement liability measures on the Internet. Such agreements should address the development of unified terminology to facilitate coordinated approaches to combating

copyright violations online. They should also establish uniform provisions regarding the liability and exemption from liability of ISPs across all EAEU members and enable the blocking of copyright-infringing resources by authorized bodies of EAEU member states, regardless of the domain name's country of origin. Additionally, consideration should be given to implementing a pre-trial mechanism for service providers to block websites and content.

In conclusion, the issue of ISP liability for copyright infringement is complex and multifaceted, with implications spanning legal, economic, and technological domains. Across various jurisdictions, legal frameworks vary in their treatment of ISP liability, reflecting divergent approaches to balancing the interests of copyright holders, ISPs, and users. International efforts to harmonize these legal regimes face challenges stemming from differences in legal traditions, cultural norms, and economic considerations. Nevertheless, there is a growing recognition of the importance of coordinated action at the global level to address the transnational nature of online copyright infringement effectively. However, striking a balance between protecting copyright holders' rights and avoiding undue burdens on ISPs remains a formidable task. Moving forward, it is essential to foster dialogue and collaboration among stakeholders to develop sustainable solutions that promote innovation, safeguard intellectual property rights, and ensure the continued growth of the digital economy.

REFERENCES

1. *Chaubey R.K.* An Introduction to Cyber Crime and Cyber Law. 2nd ed. Kolkata, Kamal Law House, 2012. P. 965.
2. *Timothy D.C.* ISP Liability Survival Guide. Wiley Publications. 2000. P. 244.
3. Digital Millennium Copyright Act, December 1998. Sections 512 (a) (1).
4. Digital Millennium Copyright Act, December 1998. Sections 512 (k) (1) (A-B).
5. The Electronic Commerce (EC Directive) Regulations 2002. Reg. 2 (1).
6. *Reed C.R.* Internet Law: Text and Materials (2nd ed.). Cambridge. Cambridge University Press Academic, 2004. P. 22.
7. *Strowel A.* Peer-to-Peer File Sharing and Secondary Liability in Copyright Law. Cheltenham. UK Northampton. MA, 2009.
8. *Sherman B.* and *Wiseman L.* Copyright and the Challenge of the New, Alphen den Rijn, Kluwer Law International, 2012.
9. *Sytenko G. I.* Topical issues of regulating relations for the protection of copyright and related rights on the Internet. P. 15.
10. *Osborne D.* Copyright and trademark infringement on the net – Looking to the Internet Service Provider *first*.
11. *Fedoskina N.I.* Terms of civil liability of Internet providers for violation of copyright and related rights // Law and Economics, № 9, 2007. P. 39.
12. Signatories of the Berne Convention, <https://copyright.house.org/countries-berne-convention/>
13. *Foster W.* Copyright: Internet Service Providers rights and responsibilities. URL: http://www.isoc.org/inet97/proceedings/B1/%20B1_2.HTM

14. Directive 2000/31/EC of the European parliament and of the council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce). URL: <http://eurlex.europa.eu/%20LexUriServ/LexUriServ.%20do?uri%20=OJ:L:2000:1%2078:0001:0016:EN:PDF>
15. L'Oreal SA v. eBay International AG (2011). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62009CJ0324>
16. Digital Millennium Copyright Act, December 1998. URL: <https://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf>
17. Metro-Goldwyn-Mayer Studios v. Groksterl. URL: <https://www.copyright.gov/docs/mgm/>
18. Copyright Act, R.S.C. ch. C-42 Canada. 1985. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-42/Index.html>
19. Ibid § 3(1).
20. Ibid § 27(2).
21. *Copinger S.J. James S.K.* Copyright, 240-42. Sweet & Maxwell 13th ed. 1991.
22. Copyright Act, R.S.C. ch. C-42 27(4) Canada. 1985. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-42/Index.html>
23. *Advocate V.K.* Internet Service Provider's Liability for Copyright Infringement- How to Clear the Misty Indian Perspective. The Richmond Journal of Law and Technology. 2001. P. 9.
24. Apple Computer, Inc. v. Mackintosh Computers Ltd. 1986. 28 D.L.R., 226-27 (F.C.T.D.).
25. "Civil Code of the Russian Federation (Part Four)" dated December 18, 2006, N 230-FZ (as amended on 5 December 2022).
26. *Pazova F. M.* Features of legal protection and responsibility of Internet providers for violation of copyright and related rights through the Internet // Young scientist. 2019. No. 19 (257). PP. 241-242.
27. *Chernyshova A.A.* Responsibility of a provider for copyright infringement on the Internet // Legal issues of communication, № 1, 2011. P. 36.
28. Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal in case No. A40-89751/09-51-773, dated February 1, 2010.
29. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Tatarstan in case No. A65-14284/2010-CF3-14, dated October 13, 2010.
30. Draft Law On Amendments to the Law of the Republic of Armenia "On Copyright and Related Rights".

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ- ПРОВАЙДЕРА ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ

А.А. Тунян

Российско-Армянский (Славянский) университет

anntunyan@gmail.com

ORCID: 0009-0000-2934-9650

АННОТАЦИЯ

В статье освещаются проблемы, связанные с защитой авторских прав в контексте Интернета. Основной функцией Интернета явля-

ется передача информации, что делает проблему нарушения авторских прав все более актуальной, поскольку он позволяет пользователям получать доступ к огромным объемам информации без ограничений. В статье рассматривается вопрос ответственности за нарушение авторских прав интернет-провайдерами пользователями-нарушителями. В то время как некоторые утверждают, что интернет-провайдеры несут ответственность за нарушение авторских прав, другие утверждают, что ответственность несут не интернет-провайдеры, а пользователи. Возлагать полную ответственность на интернет-провайдеров нецелесообразно, поскольку фактическим нарушителем часто является пользователь. В статье также рассматриваются международные подходы к регулированию ответственности интернет-провайдеров за нарушение авторских прав. В статье делается вывод о том, что, хотя интернет-провайдеры не являются инициаторами нарушения авторских прав, они играют решающую роль в пресечении незаконной деятельности в сети Интернет.

Ключевые слова: интернет-провайдер, авторское право, нарушение, правообладатель, информация, ответственность.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-4-110-122
УДК 341

Поступила: 29.11.2024г.
Сдана на рецензию: 06.12.2024г.
Подписана к печати: 30.12.2024г.

FULL PROTECTION AND SECURITY STANDARD IN TIMES OF ARMED CONFLICTS

M. Arshakyan

Russian-Armenian (Slavonic) University
arshakyan.mikayel@gmail.com
ORCID: 0009-0001-8631-9658

ABSTRACT

This article explores the “Full Protection and Security” (FPS) standard, commonly included in bilateral and multilateral investment treaties. The focus is on the impact of armed conflicts on the interpretation and application of this standard. Key issues include the limits of host state obligations, their transformation during armed conflicts, and the interaction between the FPS standard and other investment protection standards, such as “Fair and Equitable Treatment” (FET).

The author examines arbitral case law, including disputes related to conflicts in Libya, Crimea, Sri Lanka, and other regions, where issues of adherence to obligation of *due diligence* were raised as consequence of armed conflicts. The study concludes that armed conflicts alter the threshold for expected *due diligence* by host states but do not entirely exempt them from responsibility. The article emphasizes balancing investors' reasonable expectations with the host state's objective capacities in times of crisis.

This research contributes to the development of a more unified approach to the FPS standard, enhancing the predictability and stability of investment protection in unstable environments.

Keywords: Full protection and security, investments, armed conflicts, investment treaties, due diligence.

Introduction

The standards of protection of foreign investments, which are included in agreements on reciprocal protection of investments, are continuously modified whether by explicit reflection of such changes in the wording of the granted assurances or by implicit changes affected by the shadow of state practice, which is shaping the content of the obligations. Therefore, it is important to track these changes and delimit the shifts of the obligations to form a more unified approach and vision towards standards of investment protection.

One of the most important and widely accepted¹ [1] standards is “Full protection and security” (FPS) clause, which is regularly included in bilateral and multi-lateral investment treaties (ECT [2], EAEU [3], NAFTA [4], USMCA [5], etc.). The FPS is the most commonly invoked clause when we refer to instances where investors suffered injuries as a result of armed conflicts, civil strives, insurgencies or other severe political instability. Nevertheless, despite the wide acknowledgment of the FPS clause, there is a number of debates unfolding in scholarship and case practice on its definition, scope of application and even wording.

In this research the main emphasis is put on the issue of highlighting the effect of armed conflicts on FPS regime, as a circumstance transforming the boundaries of due diligence. This research concentrates on delimiting the line between cases of host-state’s lawful adherence to its obligations in times of armed conflicts and unlawful denial of such defence.

The first part will focus on reflecting the general views on the standard of protection provided by the clause and the second will unpack the issue of transformation of expectations from host-state to meet the obligations encompassed in the clause.

The general view on FPS protection

The full protection and security clause has a substantial body of case law and history that allows for a thorough examination of its meaning, although it is often formulated in various ways. In some cases, it is referred to as “constant protection and security” [6] without the term “full”, and in other cases, the terms “protection” and “security” are separated, with only one included in the text [7]. However, the specific wording of the clause arguably has a limited effect on the obligations it creates. As will be seen later, tribunals take different views when determining the origin of the standard and vary in their approaches to the importance of its wording [8].

Notwithstanding the different wordings, there is an almost universal consensus that the clause applies not only to negative obligation of the host-state to refrain from actions that will cause damage to the investments but also to positive obligation to guarantee such legal framework and factual protection that will be enough to ensure the security of the investments at question.

The main element that has a decisive role in defining the obligations arising from the FPS clause is the general interpretation adopted for the clause. There are two main views regarding its scope of application. The first view holds that it only applies to situations where there is a risk of physical harm to the investments, implying that the state’s obligations are limited to physical protection [9]. The second

¹ According to UNCTAD, the FPS provision has been included in 2,181 of 2,592 mapped investment treaties.

view suggests that FPS extends beyond physical protection and includes “legal protection” as well [10]. This issue is complicated by the absence of a uniform approach by tribunals, leading to another question concerning the interrelation between FPS, fair and equitable treatment (FET), and other standards.

Nevertheless, without undermining the importance of the connection between these standards, for the purpose of the present research the more broadly accepted [11] idea of separation of those standards is followed. One example of this approach being followed by a tribunal is the *Frontier Petroleum v Czech Republic* case, where the Tribunal described the difference between the FPS and the FET standards as follows: “*full protection and security obliges the host state to provide a legal framework that grants security and protects the investment against adverse action by private persons as well as state organs, whereas fair and equitable treatment consists mainly of an obligation on the host state’s part to desist from behaviour that is unfair and inequitable.*”[12]. Another example, in more recent *Krederi Ltd. v Ukraine* the Tribunal held that “*it is hard to believe that contracting parties of a BIT choose the separate wording of “full protection and security” in order to mean the same thing as “fair and equitable treatment”*” [13].

This is further backed up by the opinions of some scholars such as Zrilic, who indicate that the interpretation of FPS and FET shall not be based on textual but rather contextual foundation. He emphasizes the logical correctness of separation of two different standards that are enshrined in two different provisions of the treaty by saying: “*A reading according to which there is a significant substantive overlap between two distinct standards included in the same provision betrays textual logic, renders the inclusion of both standards futile (in contradiction to effet utile interpretation), and [...] tends to lead to resolution of relevant claims under only one of the standards (notably FET)*” [14]. This position prevents FPS from being submerged in FET and provides it the separate framework, which was originally given to that clause by states in treaties.

For this reason, the question of the extent to which FPS applies to “legal protection” in cases where such an extension is not explicitly included in the treaty text remains highly controversial. This is particularly relevant if we consider the legal protection framework – i.e., the legislation regulating the standards of protection afforded to FDIIs – as being covered by FET. Alternatively, some scholars advocate the view that the FPS standard has evolved, expanding its scope to encompass legal protection issues within its regime. In this case the separation of two regimes, although somewhat complicated, will be still possible and necessary. Clear distinction between FET and FPS regimes will provide a uniformity and predictability of standards and foster the formation of a relatively unified approach towards both. For these reasons, a clear distinction must be drawn between the two, defining the nature of state actions that may fall under the denotation of “legal protection”. Therefore, it seems reasonable to state that, in order to avoid merging the FPS

standard into the FET standard, the scope of protection under the FPS clause must remain connected to physical damages. This “connection” entails, among other things, the legal framework aimed at providing the corresponding protection or related to the ability to offer such protection, ensuring that it is available and effective, in accordance with the state's obligations.

As was emphasized by tribunals in number of cases, it is the very nature of the FPS clause to be invoked in cases of armed conflicts and political disturbances. Arbitral tribunals have addressed the application of the FPS clause in various instances where investors were harmed by physical violence. It has been most commonly invoked in cases involving low-intensity violence, such as the forceful seizure of property [15], expropriation with government help [16], social demonstrations [17], employee protests [18], and government harassment [19]. Less frequently, the FPS clause has been applied in large-scale violence, such as widespread riots, revolutions, and civil wars [20]. Notably, the AAPL v. Sri Lanka case dealt with FPS during civil war [21], with more cases arising from conflicts in Libya [22] and Crimea [23]. Therefore, it can be established that the FPS standard has been specifically tailored to address the issues of instability in the host-state and provide additional guarantees to the investors. In this context it is worthy of mentioning that the FPS standard has primarily been applied in three contexts [24]. In earlier cases of invocation, foreign investments were harmed by insurgents or rioters. A second category involves situations where government forces, such as police or military, were involved. More recent cases have focused on government regulatory actions that disrupt the legal environment of the investor's business. In theory, the question whether FPS clause may be applicable in other cases, such as cyber-attacks on investor's networks, may be raised.

As a result, the FPS clause is understood as an additional and widely accepted guarantee against investor losses that arise during periods of instability in a host state. The nature of such circumstances plays a pivotal role in defining the scope of necessary actions to prevent harm to investments and secure investors' rights. Often, these circumstances include armed conflicts, whether international or non-international in character. The FPS clause can be successfully invoked in cases where there is an armed conflict if host-state's negligence is proven despite the armed conflict. This is true when such conflict, while affecting the threshold of due diligence, has not restricted the ability of state to provide adequate protection in the extent that would satisfy the requirements established by general practice in international law.

While there is a general consensus that the duty of *due diligence* applies in cases where the harm has been caused by non-state actors, a considerable number of scholars advocates that that duty must not be applied in cases when the harm is caused by a state organ [25]. The host-state is liable for protection of investments against infringements from actors that are out of its control as well as from actions

of state organs. However, the distinction between state and non-state actors plays an important role in assessing the scope of state's obligations. The character of the obligation might change as the host-state in these two situations may act either as a party that has failed to prevent the harm or as a party that has caused the harm. In the first case, the failure may potentially constitute a violation of the FPS standard, although the issue of compensation for the violation remains vague. In the second case, in addition to violating the FPS clause, it may also entail a stronger ground for obligation to compensate for delictual harm. Yet, as has been underlined in arbitral jurisprudence, states possess a discretion to choose certain actions that are aimed at protecting their public order and security interests, including interference [26]. Nonetheless, such interference must be reasonable and pursue a legitimate aim. Notwithstanding the similarities, such "reasonableness" of the interference must not be mistaken with the duty to exercise reasonable care (*due diligence*). Such interference must be proportionate to the aim pursued. Hence, state actions may be excused on this basis, even if the harm was caused by its officials. However, this does not prejudice the issue of compensation.

Alternatively, assessing whether the duty of *due diligence* under the FPS standard was fulfilled in such cases may appear irrelevant, as any intentional action by state officials causing harm to investments is sufficient to establish a failure of protection. Such wrongful failure may only be precluded due to an excuse or justification. However, it seems that in cases, where the harm by state organs was caused unintentionally it will be logical to apply the test of duty of *due diligence* to figure out whether the state has taken all reasonable and necessary measures to avoid this accidental harm.

The standard of due diligence for FPS clause

The FPS standard has never been considered as an absolute obligation in modern agreements. The FPS clause puts up a requirement to execute all necessary measures that are needed to grant due protection to the investors and prevent the harm, irrespective of the results of such conduct [27]. Such interpretation of FPS clause corresponds with the accepted rule, which has been confirmed by ICJ in *Elettronica Sicula SPA* case [28].

In order to assess the adherence to FPS standard it is necessary to establish the framework of what shall be qualified as fulfilment of due diligence duty. This question is resolved by dividing the duty to two aspects, first being the objective expectations and second, subjective circumstances. Such approach allows making a fair and equitable differentiation between expectations from states with highly developed economy and political stability and less developed states.

The objective element is often reflected in different formulations that show an expected line of reasonableness in state's actions under the obligations it undertakes, for instance as actions expected from "reasonably well-organized modern State." [29] This sets a minimum baseline for state behaviour, regardless of the

circumstances. The existence of such a minimal standard is only logical, as investors can never expect more than what can reasonably be offered by a “well-governed” or “reasonably well-organized modern” state. Nor is it acceptable, from the perspective of fairness and equity, to tolerate behaviour that does not align with the standards of such a state.

In modern understanding of the FPS this objective element is correlated with the subjective element which takes into account specific circumstances present in that case that could affect state’s ability to provide due protection. The interplay between these two elements is the key factor for the evaluation of the potential breach of FPS clause. Although there is a common vision that these economic and social conditions must be thoroughly addressed, it remains undetermined to what extent they should be considered when evaluating a state’s adherence to the full protection and security standard. [30] These conditions include but are not limited to the host state’s level of economic development, availability of necessary resources, the presence of armed conflict, and other political or economic factors that can influence its capacity to ensure full protection and security. All of the above are able to originate troubles for the host state, often without its contribution and without its will.

In a recent award in a case against Libya, the tribunal noted the incoherence in complainant’s position concerning the differences between “objective” and “modified objective” approaches by noting that throughout proceedings it was accepted by both parties, that the assessment of observance of *due diligence* obligation by the respondent, must be done by examining the availability of resources of the host state for preventing the alleged harm and concluded that “[T]he applicable standard may require different responses depending on the circumstances of the State that is called upon to exercise due diligence” [310]. Then, to establish the threshold of reasonable expectations, the tribunal examined the circumstances present at the relevant time. First, by assessing the stability of the specific region where the investments were located, it found that the area had become “highly unstable and lawless” and noted the absence of “*ample Libyan forces on hand who could easily have maintained or restored order*”. [32]. The tribunal then addressed the factual circumstances and development of the conflict in Libya. It assessed the amount of resources and military personnel that would have been necessary to carry out the evacuation and protect the investor’s property, reviewing these estimations through the lens of the situation on the ground. Consequently, the tribunal concluded that “*it would have been entirely unreasonable to have expected [Respondent’s military officer] to deploy approximately half (perhaps more) of his operation-ready troops to enable Claimants to gather up and relocate their machinery and equipment.*” [33]. This meant that the tribunal found the Respondent virtually unable to provide more effective and immediate protection under the circumstances at the time, thereby concluding that it had not breached its due diligence obligation under the

FPS clause. This case vividly highlights the impact of armed conflicts on the reasonable expectations placed on the host state and how these expectations can change based on the situation on the ground, which, as a consequence of the harsh conditions caused by armed conflict, can drastically limit the state's ability to provide full protection and security.

This widely accepted “modified objective approach” recognizes that the host state must uphold an objective minimum standard of *due diligence*. However, the state's actions are evaluated based on what can reasonably be expected given its specific circumstances and available resources. This approach establishes fairer standards for developing states that frequently suffer the consequences of armed conflicts. From an economic perspective, it also introduces an additional consideration for investors before committing to investments in unstable states, thereby amplifying the negative impact of the “image of instability” for such states. This dynamic motivates states to project a stronger image and foster a more stable economy to attract additional investments.

This approach has received substantial recognition in arbitral jurisprudence. In cases of *Pantechniki v Albania* [34], *LESI v Algeria* [35], *Ampal-American v Egypt* [36] and others the tribunals relied on this approach and acknowledged the relative nature of due diligence. Although tribunals often find less developed states liable for not providing sufficient protection, this does not undermine the applicability of this approach. Such assessments are made precisely through the lens of the specific circumstances of each case and establish the failure to fulfil the obligation, even considering the lower threshold. Meanwhile, when applying this test, tribunals are also cautious of creating situations that would result in a vacuum of responsibility. These situations can arise when subjective circumstances are relied upon entirely, without establishing a minimum reasonable standard of protection by the state. For instance, in cases where a state's economy is in full collapse due to continuous conflicts and other circumstances, can the state justify a complete refusal of protection under its primary obligation? A positive answer would disregard the meaning and purpose of the investment treaty as a whole, and the FPS clause in particular. Therefore, the FPS is seen as a combination of both subjective and objective standards.

Among others, armed conflicts frequently serve as major factors that reshape the scope of *due diligence* obligations. These conflicts exert a profound impact on both the economic and political stability of the host state, and the adverse consequences for states already in a fragile condition can hardly be overstated. In such contexts, the primary obligation to ensure physical protection of investments and investors may undergo substantial modifications. The threshold for what constitutes negligence, as well as the level of effort expected from a state, often becomes more lenient, correlating directly with the state's diminished capacity to fulfil its obligations. This reduction in the expected standard of care reflects the practical limitations imposed on states by the destabilizing effects of armed conflict.

The conclusion of the tribunal in *Strabag v Libya* [37] is based on the logic highlighted above. In this case the tribunal emphasised the importance of circumstances present in Libya at the time: “[T]he Tribunal believes that the duty of due diligence cannot be viewed in the abstract and in isolation from the conditions prevailing in Libya during 2011 and for much of the time since.” [38]. It took into consideration the harsh conditions imposed on Syrian government by the outbreak of armed conflict, political instability and economic crisis when assessing the threshold of expected due diligence. As a result, the tribunal has concluded that given the circumstances in Libya during and after the Revolution, it was not feasible for the Libyan authorities to implement consistent and effective measures to safeguard the Claimant's investment [39].

Nevertheless, judicial practice indicates that armed conflict is not regarded as a circumstance that entirely absolves states from their duty to provide due protection. Factors such as the character, scale, and duration of the conflict, *inter alia*, are taken into account to assess the host state's potential ability to adhere to its obligations. In other words, a host state does not gain *carte blanche* simply because an armed conflict exists. For instance in cases of *AAPL v Sri Lanka*, *AMT v Zaire and Ampal-American v Egypt* the tribunal established the responsibility of the host-state notwithstanding the existence of an armed conflict.

In *AAPL v Sri Lanka* [40] the tribunal extensively elaborated on *due diligence* character of the FPS obligation and continued with assessing whether host state had met the standard of protection that was reasonably expected at that moment. It found that even in time of conflict the respondent had several options of actions that were available at the time, which would be considered enough to meet the standard of protection. Based on that the tribunal concluded that host state's responsibility is established under international law as it failed to provide sufficient guarantees [41].

In *AMT v Zaire*, the tribunal found Zaire liable for failing to provide the required protection under the FPS clause of the USA-Zaire BIT in response to damages caused by looting from fragments of Zaire's military. The tribunal concluded that Zaire made no efforts to prevent the damage, and it deemed the rejection of compensation based on national legislation by the respondent to be unlawful [42]. While the tribunal raised the question of what would constitute sufficient preventive measures in such cases, it did not provide a direct answer, as the respondent's complete inaction was deemed sufficient to establish liability in this case. Ultimately, the tribunal concluded that “Zaire is responsible for its inability to prevent the disastrous consequences of these events...,” [43] supporting the notion that, despite subjective factors such as the state's circumstances and available resources, a state must always make reasonable efforts to prevent harm in volatile situations.

In *Ampal-American v Egypt* the flexibility of the standard is more vivid. In the wake of Arab Spring Revolution armed militant groups used the instability and fragility of the situation to conduct a series of attacks on Trans-Sinai Pipeline. When assessing the alleged violation of FPS clause the tribunal took into consideration all thirteen attacks perpetrated. It has found that the failure to prevent harm from the first attack could not be considered as a violation of obligation to provide protection and security [44]. Here, the tribunal referred to Sole Arbitrator Paulsson, who underlined in *Pantechniki*: “[...] it seems difficult to maintain that a government incurs international responsibility for failure to plan for unprecedented trouble of unprecented magnitude in unprecented places.” [45]. This position is coherent with the idea of “degree of vigilance”, which must be present in the actions of the host-state. However, according to the tribunal after the fourth attack Egyptian forces should have reasonably expected new attacks on the pipeline and take measures to counter them. Therefore, when the court looked at the attacks in conjunction it has found that starting from the fifth attack it was apparent that the respondent was not putting reasonable efforts to protect the investments, thereby violating the obligation to provide “full protection and security.”

After analyzing these conclusions, a discernible pattern emerges: tribunals generally agree that the contours of FPS obligations during armed conflicts are modified and adjusted to reflect the host state's capabilities. Nevertheless, tribunals place significant emphasis on the nature of each armed conflict and evaluate each harm within the context of the factual circumstances prevailing at the time. The core decision hinges on balancing the availability of resources and the ability to provide greater protection on one hand, against the sufficiency of the actions actually undertaken on the other. Arbitrators naturally bring individual perspectives to this question, influenced by their backgrounds and interpretations of the clause. However, considering the *raison d'être* of investment treaties, the wording of the FPS clause, and its historical application, there is a tendency to resist radical changes to its scope. In other words, while armed conflicts inevitably affect the host state's capabilities, investments should, to the extent reasonably equitable, continue to benefit from the FPS clause, which guarantees their protection even during times of crisis.

Conclusion

The FPS clause is widely regarded as the most pertinent tool for ensuring due protection to investors during periods of armed conflict and civil unrest. A uniform understanding of this clause would provide investors with a clearer vision of what they can reasonably expect from the host state during such unstable times. It is evident from both case law and academic doctrine that the FPS obligation is one of conduct, limited to the exercise of due diligence. However, the exact standard of

due diligence continues to be a matter of debate and must be assessed on case by case basis.

From the analysis conducted in this article, it can be concluded that various circumstances affecting the host state at the time when damage occurs to investments play a significant role in evaluating the state's ability to provide due protection. The reasonable efforts made by the host state are assessed through the lens of what actions the state would reasonably be able to undertake given the circumstances. Armed conflicts, as one of the most destructive and destabilizing situations, alter the threshold for what can be considered the exercise of due diligence. Such conflicts not only reduce the state's capacity to respond to threats against investors but also impair its technical ability to prevent harm. Additionally, armed conflicts place states in an economically vulnerable position, often hindering their ability to provide adequate legal, financial, or physical security. As a result, even when a state acts in good faith, its ability to provide the same level of protection as it could during peaceful times is significantly diminished. Therefore, the presence of armed conflict broadens the range of acceptable state actions and lowers the expected threshold of due diligence required under the FPS clause. Nevertheless, the assessment must consider the purpose of BITs, particularly the FPS clause as a guiding path, which underscores the idea that protection during armed conflicts is an essential tool for ensuring stability and predictability for investors while fostering mutual investments based on equitable standards of protection. For that reason, while acknowledging the impact of armed conflicts and the scarcity of resources during such challenging times, prioritizing the protection of investments under these circumstances remains in priority.

REFERENCES

1. UNCTAD, International Investment Agreements Navigator <https://investmentpolicyhub.unctad.org/IIA/mapped> Content accessed 05 October 2024.
2. Energy Charter Treaty [ECT] Article 10(1)).
3. Treaty on the Eurasian Economic Union [EAEU] Annex 16 Article 76.
4. The North American Free Trade Agreement [NAFTA] Article 1105(1).
5. United States-Mexico-Canada Agreement [USMCA] Article 14.6 (1).
6. ECT Art 10; Thailand– Vietnam BIT (1991) Art 3(2); Japan– Turkey BIT (1992) Art 5.
7. Treaty on the Eurasian Economic Union [EAEU] Annex 16 Article 76.
8. Example of indifferent approach towards the wording in *Parkerings-Compagniet AS v. Republic of Lithuania*, ICSID Case No. ARB/05/8, Award, 11 September 2007, para 354. But see the discussion of the significance of the word 'full' in *Asian Agricultural Products Ltd. (AAPL) v. Republic of Sri Lanka*, ICSID Case No. ARB/87/3, Award, 27 June 1990 [AAPL v Sri Lanka], para 50; *Azurix Corp. v. The Argentine Republic (I)*, ICSID Case No. ARB/01/12, Award, 14 juillet 2006 [Azurix v Argentina], para 408; *Suez, Sociedad General de Aguas de Barcelona S.A., and InterAguaServiciosIntegralesdel Agua S.A. v. The Argentine Republic*, ICSID Case No. ARB/03/17, Decision on Liability, 30 July 2010 [Suez v Argentina], paras 162, 169.

9. Suez v Argentina, para 173; *Saluka Investments BV v. The Czech Republic*, PCA Case No. 2001-04, Partial Award, 17 March 2006 [*Saluka v Czech Republic*], paras 483–84; *BG Group Plc v. The Republic of Argentina*, Final Award, 24 décembre 2007, paras 324–26; *Rumeli Telekom v Kazakhstan* ICSID Case no ARB/ 05/ 16, Award, 29 July 2008, paras 662– 68; *Oxus Gold v Uzbekistan* UNCITRAL, Award, 17 December 2015 [*Oxus v Uzbekistan*], paras 830–32; *Bernhard von Pezold and Others v Zimbabwe* ICSID Case no ARB/ 10/ 15, Award, 28 July 2015 [*Pezold v Zimbabwe*], para 596.
10. AES Summit Generation Ltd v Republic of Hungary ICSID Case no ARB/ 07/ 22, Award, 2 September 2010, para 13.3.2; *CME Czech Republic BV v Czech Republic* UNCITRAL, Partial Award, 13 September 2001, paras 159–160, 613; *Lauder v Czech Republic* UNCITRAL, Final Award, 3 September 2001, para 314; *BiwaterGauff Ltd v United Republic of Tanzania* ICSID Case no ARB/ 05/ 22, Award, 24 July 2008 [*Biwater v Tanzania*], para 729.
11. *Azurix v Argentina*, para 407; *Jan de Nul v Egypt*, Award, 6 November 2008, para 269; *Suez v Argentina*, para 166; *Ulysseas v Ecuador*, Final Award, 12 June 2012, para 272; *Mamidoil Jetoil Greek Petroleum Products Societe Anonyme S.A. v. Republic of Albania*, ICSID Case No. ARB/11/24, Award, 30 march 2015 [*Mamidoil v Albania*], paras 819–820; *Opera Fund v Spain*, Award, 6 September 2019, para 576; *BayWa v Spain*, Decision on Jurisdiction, Liability and Directions on Quantum, 2 December 2019, para 529.
12. *Frontier Petroleum v Czech Republic*, Final Award, 12 November 2010, para 296.
13. *Krederi Ltd. v. Ukraine*, ICSID Case No. ARB/14/17, Award, 2 July 2018, para 650.
14. *Zrilic J.* (2019). *The Protection of Foreign Investment in Times of Armed Conflict*. Oxford University Press. [https://doi.org/10.1093/oso/9780198830375.001.0001\[Zrilic\]at 92–93](https://doi.org/10.1093/oso/9780198830375.001.0001[Zrilic]at 92–93).
15. *Wena Hotels Ltd v Arab Republic of Egypt* ICSID Case no ARB/ 98/ 4, Award, 8 December 2000, para 84.
16. *Amco Asia Corp and Others v The Republic of Indonesia* Award, 20 November 1984, 1 ICSID Rep 413; *Tatneft v Ukraine* UNCITRAL, Award, 29 July 2014, para 428; *Joseph Houben v Republic of Burundi* ICSID Case no ARB/ 13/ 17, Award, 20 May 2013, paras 167, 178; *Pezold v Zimbabwe*, paras 585, 597.
17. *TecnicasMedioambientalesTecmed SA v The United Mexican States* ICSID Case no ARB(AF)/ 00/ 2, Award, 29 May 2003, paras 175–77; *Copper Mesa Mining v Republic of Ecuador*, PCA no 2012- 2, Award, 15 March 2016, paras 6.80–84.
18. *Noble Ventures Inc v Romania* ICSID Case no ARB/ 01/ 11, Award, 12 October 2005, para 16.
19. *Eureka BV v Poland* Ad hoc Arbitration, Partial Award, 19 August 2005, para 236.
20. *American Manufacturing & Trading, Inc (AMT) v Republic of Zaire* ICSID Case no ARB/ 93/ 1, Award, 21 February 1997 [*AMT v Zaire*], para 6.08; *Pantechniki SA Contractors & Engineers v The Republic of Albania* ICSID Case no ARB/ 07/ 21, Award, 30 July 2009 [*Pantechniki v Albania*], para 82; *Ampal v Arab Republic of Egypt* ICSID Case no ARB/ 12/ 11, Decision on Liability and Heads of Loss, 21 February 2017 [*Ampal-American v Egypt*], para 240; *LESI SpA and ASTALDI SpA v People’s Democratic Republic of Algeria* ICSID Case no ARB/ 05/ 3, Award, 12 November 2008 [*Lesi v Algeria*], para 181.
21. *AAPL v Sri Lanka*, para 85(b).
22. *Strabag SE v. Libya*, ICSID Case No. ARB(AF)/15/1, Award, 29 June 2020 [*Starbag v Libya*]; *Tekfen-TML Joint Venture, Tekfen İnşaatveTesisat A.Ş. and TML İnşaat A.Ş. v. State of Libya*, ICC Case No. 21371/MCP/DDA, Final Award, 11 February 2020 [*Tekfen v*

- Libya*]; *Cengiz İnşaat Sanayive Ticaret A.S v. Libya*, ICC Case No. 21537/ZF/AYZ, Award, 7 November 2018.
23. *Lugzor and Others v Russian Federation* UNCITRAL, PCA Case no 2015–29; *PJSC Ukrnafta v Russian Federation* UNCITRAL, PCA Case no 2015-34; *Stabil LLC and Others v Russian Federation* UNCITRAL, PCA Case no 2015-35; *Everest Estate LLC et al v Russian Federation* UNCITRAL, PCA Case no 2015-36, Award, 2 May 2018; *NJSC Naftogaz of Ukraine et al v Russian Federation* UNCITRAL, PCA Case no 2017-16; *Oschadbank v. Russian Federation*, PCA Case No. 2016-14; *JSC DTEK Krymenergo v. Russian Federation*, PCA Case No. 2018-41.
 24. Kriebaum, U., Schreuer, C., & Dolzer, R. (2022). *Principles of International Investment Law* (3rd ed.). Oxford Academic at 231.
 25. Pisillo-Mazzeschi, R. (1992). The due diligence rule and the nature of the international responsibility of states. *German Yearbook of International Law*, 35, 9, 23–25; Zeitzler H. (2010). Full protection and security. In S. Schill (Ed.), *International investment law and comparable public law* (pp. 191). Oxford University Press; De Brabandere, E. (2015). Host states' due diligence obligations in international investment law. *Syracuse Journal of International Law and Commerce*, 42(2), 320, 333–334, 337; Dolzer, R., & Schreuer, C. (2012). *Principles of international investment law* (2nd ed.). Oxford University Press.
 26. *AAPL v Sri Lanka* para 85B; *AAPL v Sri Lanka*, Dissenting Opinion para 592; *Saluka v Czech Republic* paras 490, 505; *Biwater v Tanzania* para 721, 731.
 27. *Zhongshan Fucheng Industrial Investment Co. Ltd. v. Federal Republic of Nigeria*, Final Award, 26 March 2021, para. 128; *South American Silver Limited v. The Plurinational State of Bolivia*, PCA Case No. 2013-15, Award, 22 November 2018, para. 687; *Oxus v Uzbekistan*, para. 834; *Mamidoil v Albania*, para. 821.
 28. *Elettronica Sicula SPA (US v Italy)* (Merits) [1989] ICJ Rep 15, 65, para 108.
 29. *Suez v Argentina*, Separate Opinion of Pedro Nikken para 20.
 30. Gallus, N. (2005). The influence of the host state's level of development on international investment treaty standards of protection. *Journal of World Investment & Trade*, 6, 711; Kriebaum, U. (2011). The relevance of economic and political conditions for the protection under investment treaties. *Law and Practice of International Courts and Tribunals*, 10, 383. See also *AAPL v Sri Lanka*, para 77; *Mamidoil v Albania*, para 824; *Starbag v Libya*, paras 234–236, 344–345.
 31. *Tekfen v Libya* paras 7.7. 4–7.7.5.
 32. *Idem* para 7.7.104.
 33. *Idem* para 7.7.134.
 34. *Pantechniki SA Contractors & Engineers v The Republic of Albania* ICSID Case no ARB/07/21, Award, 30 July 2009.
 35. *LESI SpA and ASTALDI SpA v People's Democratic Republic of Algeria* ICSID Case no ARB/05/3, Award, 12 November 2008, para 181.
 36. *Ampal-American v Arab Republic of Egypt* ICSID Case no ARB/12/11, Decision on Liability and Heads of Loss, 21 February 2017.
 37. *Starbag SE v. Libya*, ICSID Case No. ARB(AF)/15/1, Award, 29 June 2020.
 38. *Idem* para 234.
 39. *Idem* paras 236, 344-345.
 40. *Asian Agricultural Products Ltd. (AAPL) v. Republic of Sri Lanka*, ICSID Case No. ARB/87/3, Award, 27 June 1990.

41. *Idem* para 86.
42. *AMT v Zaire* para 6.05-6.08.
43. *Idem* para 6.08.
44. *Ampal-American v Egypt* para 285.
45. *Pantehniki v Albania* para 77.

СТАНДАРТ ПОЛНОЙ ЗАЩИТЫ И БЕЗОПАСНОСТИ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ

М.А. Аршакаян

Российско-Армянский (Славянский) университет

arshakyan.mikayel@gmail.com

ORCID: 0009-0001-8631-9658

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется стандарт «полной защиты и безопасности» (“Full Protection and Security”, FPS), который широко используется в двусторонних и многосторонних инвестиционных договорах. Основное внимание уделяется влиянию вооружённых конфликтов на интерпретацию и применение этого стандарта. Анализируются ключевые вопросы, такие как пределы обязательств принимающего государства, их трансформация в условиях вооружённых конфликтов и взаимодействие между стандартом FPS и другими стандартами защиты инвесторов, включая «справедливое и равное отношение».

В статье исследуются прецедентная практика арбитражных трибуналов, включая дела, связанные с конфликтами в Ливии, Крыму, Шри-Ланке и других регионах, где из-за последствий вооружённых конфликтов вставал вопрос о соблюдении должной осмотрительности принимающего государства по защите инвестиций. Делается вывод, что вооружённые конфликты изменяют порог ожидаемой должной осмотрительности со стороны принимающих государств, но не освобождают их полностью от ответственности. Статья подчеркивает важность баланса между разумными ожиданиями инвесторов и объективными возможностями государства в условиях кризиса.

Данное исследование способствует формированию более унифицированного подхода к применению стандарта FPS, повышая предсказуемость и стабильность защиты инвестиций в условиях нестабильности.

Ключевые слова: полная защита и охрана, инвестиции, вооружённый конфликт, инвестиционные договоры, должная осмотрительность.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-4-123-132
УДК 378.1

Поступила: 29.10.2024г.
Сдана на рецензию: 07.11.2024г.
Подписана к печати: 30.11.2024г.

ИССЛЕДОВАНИЕ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ УЧЕБНО- ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ПЕРСОНАЛА ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.М. Сандоян¹, М.А. Восканян², И.К. Степанян³

*Российско-Армянский (Славянский) университет
edward.sandoyan@rau.am, mariam.voskanyan@rau.am, iveta.stepanyan@rau.am
ORCID¹: 0000-0002-2848-4946, ORCID²: 0000-0002-5417-6648;
ORCID³: 0009-0006-9737-2338*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены значение и роль административно-управленческого и учебно-вспомогательного состава в бесперебойной работе университетов. В рамках исследования была изучена работа административно-управленческого и учебно-методического состава Российско-Армянского университета. Было проведено исследование их рабочего времени, которое продолжалось в течение 6 месяцев путем фотографии рабочего времени. В результате проведенного исследования была предпринята попытка разработать мероприятия, которые повысят эффективность работы сотрудников университета.

Ключевые слова: фотография рабочего времени, высшие учебные заведения, административно-управленческий состав, учебно-вспомогательный состав, повышение эффективности.

Введение

В настоящее время невозможно представить эффективную, непрерывную и полноценную работу высших учебных заведений без административно-управленческого и учебно-вспомогательного персонала. Согласно Закону РА «О высшем и последипломном образовании», в высшем учебном заведении и организации, осуществляющей послевузовское профессиональное образование, определяются научно-педагогические (декан, заведующий кафедрой, профессор, доцент, старший преподаватель, преподаватель, ассистент) кадры, профессорско-преподавательский состав, научные работники, инженерно-технические, административно-хозяйственные, производственные, учебно-вспомогательный и другой персонал [1].

Мотивация сотрудников является ключевым фактором успеха любого учебного заведения, оказывая влияние на качество преподавания, научных исследований и обслуживания. Она также важна для удержания кадров, их удовлетворенности и общего благополучия. Однако оценить мотивацию персонала в сфере академического администрирования непросто. Это требует всестороннего и структурированного подхода, который учитывает различные аспекты, источники и последствия мотивации.

Управление персоналом в вузе предполагает не только выполнение стандартных кадровых функций, но и индивидуальный подход к каждому сотруднику. В.И. Маслов и другие исследователи подчеркивают, что стратегия управления персоналом должна быть согласована с индивидуализацией процесса управления человеческими ресурсами и обеспечением реализации стратегии, подразумевающей рост активности персонала, рост требований к квалификации персонала, высокий уровень лояльности персонала. [2]

Исследования Е.Ф. Коханова, М. Хучека, Е.В. Шекшни и других ученых в области ситуационного подхода позволили углубить понимание факторов, влияющих на эффективность труда. Этот подход предполагает детальный анализ таких показателей, как результаты работы, трудозатраты и сложность трудовых операций.

М.Е. Петросян [3] в учебном пособии «Экономика персонала» раскрывает методические вопросы формирования организационной структуры, расчета численности персонала, повышения производительности труда и совершенствования систем оплаты труда. Автор подчеркивает возрастающую роль рационального использования человеческих ресурсов в условиях становления рыночной экономики. Особое внимание уделяется решению методических проблем в области организации оплаты труда, разработки тарифных систем, поскольку в рыночных условиях формы и размеры оплаты определяются коллективными договорами без прямого государственного регулирования. В другой работе «Нормирование работы» М.Е. Петросян [4] детально рассматривает элементы рабочего процесса, виды затрат рабочего времени и методы их изучения.

Для исследования рабочего процесса широкое распространение получила фотография рабочего времени. Фотография рабочего времени – метод изучения рабочего времени с помощью наблюдения и измерения всех затрат на протяжении рабочего дня или отдельной его части, для сбора информации о деятельности и местонахождении сотрудников. В последнее время современные инструменты фотографии рабочего времени сотрудников продемонстрировали большой потенциал для комплексного анализа рабочей силы. Эти современные инструменты позволяют предприятиям оптимизировать производительность сотрудников, повысить их вовлеченность в процессе рабочего дня.

Она позволяет понять уровень использования и потерю рабочего времени. Возможно исследовать насколько эффективно каждый работник распределяет свое рабочее время по часам. С помощью этого можно предпринять меры для предотвращения потерь рабочего времени и минимизировать их. Благодаря этому, рабочее время будет более эффективной и с меньшими потерями. Также необходимо обратить внимание на то, выполняют ли сотрудники работу, которая не входит в их обязанности. Доказано, когда человек выполняет свою работу и его отвлекают коллеги, студенты, то сотруднику необходимо, как минимум, 30 минут, чтобы он сосредоточился и продолжил выполнять свою работу [5].

Фотография рабочего времени – это метод сбора данных для того, чтобы провести анализ и сделать выводы. С помощью фотографии разрабатываются затраты рабочего времени: подготовительно-заключительный, обслуживание рабочего места, время отдыха. Фотография рабочего времени проводится на всех предприятиях, для любой категории работников. Является одним из простейших методов изучения затрат рабочего времени. Можно выявить причины, почему работники не выполняют свою работу или же выполняют, но неэффективно [6].

Фотография рабочего времени позволяет:

- ✓ Фокусироваться на факторах, которые влияют на продуктивность и благоприятные условия труда, создать рабочую среду, где каждый сотрудник может достичь максимального потенциала, обеспечивая комфорт и поддержку.
- ✓ Выявить узкие места, т.е. понять какие факторы замедляют процесс работы каждого сотрудника.
- ✓ Правильно распределить ресурсы для эффективного функционирования, для этого необходимо анализировать потребности и возможности, чтобы выявить, как использовать бюджет, персонал, запасы и время для лучшего результата.
- ✓ Выявить способы для поддержания баланса между рабочим временем и временем отдыха, что очень важно для улучшения качества работы персонала.
- ✓ Определить эффективность выполнения задач и процессов, поставленных перед сотрудниками.

Фотография рабочего времени дает возможность выяснить уровень использования рабочего времени, определить потери рабочего времени и разработать мероприятия по их сокращению или устранению. С возможностью учета рабочего времени разрабатываются нормы труда: подготовительно-заключительные, содержания рабочего места, а также времени отдыха, которые широко используются при нормировании труда, изучении и распространении передового опыта.

Основная часть

С целью выбора правильной модели организации и мотивации труда административно-управленческого персонала в Российско-Армянском университете на протяжении 6 месяцев 2023–2024 учебного года были проведены исследования рабочего времени в основном с помощью метода фотографии рабочего времени. Фотография рабочего времени является широко применяемым методом исследования трудовых процессов. Она представляет собой наблюдение и измерение всех затрат рабочего времени в течение рабочего дня или его части с целью сбора информации о деятельности и местонахождении сотрудников. В последнее время современные инструменты фотографии рабочего времени демонстрируют значительный потенциал для комплексного анализа трудовых ресурсов, позволяя предприятиям оптимизировать производительность и вовлеченность персонала.

Исследуя структуру университета, мы разделили объекты исследования на 2 части: учебно-вспомогательный состав, обслуживающий институты университета, и административный персонал, обслуживающий университет в целом.

Более детально изучим работу учебно-вспомогательного персонала Институты РАУ.

По состоянию на 2023–2024 учебный год, в университете действовало 8 институтов, имеющих статус факультетов. Институты отличаются численностью студентов, профессорско-преподавательского состава, количеством образовательных программ, а также количеством сотрудников и кафедр.

В целом, на уровне институтов изучено рабочее время 67 сотрудников. При этом осуществлялось несколько методов фотографии рабочего времени: индивидуальная, групповая, с помощью моментных наблюдений и самофотография. Также были проведены анонимные опросы для выявления внутренних проблем, предложений и жалоб сотрудников.

На момент проведения исследования в вузе были четко определены только начало и окончание рабочего времени, а также продолжительность обеденного перерыва, который составляет 9:00–17:30 и 30-минутный перерыв. Кроме того, у сотрудников не было четко определенного начала перерыва, что затрудняло планирование рабочего времени.

Определенных норм работы ассистентов вуза: подготовительно-выпускной, содержания рабочего места, а также времени для отдыха и удовлетворения личных потребностей не было, мы попытались их рассчитать.

Поскольку для разработки нормативов отбираются сотрудники с производительностью выше среднего, мы выделяли таких сотрудников на основе ежедневного анализа и оценки руководителей подразделений. В результате мы получили следующие нормы работы:

- ✓ подготовительно-заключительное время – 10 минут;

- ✓ при обслуживании рабочего места – 4% оперативного времени;
- ✓ во время отдыха и удовлетворения личных потребностей – 8% оперативного времени.

После определения этих нормативных данных мы произвели расчет продолжительности рабочего времени, составили фактический и нормативный баланс рабочего времени по каждому работнику, а также рассчитали и оценили коэффициенты использования рабочего времени, дисциплинарных нарушений и времени, потерянного по техническим причинам. Причины, и, главное, рассчитал возможный и максимальный рост производительности труда в процентах.

Нормативный баланс составлен для всех работников. Приведем основные формулы, с помощью которых нам следует рассчитать и составить фактический баланс рабочего времени каждого сотрудника. Поскольку время обслуживания рабочего места и удовлетворения личных нужд зависит от оперативного времени и исчисляется в процентах, то нормативное оперативное время будем рассчитывать по следующей формуле.

$$T_{\text{оп(н)}} = \frac{T_{\text{см}} - T_{\text{пз(н)}}}{1 + \frac{K}{100}}$$

$T_{\text{оп(н)}}$ – нормативное оперативное время (мин.);

$T_{\text{см}}$ – продолжительность смены (мин.);

$T_{\text{пз(н)}}$ – нормативная величина подготовительно-заключительного времени (мин.);

K – сумма нормативов обслуживания рабочего места и отдыха на личные надобности, в процентах, по отношению к оперативному времени.

Затем мы рассчитываем нормативные ОБС и ОТЛ на основе нормативного ОП. На следующем этапе необходимо рассчитать три основных коэффициента.

1. Коэффициент использования рабочего времени:

$$K_{\text{и}} = \frac{T_{\text{пз}} + T_{\text{обс}} + T_{\text{оп}} + T_{\text{отл(н)}}}{T_{\text{см}}}$$

$K_{\text{и}}$ – коэффициент использования рабочего времени;

$T_{\text{см}}$ – продолжительность смены (мин.);

$T_{\text{пз}}$ – подготовительно-заключительный период времени (мин.);

$T_{\text{обс}}$ – время обслуживания рабочего места (мин.);

$T_{\text{оп}}$ – оперативное время (мин.);

$T_{\text{отл(н)}}$ – нормативное время отдыха и на личные надобности, рассчитанное по отношению к фактическому времени работы (мин.).

2. Коэффициент потерь времени организационно-технического характера:

$$K_{\text{пнт}} = \frac{T_{\text{пнт}}}{T_{\text{см}}}$$

$K_{\text{пнт}}$ – коэффициент потерь организационно-технического характера;
 $T_{\text{пнт}}$ – продолжительность потерь рабочего времени в связи с техническими нарушениями (мин.).

3. Коэффициент потерь времени связанные с нарушение трудовой дисциплины:

$$K_{\text{нтд}} = \frac{T_{\text{нтд}} + (T_{\text{отл(ф)}} - T_{\text{отл(н)}})}{T_{\text{см}}}$$

$K_{\text{нтд}}$ – коэффициент потерь связанные с нарушение трудовой дисциплины;

$T_{\text{нтд}}$ – продолжительность перерывов, связанные с нарушением трудовой дисциплины (мин.);

$T_{\text{отл(ф)}}$ – фактическое количество времени отдыха на личные надобности;

$T_{\text{отл(н)}}$ – нормативное время отдыха и на личные надобности, рассчитанное по отношению к фактическому времени работы (мин.).

Для того, чтобы проверить расчеты необходимо сложить все полученные коэффициенты, их сумма должна равняться единице.

$$K_{\text{и}} + K_{\text{нтд}} + K_{\text{пнт}} = 1$$

На основе этих данных можно рассчитать возможное повышение производительности труда за счет сокращения или устранения потерь рабочего времени:

$$P_{\text{пт}} = \frac{[T_{\text{пнт}} + T_{\text{нтд}} + (T_{\text{отл(ф)}} - T_{\text{отл(н)}})] \cdot K_{\text{с}}}{T_{\text{оп}}} \cdot 100$$

$P_{\text{пт}}$ – возможное повышение производительности труда;

$K_{\text{с}}$ – коэффициент снижения прямых потерь (равен 0.85).

Максимальный прирост производительности труда рассчитывается за счет устранения всех потерь:

$$P_{\text{т}} = \frac{T_{\text{оп(н)}} - T_{\text{оп(ф)}}}{T_{\text{оп(ф)}}} \cdot 100$$

$T_{\text{оп(н)}}$ – нормативное оперативное время (мин.);

$T_{\text{оп(ф)}}$ – фактическое оперативное время (мин.) [7].

По выше представленным формулам проведены расчеты каждого сотрудника.

Приведем результаты исследования рабочего времени одного из сотрудников и расчета основных показателей.

Индексы затрат рабочего времени	Баланс, мин.		Затрат раб. времени подлежащий сокращения
	Фактический	Нормативный	
ПЗ	15	10	5
ОП	350	420	(70)
ОБС	10	17	-7
ОТЛ	40	33	7
НТД	60	–	60
ПНТ	5	–	5
Итого	480	480	70

$$T_{\text{оп(н)}} = \frac{480 - 10}{1 + \frac{12}{100}} = 420 \text{ мин.}$$

$$T_{\text{обс(н)}} = \frac{420 \cdot 4}{100} = 17 \text{ мин.}$$

$$T_{\text{отл(н)}} = \frac{420 \cdot 8}{100} = 33 \text{ мин.}$$

$$K_{\text{и}} = \frac{15 + 10 + 350 + 28}{480} = 0,83$$

$$T_{\text{отл(н)}} = \frac{350 \cdot 8}{100} = 28 \text{ мин.}$$

$$K_{\text{пнт}} = \frac{5}{480} = 0,01$$

$$K_{\text{нтд}} = \frac{60 + (40 - 28)}{480} = 0,15$$

$$П_{\text{пт}} = \frac{[5 + 60 + (40 - 28)] \cdot 0,85}{350} \cdot 100 = 18,7\%$$

$$П_{\text{т}} = \frac{420 - 350}{350} \cdot 100 = 20\%$$

Как видим, коэффициент использования рабочего времени исследуемого работника равен 0,9, а возможный прирост производительности при сокращении прямых затрат на 85% составит 18,7%, максимальный прирост производительности составит 20%.

Подведем итоги и представим средние показатели возможного и максимального роста производительности труда учебно-вспомогательного персонала по Институтам РАУ.

Таблица 2. Средние показатели возможного и максимального роста производительности по институтам, в процентах.

	Название института	Процент возможного роста производительности труда	Процент максимального роста производительности труда
1	Институт математики и информатики	8	9,7
2	Инженерно-физический институт	8,6	9,7
3	Институт биомедицины и фармации	7,5	10,4
4	Институт экономики и финансов	14,06	17
5	Институт права и политики	11,34	16,75
6	Институт гуманитарных наук	7,5	9,5
7	Институт медиа, рекламы и кино	6,6	7,7
8	Институт востоковедения	6,3	7,7
9	Среднее по институтам	8,7	11

Исследование показало, что одним из ключевых факторов, влияющих на производительность труда, является эффективность использования рабочего времени. Полученные данные свидетельствуют о том, что оптимизация временных затрат может привести к увеличению производительности труда максимум на 11%, а возможный рост при исключении прямых потерь составляет 8,7%.

Анализ причин, сдерживающих рост производительности, выявил, что значительная часть резервов связана с несоблюдением трудовой дисциплины. Так, опоздания, ранние уходы и превышение установленной продолжительности обеденного перерыва оказывают негативное влияние на эффективность работы. Вместе с тем, исследование зафиксировало случаи, когда сотрудники добровольно задерживаются на рабочем месте для выполнения своих задач.

Заключение

Анализируя результаты исследования рабочего времени сотрудников административно-управленческого и образовательного обеспечения по всему университету и анонимного опроса сотрудников, мы разработали перечень рекомендаций, которые помогут вузу повысить мотивацию труда сотрудников, создадут сильные основы корпоративной культуры, позволят снизить текучесть кадров и стимулировать высокопроизводительных сотрудников.

- Развивать корпоративную культуру. Организовать корпоративные мероприятия, спортивные мероприятия.
- Внедрить социальный пакет и полную систему медицинского страхования сотрудников.

Действующая в университете система медицинского страхования имеет некоторые ограничения, так как университет сотрудничает с одной клиникой, и сотрудники могут проходить обследования, предлагаемые этой клиникой. Следует отметить, что в клинике нет лаборатории. Таким образом, существующие предложения ограничены, а сотрудники не получают полного медицинского обслуживания. Также стоит изучать возможность включения в социальный пакет дополнительных льгот – таких, как фитнес-программы, обучение и развитие.

- Обновлять и дополнять должностные инструкции всех должностей, адаптировать их к текущей ситуации и контролировать правильность их выполнения;
- Ввести систему дополнительного вознаграждения за труд административно-управленческого и учебно-вспомогательного персонала.

Внедрение системы дополнительного вознаграждения даст возможность обеспечить конкурентоспособный уровень оплаты труда, что снизит уровень текучести кадров, позволит привлечь знающих и высококвалифицированных кадров. Это будет мотивировать сотрудников, создавать конкурентную среду, что, в свою очередь, повысит эффективность и качество работы.

Для организации дополнительного вознаграждения рекомендуется ввести показатели оценки эффективности (KPI). Мы определили количественные показатели для ассистентов, работающих в вузах, которые будут давать 50% оценки, а остальные 50% оценки будут формироваться за счет оценки других кафедр и непосредственного руководителя.

Показатели оценки эффективности работы в основном имеют 4 критерия: объем работы, качество, сложность и время выполнения.

Поскольку работа ассистентов в вузе по большей части многогранна, часто встречаются разовые задачи, количество и сложность которых сложно контролировать, из приведенных выше 4 критериев примем за ключевой объем работы. И количественный показатель, и качество, сложность и сроки выполнения будут оцениваться непосредственным руководителем работника и другими подразделениями, связанными с работником.

Помимо объема работы, необходимо учитывать такие качественные показатели, как:

- ✓ Своевременность выполнения заданий.
- ✓ Качество выполненных работ (отсутствие ошибок, соответствие стандартам).
- ✓ Вклад в развитие кафедры или факультета.

✓ Уровень удовлетворенности студентов и коллег.

Внедрение предложенных рекомендаций позволит создать в университете благоприятную рабочую атмосферу, повысить мотивацию сотрудников и, как следствие, улучшить качество образовательных услуг. Однако, важно помнить, что система мотивации должна быть динамичной и адаптироваться к изменяющимся условиям. Регулярная оценка эффективности системы и внесение необходимых корректировок позволят достичь наилучших результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Республики Армения о высшем и послевузовском профессиональном образовании, принят 14 декабря 2004 года, статья 19: URL: http://hesc.am/files/НО_62_N_High_Postgr_Edu_ru.pdf
2. Маслов В.И. Стратегическое управление персоналом в условиях эффективной организационной культуры. М.: Изд-во «Финпресс», 2004. С. 288. URL: <https://www.directmedia.ru/book-99170-strategicheskoe-upravlenie-personalom-v-usloviyakh/>
3. Петросян М.Е. Экономика персонала. Ер., 2018. URL: <https://library.asue.am/open/5863.pdf>
4. Петросян М.Е. Нормирование труда. Ер., 2007.
5. Могилян Г.И. Фотография рабочего времени (фрв) // «Вологдинские чтения», 2007. № 62. СС. 113–114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fotografiya-rabochego-vremeni-frv>
6. Петросян М.Е. Нормирование труда. Ер., 2007.
7. Там же.

RESEARCH ON WORKING HOURS OF EDUCATIONAL AND SUPPORT STAFF AT THE RUSSIAN-ARMENIAN UNIVERSITY

E. Sandoyan, M. Voskanyan, I. Stepanyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

edward.sandoyan@rau.am, mariam.voskanyan@rau.am, iveta.stepanyan@rau.am
ORCID: 0000-0002-2848-4946, ORCID: 0000-0002-5417-6648; ORCID: 0009-0006-9737-2338

ABSTRACT

This article highlights the significance and role of administrative, managerial, and educational support staff in ensuring the smooth operation of a university. The study focused on examining the working hours of these staff members at the Russian-Armenian University. Over six months, a time-tracking study was conducted by recording their working hours. Based on the findings, measures were proposed to improve the efficiency of university staff.

Keywords: time-tracking study, higher education institutions, administrative staff, managerial staff, educational support staff, efficiency improvement.

DOI 10.24412/1829-0450-2024-4-133-142
УДК 373:811.111

Поступила: 03.11.2024г.
Сдана на рецензию: 26.11.2024г.
Подписана к печати: 20.01.2025г.

TEACHER'S ROLE IN IMPLEMENTING INTEGRATED CURRICULUM

A. Gabrielyan

*Brusov State University
anna.gabrielyan1999@gmail.com
ORCID: 0009-0004-8245-7385*

ABSTRACT

This article explores the role of teachers in implementing an integrated curriculum, particularly in the context of foreign language education. It defines the integrated curriculum approaches, the interdisciplinary connections through various subject areas. We emphasize the characteristics of the integrated curriculum. We dwell on how interdisciplinary curriculum benefits the students based on the holistic nature of the social life surrounding the students. This happens through allowing curriculum mirror social life. The teacher as the key figure of the learning and teaching process. It emphasizes that the teacher's role is central to the success of this approach, as they must plan, execute, assess lessons and blend subjects into cohesive learning experiences. This also stresses the importance of the teacher being flexible, collaborating with interested parties and overall the essence of the teacher's role. Practical examples are provided, such as using project-based learning and collaborative group work to integrate subjects like English, economics, and history. Through this we are able to cultivate lifelong learning and the development of well-rounded, informed individuals.

Key words: Integrated curriculum, interdisciplinary teaching, foreign language education, teacher's role, holistic learning.

Introduction: In the fast-paced changing world the educational process is once again facing the ever-present need to prepare the students for the upcoming shift in the society and arm them with the means to deal with them. Education is perhaps the one and up to this point the only consistent way to preparing not just a selected group of people but basically the entire society. Thus, with time we are not just growing to include as many people as possible but also making the content of education more real life suited. This continuously has been the main problem of education: to show the connection of taught content to real life where everything is to be implemented. This very statement in our opinion is proving the relevance of our research topic. As everything in daily life is interconnected and usually takes not just making connections between different concepts critically and creatively, it also relies on cooperation between different groups of people we firmly believe that

integrated curriculum can be considered as an option to organize teaching and learning practices. The teaching process is the responsibility and the main act of the teacher who guides and supervises the entire process. To put it another way the teachers' role in this cannot be overlooked while implementing the integrated curriculum. *The goal of the article* is to examine teacher's role in implementing integrated curriculum more specifically in foreign language teaching.

The objectives of the article are:

- to identify the characteristics of integrated curriculum,
- to point out teacher's role in modern education,
- to observe the necessary steps of implementing the integrated curriculum.

The theoretical significance of the article lies in its exploration of integrated curricula, highlighting the role of teachers in modern education and offering a practical framework for holistic learning.

The current *scientific development level* of integrated curriculum in Armenian educational background is relatively new as the first attempts are recognized in newly defined in "New Standards" for foreign language learning. They set a goal of language learning and incorporate interdisciplinary connections across subjects. However, it has a long standing history starting from John Dewey, later on being promoted by his student William Kilpatrick, J.W. Wrightstone, Ralph Tyler and others. With a number of differences, they all make the point of interdisciplinary, subject-real social life connections and their importance on progressive education.

The *methodological foundations* for the article are as follows:

- *Literature Review:* The research utilizes historical and contemporary literature on integrated curriculum, focusing on theorists like John Dewey, Jerome Bruner, and Lawrence Stenhouse to understand its evolution. We also incorporate a system approach to examine integrated lessons and teacher's role in it holistically. We need to look at the curriculum, teacher roles, student engagement, external factors holistically to figure the outcomes that we expect at the end of the educational process.

- *Theoretical Framework:* It categorizes integrated curriculum into multidisciplinary, interdisciplinary, and transdisciplinary approaches, aiding in comprehending varying levels of integration. The article dwells on the very concept of integration, the teacher's role in it and the peculiarities of integration in foreign language teaching classroom showcasing its descriptive analysis, practical recommendations and critical reflection. It synthesizes educational perspectives on the teacher's role, highlighting the importance of collaboration among teachers, students, and parents.

Main part: While integrated curriculum is relatively new to the teaching practice, it is not new to education. The traditional approach to education sets certain boundaries where every subject is approached separately. Yet continuously a number of educational professionals voiced the need to review this as the separation of

the subjects contradicts the representation of the interconnection of different aspects of the everyday social life. One of the first proponents for integrated curriculum was John Dewey, in his book "*Experience and Education*" in 1938. In this, he referred to subjects in schools as disconnected "water-tight" compartments. In the 1960s, others followed: such as Bruner in the USA (Man as a Course of Study, MACOS project) and Stenhouse in the UK (Humanities Curriculum Project, HCP) who also believed that knowledge should not be soloed. Many nomenclatures are often used for integrated curriculum approaches and are often classified into three broad categories – multidisciplinary, interdisciplinary, and transdisciplinary which vary in levels of integration [1].

However, the vital need of understanding the integrated curriculum remains. As a whole, an integrated curriculum allows children to pursue learning in a holistic way, without the restrictions often imposed by subject boundaries. In early childhood programs it focuses upon the inter-relatedness of all curricular areas in helping children acquire basic learning tools. It recognizes that the curriculum for the primary grades includes reading, writing, listening, speaking, literature, drama, social studies, math, science, health, physical education, music, and visual arts. The integrated curriculum also incorporates investigative processes and technology. It emphasizes the importance of maintaining partnerships with families; having knowledge of children and how they learn; and building upon the community and cultural context. Integration acknowledges and builds on the relationships which exist among all things. An integrated curriculum implies learning that is synthesized across traditional subject areas and learning experiences that are designed to be mutually reinforcing. This approach develops the child's ability to transfer their learning to other settings [2].

Three ways to integrate the curriculum can be through:

- themes
- projects
- individual and small group studies [3].

At the same time, the National Herbart Society in 1895 considered integration as a possible solution to three problems:

- What is worth knowing, given the huge increase in available knowledge?
- What is important to be able to do, given a huge increase in the number of students needing education to be productive in the workplace?
- How can schools teach moral character if teachers cannot relate curriculum to the real world? [4]

It can be inferred that perhaps the most important feature of integration is the nature of its relationship with subjects and disciplines. It is sometimes assumed that integration is an either/or matter, an alternative to or substitute for subject teaching. This implies that the two stand in a polarized relationship and are to be thought of as opposites. Such a view is quite mistaken for at least two reasons. In the first place

integration and differentiation are not opposites but correlatives, that is the meaning of the one is partly dependent upon its association with the other. The notions, therefore, are complementary and not contradictory. And secondly, both analysis and synthesis are integral to the processes of learning and thinking. The one cannot really be employed without the other. The confusion arising from the relationship between integrated teaching and subject teaching is causing further complication. While integration and differentiation are correlative, integration and subjects are not. Integration is a process; subjects are a product. Integrated teaching and subject teaching are not different but represent two stages of the same process. Subject teaching is a form of integrated teaching. To teach a subject is to teach an integrated cognitive structure [5].

An integrated, collaborative approach to teaching is new for some students, parents, and teachers, but it offers a rich learning experience when properly implemented. However, it is noteworthy that to ensure the successful implementation of integrated curriculum the cooperation of students, parents and teachers is essential as they all three together make up the entire learning process of a student. Teachers can start by working together and engaging children in hands-on learning through methods like activity-based mathematics, cooperative learning, workshops, and multi-age groupings. Teachers also need to communicate with parents by holding meetings, sharing resources, and providing insights into what's happening in the classroom [6].

However, integrated curriculum is a broad and tricky concept. As a teaching approach that promotes student-centered ideology, democracy in the classroom, collaboration, inquiry-based learning, it brings us to the issue of classroom management. We believe that one key way to do that is through detailed planning. Considering the free environment that integrated curriculum is supposed to create, planning will not always be the "guiding map" for the teaching and learning process, but it sets the foundation. The key to success lies in careful planning as it prepares what lies ahead for the teacher and the students as well. During planning, the teacher makes the decisions about goals, activities, resources, timing, grouping and other aspects of lesson. The following elements can be included in the lesson plan:

- descriptions of the class,
- recent work,
- objective,
- contents (context, activity and class organization, aids, language, possible problems),
- additional possibilities [7].

The teacher should develop a long-term plan that balances state standards, the goals of the program, and the children's as well as their own interests. Regularly assessing students' progress is essential, and a good starting point might be a brainstorming session where the class discusses topics they find exciting. This process

not only engages students but also helps the teacher create a learning environment that is meaningful for everyone [8].

Integrated curriculum can allow the teacher at different periods of teaching weave different themes into broader themes and real-world applications. By showing enthusiasm for learning and participating in the process, teachers inspire their students to do the same.

The teacher's role is not just to teach but to create a supportive and dynamic space where both teacher and students can explore, learn, and grow together.

This brings us to notice that the curriculum used in the classroom cannot overlook teachers' role. Teachers are not only the one's to set goals for the teaching process, they are also the one's responsible for forming a complete curriculum, implementing it, executing it and then assessing its efficiency to start the circle all over again appropriating it to the topic.

The end-goal of education from the perspective of a teacher is to insure providing the students with the necessary knowledge, skills, competences that would be essential to the student for the self-realization in real-life circumstances. We view integrated lessons as a form of accountability from teacher to organize the learning of the student.

The key factor for student success is a coherent curriculum. A coherent curriculum means that for teachers and students, the learning goals, activities, and assessments align with each other. Alignment prepares students for both standardized tests and performance demonstrations.

For many teachers, the strength of interdisciplinary curriculum is that teachers can set it in a context that is relevant to students and fits their needs.

Through the integrated lessons the teachers:

- ensure relevancy
- ensure rigor
- ensure that no student is left behind
- prepare the students to the next level of education.

In an overstuffed curriculum, teachers are looking for ways to make curriculum meaningful as knowledge must have a context if it is meaningful. Without meaning, students turn off. Integrating the curriculum in a real-life context makes it easier to see how school knowledge may be useful. Students learn by making connections; the more connections they can make, the more they learn. One of the greatest rewards of interdisciplinary work comes when teachers do it collaboratively. Collaboration leads to an energized teaching force [9].

A teacher's work is thinking practice: involving essentially demanding, knowledge-intensive work requiring academic expertise and social skills. Teaching requires systematic and persistent planning from curriculum design to detailed lesson implementation in close encounters with students. The task is to support student learning both in the individual and social classroom contexts. Teachers' aim is to

educate independent, responsible and knowledgeable citizens by using pedagogical methods relevant for their students. Teaching involves continuous problem-solving and decision-making in multiple and continuously changing interactional situations.

Teaching is extremely responsible and independent, even autonomous in many contexts, and it requires ethical professional action and integrity both in school communities and their surrounding societies. Working in the middle of continuous rapid changes, incompleteness, uncertainties and imperfections are always part of teaching, but nowadays these teaching characteristics are changing. The traditional ways of working as teachers are being challenged, and teachers face new professional demands, such as creating new ways to effectively teach, learn, and assess in formal and informal educational contexts, implementing new curricula, and promoting learning focused participatory pedagogies and digitalization.

This brings us to the concepts of teacher's flexibility. The autonomous role of modern teachers allows them to "art-craft" their lessons to serve the objectives and goals of the lesson as much as possible. This can be achieved through the flexibility. Currently teachers have a variety of techniques, methods and approaches at their disposal to meet the learning goal. This flexible approach, often seen in highly skilled teachers, is like "weaving" together different strategies to help students learn effectively. [10] For example, teachers can use project-based learning or collaborative groups on different topics. The teacher is not limited. He/she can use blended learning to get benefits both from traditional methodology, interactive methods or digital technologies. Teachers can use flipped classrooms some part of theory learning to home and activities assigned to the students can be cross-cultural.

Project-Based Learning Example (Theme: Local Business)

- **Subjects Integrated:** English, Economics, and Art

- **Practical Example:** Students design their own small business model. In English, they create marketing materials (brochures, websites). Through social studies, they can develop a business plan implementing math to make calculation. They can integrate art to make logos and advertisements. The final project could involve a presentation to the class, where they "pitch" their business idea.

- **Teacher's Role:** The teacher organizes collaboration across the subjects, supporting students as they blend creativity, writing, and financial understanding.

Collaborative Group Work Example (Theme: Global Issues)

- **Subjects Integrated:** English, History.

- **Practical Example:** In small groups, students choose any historical period and an issue present at that time that interests them (from their history classes). In English, they write and present a speech on the issue such as why it arose, what

were the conditions, what could have been done. In History, they research significant movements or events related to the issue. They may discuss the moral implications of issue.

• **Teacher's Role:** The teacher facilitates group collaboration, encouraging students to apply historical knowledge to modern ethical dilemmas while enhancing public speaking and presentation skills in English.

According to the new standards of RA The purpose of teaching foreign languages is to educate a person who knows different languages, who is able to communicate and act in the modern multilingual and multicultural world independently. The purpose relates not only to the student but also to the responsible, governing educational institution and teachers. The teacher's role in language teaching is defined by it. In the practical sense the teacher needs to take some practical steps to deliver a lesson. We can set that the teacher's basic actions in the classroom include understanding the capability of each learner, planning lessons (choosing topics, materials, appropriate activities, approaches, techniques), executing the lesson, evaluating, giving feedback.

9th grade English copybook by G. Gasparyan, N. Hovhannisyanyan, H. Kachberuny has a topic "Future Career". Here are some possible integration suggestions.

1. Foreign Language

Students write short essays or reports on career they are interested in, using simple vocabulary and grammar to describe job roles, required skills, and personal motivations. They learn career related vocabulary. In case of possibility they conduct interviews with teachers, family members or others asking them about their jobs.

2. Social Studies

Students explore how different careers are connected to the society, different cultures and what is their role

3. Mathematics

Students take different jobs and their possible salaries. They use basic math to count and compare the salaries of different careers. Students can create graphs or charts. Students create simple budgets count taxes, consider lifestyle choices.

4. Science

Students explore career in science, technology, engineering, environmental science and mathematics. They discuss various careers, the skills needed and the impact of technology on these fields.

5. Art and Design

Students create visual portfolios that show different careers, including drawings, images, sculptures or even needlework that represent the skills and tools used in those professions. Singing and dancing are also options. They can consider

graphic designing as well. They can create projects and discuss how their hobbies can be turned into a career.

6. Physical Education

Students identify careers related to health and fitness, such as sports medicine, coaching, or nutrition. Discuss the importance of physical health in various professions. Team workouts can be organized.

7. Information Technology

Students use online resources to find out about various careers. Students can create simple presentations or posters. They speak how important technologies are for different careers and what is their role in market.

While conducting this research teacher takes more of a “passive role” of a guide facilitating the process.

As stated above, we consider integrated lessons a way to achieve not only a more communicative foreign language teaching, but also more than knowledge based education. This claim is based on several demands. For example, New standards of foreign language teaching of RA (2020) state that the goal of foreign language teaching is to develop an individual who is capable of communicating and realizing in the modern multilingual and multicultural world [11]. One proposition that is also provided is from OECD Learning Framework 2030. It offers a vision of helping every student develop as a whole person, fulfil his or her potential and help shape a shared future built on the well-being of individuals, communities and the planet [12]. While CEFR in an action oriented-approach represents the student as a “social agent” acting in a social world. CEFR aims to use foreign language teaching to facilitate. quality in language education and promoting a Europe of open-minded plurilingual citizens [13].

To provide insight to the article, we need to recognize the importance of teacher’s central work in implementing integrated lessons to the curriculum. As separate elements we have students, teachers, the curriculum and integrates lessons. While the article presents them separately it is essential to realize that they realize themselves holistically as one to function. Teachers take the central role in making and implementing the curriculum for the students learning practice through the integrated lessons. Thus, we can better understand the interplay between the teacher’s efforts, student outcomes, and curriculum design in achieving educational objectives.

Conclusion: The implementation of an integrated curriculum in modern education, especially within the context of foreign language teaching, offers a dynamic and holistic approach to student learning. By breaking away from traditional subject boundaries, this method encourages connections between disciplines, fostering critical thinking, creativity, and real-world problem-solving skills. The teacher’s role is pivotal in this process, as they must not only design, plan, and facilitate interdisciplinary lessons but also act as guides and mentors in an increasingly complex and

interconnected educational landscape. Despite its potential, successful implementation requires careful planning, collaboration among educators, students, and parents, and overcoming practical challenges such as resource availability and institutional resistance. As Armenia's educational system continues to adopt and integrate these approaches, the development of teacher training and support systems will be essential in ensuring that both teachers and students benefit fully from this progressive educational model. Ultimately, integrated curricula prepare students for real-life applications, equipping them with the skills necessary to thrive in a rapidly changing world.

REFERENCES

1. *Terri B.* Integrated Curriculum Approaches to Teaching in Initial Teacher / Australian Journal of Teacher Education, 2022. P. 38.
2. *Kelly M.* The Primary Program: Growing and Learning in the Heartland/ Nebraska State Dept. of Education,; Nebraska, 2001. PP. 554–559.
3. The same. PP. 553.
4. *Susan M. Drake., Rebecca. C. Burns.* Meeting Standards Through Integrated Curriculum / Virginia USA: Association for Supervision and Curriculum Development. 2004. P. 19 (the same as 7).
5. *Ingram J. B.* Curriculum Integration and Lifelong Education / UNE5CO Institute for Education, 1979. PP. 24–25.
6. *Kelly M.* The Primary Program: Growing and Learning in the Heartland/ Nebraska State Dept. of Education,; Nebraska, 2001. PP. 556–557.
7. *Jack C. Richards, Willy A. Renandya.* Methodology of Language Teaching / Cambridge: Cambridge University Press, 2002. PP. 37–38.
8. *Susan M. Drake., Rebecca. C. Burns.* Meeting Standards Through Integrated Curriculum / Virginia USA: Association for Supervision and Curriculum Development. 2004. P.
9. *Terri B.* Integrated Curriculum Approaches to Teaching in Initial Teacher / Australian Journal of Teacher Education, 2022. P. 38.
10. *Hannele N., Auli. T., Jari L.* The Teacher's Role in the Changing Globalizing World / Brill Sense: Boston, 2018. PP. 2–22.
11. ԿԳՄՄՆ, ՀՀ կրթության բարելավման ծրագրի օտար լեզուներ ուսումնական բնագավառի հանրակրթության առարկայական չափորոշչային վերջնադրյունքները և օրինակելի ծրագրերը (անգլերեն, գերմաներեն, ռուսերեն, ֆրանսերեն)/ Եր., 2020: էջ 4:
12. OECD. The Future of Education and Skills Education 2030: The Future We Want. OECD, 2018. P. 3.
13. Council of Europe. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment/ Strasbourg: Cambridge University Press, 2001. PP. 1–3.

РОЛЬ УЧИТЕЛЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРИРОВАННОГО УЧЕБНОГО ПЛАНА

А.С. Габриелян

Государственный университет им. В.Я. Брюсова

anna.gabrielyan1999@gmail.com

ORCID: 0009-0004-8245-7385

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается роль учителей в реализации интегрированного учебного плана, особенно в контексте обучения иностранным языкам. Определяются подходы к интегрированному учебному плану, а также междисциплинарные связи между различными предметными областями. Мы подчеркиваем характеристики интегрированного учебного плана и обсуждаем, как междисциплинарный учебный план приносит пользу учащимся, основываясь на целостной природе социальной жизни, окружающей студентов. Это достигается за счет того, что учебный план отражает социальную жизнь. Учитель является ключевым фактором процесса обучения. Подчеркивается, что роль учителя является центральной для успеха данного подхода, поскольку он должен планировать, осуществлять и оценивать уроки, а также объединять предметы в целостные образовательные опыты. Это также акцентирует важность гибкости учителя, сотрудничества с заинтересованными сторонами и общей сущности роли учителя. Приводятся практические примеры, такие как использование обучения на основе проектов и совместной групповой работы для интеграции таких предметов, как английский язык, экономика и история. Это позволяет нам развивать навыки непрерывного обучения и формирование всесторонне развитых, информированных личностей.

Ключевые слова: интегрированный учебный план, междисциплинарное обучение, обучение иностранным языкам, роль учителя, целостное обучение.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.24412/1829-0450-2024-4-143-158
УДК 82.0

Поступила: 01.11.2024г.
Сдана на рецензию: 02.11.2024г.
Подписана к печати: 03.12.2024г.

ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ И АРХЕТИП «БЛУДНЫЙ СЫН» В РОМАНАХ ДИНЫ РУБИНОЙ

Р.А. Саркисян

*Ереванский Северный университет
s.ruzanna@hotmail.com
ORCID: 0009-0009-4537-8879*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена особенностям интерпретации притчи о блудном сыне и архетипа «блудный сын» в романах Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы» и в трилогиях «Русская канарейка» и «Наполеонов обзор».

Начавшийся в 20 веке процесс ремифологизации литературы привел к тому, что в современных литературных произведениях широко используются архетипические структуры и образы для создания многослойных и символически насыщенных текстов, по-новому интерпретирующих хрестоматийные общекультурные модели. К ним относятся и библейские (ветхозаветные, новозаветные и апокалиптические) образы и схемы, которые в современной художественной литературе могут отходить от традиционной трактовки образов и смыслов.

Поставив задачу исследовать особенности реализации притчи о блудном сыне и ее ключевых образов в романах Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы», «Русская канарейка» и «Наполеонов обзор» и применив метод мифопоэтического анализа, можно заметить, что для формирования сюжетной модели и образа главного героя в своих романах писатель использует и евангельскую, и хасидскую версию этой притчи, актуализирует различные трактовки слова «блудный» в выражении «блудный сын», а также трансформирует традиционную систему персонажей притчи, используя характерные для своего творчества приемы «двойничества», экфрасис, а также прием «смены имени». Традиционные мифологемы притчи о блудном сыне в этих произведениях Рубиной интерпретируются как ключевые для ее мировоззрения концепты рода, дома, пути, самоидентификации, возвращения к себе.

Ключевые слова: ремифологизация, деконструкция, притча о блудном сыне, «мужская» и «женская» версии, экфрасис, прием «двойничества» и «смены имени».

Наблюдения над современным литературным процессом показывают, что одной из его ведущих тенденций является начавшийся еще в 20 веке процесс «возрождения мифа», или ремифологизации [1], т.е. «возвращения к мифу» и его включению в художественный текст. Мифопоэтика становится одним из актуальных направлений литературоведения, и в последние годы выходит множество научных работ, посвященных различным аспектам осваивания мифа художественным текстом, таким, например, как современная концепция категории мифа, неомифологизм как тип литературного творчества, миф как вторичная система и ее функционирование в современной литературе, подход современного мифа к литературному жанру и отдельно-авторский миф, вопрос о «герое», а также такие относительно новые явления, как «мифологическая вселенная» или «ретеллинг» и т.д. В современной литературе появляются произведения, в которых традиционный миф накладывается на авторский нарратив, что позволяет решать художественные задачи и в то же время планировать смысловую и композиционную организацию текста. Особый интерес представляет анализ возможностей функционирования мифа в произведениях, которые заимствуют жесткую структуру мифа («перенимающий» подход) или вплетают в контекст повествования эпизоды или мотивы мифа («оспаривающий» подход), в зависимости от чего выделяются два типа повествования: тип «скелета», когда миф становится идейной основой романа, и тип «ткани», когда мифологические элементы рассеяны по всему тексту [2]. В произведениях больших эпических форм, ориентированных на миф (как правило, мифоцентрических), часто комбинируются оба типа повествования. Это характерно и для циклических форм, и, в частности, для больших романских циклов Дины Рубиной.

Изучение мифопоэтической модели мира предполагает анализ универсальных культурно-исторических символов, образов и моделей (архетипов, мифологем, мифологических структур), закрепленных в коллективной памяти, а также индивидуально-творческих символов, ориентированных на коллективную память.

Среди культурно-исторических символов как объектов изучения мифопоэтики особое место занимают библейские (ветхозаветные, новозаветные и апокалиптические) образы и модели. Библейские, в особенности евангельские мотивы в культуре и литературе получили множество интерпретаций, претерпели смысловые трансформации, расширяющие их содержание и «перешли на уровень архетипов, т.е. оказались наделены свойством вездесущности, приобрели характер устойчивых психических схем, бессознательно воспроизводимых и обретающих содержание в художественном творчестве» [3].

К числу таких архетипических мотивов относится один из основополагающих христианских текстов - притча о блудном сыне, изложенная в Еванге-

лии от Луки. Ее содержание общеизвестно, в ней говорится о молодом человеке, который потребовал свою долю наследства, промотал его в чужих краях и после множества испытаний раскаялся в своем поведении и вернулся в дом своего отца, который принял и простил его. Среди множества толкований этой притчи и ее символики главным является то, что каждая заблудшая душа, отошедшая от Бога, может раскаяться и быть с любовью принята и прощена Им.

В искусстве и литературе притча о блудном сыне традиционно интерпретируется как история об «отцах и детях», история о конфликте поколений, а также как «история поиска» и «история возвращения» [4]. Универсальность этого архетипа позволяет в пределах художественного текста создавать множество его модификаций. Ключевую роль здесь может сыграть анализ значений слова «блудный» в выражении «блудный сын»: в Евангелиях на разных языках оно отличается.

В русском языке слово «блудный» имеет несколько значений. В словаре В. Даля приводятся следующие: 1. «блуждать, блудить» – уклоняться от прямого пути в прямом и переносном смысле; 2. «скитаться, шататься, сбившись с дороги...»; 3. «любодействовать»; 4. «отпадать от истинной веры, впадать в раскол или ересь». 5. Блудный-любодейный, распутный, нравственно блуждающий [5]. Заметим, что и в армянском языке значения слова блудный – «նըրսիւմ» (заблудший), «խիւնիւզիւմ» (сбившийся с дороги), «սիւնիւմ» (распутный) близки значениям на русском языке.

В латинском языке в выражении «блудный сын» используется слово *prodigo* – «щедрый, расточительный, транжира». То же – в английском, французском, итальянском, испанском языках.

В греческом языке выражение «блудный сын» – это “*oáotosyíós*”, где слово “*ásotos*” переводится и как «распутный, расточительный», и как «потерянный, неспасенный», что близко немецкому “*derverlorene*” – «потерянный», «утраченный».

«История возвращения» и «история поиска – магистральные сюжеты романов циклов Дины Рубиной, а история о блудном сыне – один из его главных архетипических мотивов. В циклах «Люди воздуха» и в трилогии «Русская канарейка» этот мотив является ключевым для моделирования композиции и сюжета, и системы образов персонажей и решения идейно-художественных задач. Кроме того, в произведениях Рубиной в различных сюжетных ситуациях и по отношению к разным персонажам актуальными оказываются все значения слова «блудный» в выражении «блудный сын».

Кроме общепринятого толкования этой притчи, в контексте ее переосмысления в произведениях Дины Рубиной особое значение приобретают и другие версии трактовки ее смысла и символики. Три из них связаны с Ветхим Заветом:

1. Образ блудного сына – это образ ветхозаветного Адама, который, в свою очередь, олицетворяет род человеческий. Ослушавшись Господа и совершив первородный грех, Адам отпал от Бога и был изгнан из рая, то есть из дома своего Отца. И он, и его потомки могут вновь обрести рай/дом Отца через искупление грехов и покаяние.

В православии известен старинный русский Плач, или Покаянный стих, первоначально исполнявшийся во время Великого поста; он датируется промежутком между XV–XVII веками. В современной версии этого Плача есть такие строчки: «Адам, отец вселенной, в раю знал сладость любви Божией, и потому, когда был изгнан из рая за грех и лишился любви Божией, горько страдал и с великим стоном рыдал на всю пустыню... Адам потерял земной рай и плача искал его; «Рай мой, рай, прекрасный мой рай...» [6]. Известны также версии апокрифа об Адаме и Еве, встречающиеся в арабских, сирийских, греческих, армянских, болгарских рукописях, в которых говорится о скорби Господа и Адама о грехе и изгнании из рая: «И поставлен был престол посреди Рая, и воззвал Господь громким гласом: «Адам, Адам, где ты?» – вещал сильный голос. Адам же скрылся. И схватили нас (Адама и Еву) ангелы, и яростно били нас, и изгнали нас из Рая. Адам же плакал и молился, говоря: «Пощадите нас, может, смилуется Господь над нами!» ... И так изгнали нас из Рая и отвергли нас. Мы же сидели, лишённые Эдема. Адам упал ничком и рыдал...» [7]. И еще раз образ Адама, изгнанного из Отчего дома, возникает в 136 (в 137-ом в западных переводах Псалтири) псалме царя Давида, известном, как «На реках Вавилонских»: «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; ... Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего...» [8]. Этот псалом в православии исполняется во время литургии в Неделю Блудного сына, т. е. во второе перед Великим Постом воскресенье, и тогда же читается притча о блудном сыне из Евангелия от Луки. В иудаизме этот псалом поют и по будням, и в знаменательные дни, и на Рош ха-Шана, т. е. на еврейский Новый год. Израильская исследовательница Галина Любан отмечает связь притчи о блудном сыне с празднованием Рош ха-Шана, когда в синагогах традиционно трубят в шофар (ритуальный духовой инструмент, сделанный из рога животного), звук шофара символизирует мольбу к небесному Отцу о любви и прощении [9].

2. С притчей о блудном сыне может быть соотнесена и история об Исходе евреев из Египта, их блуждании по пустыне и событиями, которые они пережили в течение сорока лет пути, пока наконец не достигли земли обетованной.

3. Заблудившимися, потерявшимися, утраченными детьми называют также десять колен Израилевых, уведённых из Северного Израильского Царства в ассирийский плен.

Для мифопоэтики творчества Дины Рубиной ключевое значение имеют и упомянутая христианская, и другая, хасидская версия притчи, которая отличается от евангельской. В хасидской версии в дальних странах блудный сын забыл родной язык и, вернувшись домой, даже не смог попросить слуг позвать отца. Тогда он в отчаянии закричал, и отец узнал его голос: в этой версии отец юноши слеп [10].

В первом цикле Рубиной «Люди воздуха» (куда входят три романа «Почерк Леонардо», «Белая голубка Кордовы» и «Синдром Петрушки») мотив блудного сына, сохраняя каноническую схему, выбивается за рамки его традиционных интерпретаций и получает новые трактовки. Он в той или иной степени проявляется во всех трех романах цикла, но во втором, в «Белой голубке Кордовы», он стал одним из центральных мотивов, связанных с образом главного героя, Захара Кордовина – художника-фальсификатора, который, гениально копируя чужую манеру, рисует или *дорисовывает, подправляет* найденные им картины малоизвестных художников. Он придумывает им провенанс (сведения о владении, продаже, дарении), историю находки картины и ее появления на рынке и продает, выдавая за работы знаменитых художников. У него есть и вторая, «официальная» профессия: он международный эксперт высокого класса по определению подлинности картин (причем ему часто доводится давать заключение о «подлинности» именно своих подделок). Захар уехал из родного дома в Виннице, жил и учился в Петербурге, потом переехал в Израиль, где у него есть дом и мастерская, есть у него пристанище и в Испании, но он нигде подолгу не живет и ездит по всему миру. В его образе архетипический мотив блудного сына реализуется с помощью трех взаимосвязанных, имеющих функцию «программирующих, обуславливающих сюжетное развитие» [11] мотивов: мотива рода, пути/возвращения и утраты/«подмены» своего предназначения. Эти мотивы, в свою очередь, реализуются в рамках синтетической жанровой формы – семейно-авантюрного романа, в котором есть и детективная линия, и элементы триллера. Она основана на истории рода Кордовиных/Кордовера, который также можно назвать «заблудшим, блуждающим, блудным» в прямом и переносном значении: спасаясь от инквизиции, их предок покинул родную испанскую Кордову и стал пиратом т. е. «уклонился от праведного пути»; его потомки неизвестными путями оказались в украинской Виннице, но свою «пиратскую» природу не утратили. У них «дурная кровь»: прапрадеда в Виннице называли «лихой человек», «испанец», «пройдоха и бандит», «страшный человек, который то уезжал черт-те куда и пропадал месяцами, то приезжал опять... Будто гнала его по свету какая-то нечистая сила. Ходили даже слухи, что он

кого-то порешил и потому всю жизнь бегал. То он был Кордовер, то Кордовин, то еще черт знает кто...И он врал, все время врал!» [12]. Дед Захара был неординарной личностью с авантюрной жилкой, «пират», воевал в Гражданскую войну, потом – в Испании, после чего служил в НКВД в высоком чине; главного героя разные персонажи называют, как и его прапрадеда, пройдохой, бандитом и пиратом. Таким образом, в образе главного героя Захара Кордовина реализуется постоянный для поэтики Рубиной прием неразрывной связи поколений и влияния предков на судьбы своих потомков. В образе героя аккумулируются черты всех мужчин его семьи: внешне он копия и полный тезка деда, «пират» и «бандит», у него есть оружие, он присваивает себе чужие имена и чужие картины, у него свое собственное понимание правосудия, он почти никогда не говорит правды, заводит множество романов и готов убить человека. В этом контексте актуализируется оригинальное греческое выражение из Евангелия “ο άσotosυιός”, «неспасенный сын», «неспасенный», заблудший, так как «не соблюдал заповеди» [13]: Захар крадет, прелюбодействует, лжесвидетельствует, желает чужое и способен на убийство.

Наследство из притчи символизируют в романе «Белая голубка Кордовы» три предмета: папка с подлинниками картин европейских художников, доставшаяся Захару от деда-тезки, старинная картина, которую Захар обнаружил в Толедо, в кафетерии «Палома бланка» (исп. «Белая голубка») и на которой, как выяснилось, изображен его предок, и главное – серебряный кубок с выбитым на нем галеоном и надписью на «неизвестном языке»; кубок в семье называют «наш удел». Издесь актуализируются несколько значений и коннотаций слова «удел»: 1. «доля», «часть имущества». Как в притче блудный сын, так и Захар в буквальном смысле транжирит, расточает свое наследство, продав семейный кубок антиквару, продавая дедовы картины на европейских аукционах и продав старинную картину пинакотеке Ватикана. 2. Удел – это и «судьба, участь», в данном случае можно понимать как «пиратская, бродяжья» участь. 3. Удел – это и символ Дома и самоидентичности (у Рубиной дом всегда означает и «род», и «семья»): Захар находит такой же кубок в испанской Кордове, в старинном доме своих родственников Кордовес. В финале романа сюжет замыкается: пройдя долгий несправедный путь и потеряв свое наследство, «блудный сын» Захар возвращается домой в буквальном смысле навсегда: его убивают в испанском городе Кордова, откуда началась история его рода.

В романе «Белая голубка Кордовы» притча о блудном сыне приобретает еще один дополнительный подтекст. Он выражается через мотив утраты/«подмены» истинного предназначения героя, который выстраивается на основе других значений слова «блудный»- «потерянный, расточительный, транжира». Захар наделен уделом/судьбой художника, но транжирит его на фальшивки, его дар потерялся, был подменен ложным ремеслом фальсификатора.

Маркером этого мотива является определение, которое несколько раз возникает в повествовании: свои гениальные подделки герой называет *мертво-рожденные*. Фальшивым картинам противопоставляется найденное героем изображение его предка, который, как постоянно подчеркивает автор, выглядит на картине как живой: он смотрит на своего потомка то с укоризной, то с печалью и т.п., во-вторых, перекликается с обликом и судьбой самого Захара: под сутаной монаха на картине обнаруживаются пиратский кинжал; только найдя эту картину, герой в полной мере осознает ложность своего пути и начинает «возвращаться к себе»: «...Впервые за много лет ты стал самим собой; не жалким подражателем, не поддельщиком, а зрелым мастером...» [14]. Чтобы по канону евангельской притчи привести своего героя к высшей степени отчаяния, чувству вины и раскаянию, автор заставляет его совершить предательство: Кордовин продает найденную картину Ватикану прямо во Дворце инквизиции, от которой в начале 16 века бежал изображенный на ней его предок испанский еврей Саккариас Кордовера.

Одним из ключевых образов этого романа является образ белой голубки, символика которого многослойна и многозначна [15]. Но в контексте роли и функции мотива блудного сына в романе можно выделить одно из значений этого образа: он может восприниматься как символ прощения и искупления. Так, в сцене смерти главного героя последнее, что он видит – белое голубиное перо: в Ветхом Завете перья голубки символизируют искупление и угодную Богу жертву [16].

В трилогии «Русская канарейка» разворачивается история двух семей, к которым принадлежат главные персонажи: глухая девушка-фотограф Айя и выдающийся контрабасист и разведчик Леон Этингер. В романе две основные сюжетные линии, эта двойная конструкция экспонируется многократным дублированием деталей и мотивов, среди которых ключевым является мотив блудного сына (последний том трилогии называется «Блудный сын»). Также, как и в романе «Белая голубка Кордовы», в «Русской канарейке» мотив блудного сына дополняется мотивами рода, пути/поиска, предназначения, искупления. В большом по формату произведении он имеет несколько смысловых планов; среди них отдельно стоит выделить план, связанный с концептами «отчий дом», «возвращение в отчий дом», которые являются постоянными элементами художественной системы произведений Рубиной. В «Русской канарейке» концепт дома выражен и в своем прямом значении – «жилье», «место, где живут люди», и как метафора, в значении «семья, род, династия». Семья Айи – это ее отец, а от прошлых поколений девушке досталась странная, как говорят родственники, «болезнь» ее бабушки – непреодолимое, патологическое стремление убежать из дома (в психиатрии называется «синдром бродяжничества», возникает на фоне стресса); у Леона в роду несколько поколений интересных, выдающихся музыкантов с семейными историями и

легендами, с удивительными поворотами в судьбах. Выражение «Дом Этингера», которое придумал ее родоначальник Соломон Этингер и которое много раз повторяется в повествовании в драматических для семьи ситуациях (например, «Какая в том беда дому Этингера!») подразумевает именно династию, род. В этом контексте концепты «дом», «наследство» приобретают в трилогии множество разных значений для реализации мотива блудного сына.

В «Русской канарейке» притча о блудном сыне коррелирует с отсылками к двум произведениям искусства: картине Рембрандта «Возвращение блудного сына» и оратории “*Der verlorene Sohn*” (нем. «Блудный сын») барочного композитора 18 века Маркуса Свена Вебера, т. е. автор использует прием экфрасиса. Архетип блудного сына соотносится, прежде всего, с образами двух центральных персонажей, Леона и Айи. Аллюзия на картину Рембрандта возникает в начале первой книги, когда Леон готовится к исполнению оратории Вебера. Впечатление от картины, ее свет, цвет, некоторые детали постоянно отражаются в повествовании, хотя прямо о ней говорится только в финале. Так, обритая голова Леона – аллюзия на бритую голову младшего сына с полотна Рембрандта; у отца на картине отрешенный, полный покоя, невидящий взгляд, – в финале романа ослепший Леон умиротворенно и отрешенно будет петь партию отца в оратории Вебера, а партию сына споет его маленький сын Гаврик. У отца на картине две разные руки, маленькая и большая, «мужская» и «женская». Эта деталь много раз отмечена искусствоведами, так, канадский писатель и богослов Генри Нувен, автор посвященной полотну Рембрандта книги «Возвращение блудного сына» считает, что большая рука символизирует сильную, надежную отцовскую любовь, маленькая, лежащая на спине юноши, символизирует материнскую руку и материнскую любовь [17]. В романе есть персонаж с такими руками, антиквар Адиль, лавку которого в Иерусалиме Леон-разведчик использует в своих целях. На образе Адиля (его имя на арабском значит «справедливый, благородный», можно считать, что в романе его убийство требует справедливой мести) сходятся основные линии повествования. Во-первых, в его лавке Леон находит пропавшие прадедовы книги с гербом рода Этингеров на форзаце: это становится своеобразным символом начала пути к себе, к своему роду и своему предназначению. Во-вторых, история Леона и Айи начинается по-настоящему не на острове Джум в Адамандском море, где они встретились впервые, а позже, когда Айя показывает Леону случайно сделанную фотографию двух разных рук Адиля. Эта деталь получает текстообразующую и моделирующую сюжет функцию: она и сводит героев, и подсказывает, что в повествовании «зашифрованы» две версии притчи о блудном сыне, «мужская» и «женская». Далее герои соединятся, вернутся домой и у них родится сын, наследующий редкий

голос отца и форму рук матери. Смысловую цепочку, связанную с этой деталью, в финале трилогии замыкает парафраз цитаты из Библии, обращенной к сыну героев: «Голос, голос Леона, а руки, руки Айи»¹.

Второй план мотива блудного сына связан с обстоятельствами жизни героев. Родившийся в Одессе Леон возвращается на землю предков, в Израиль, где становится высококлассным контрразведчиком и одновременно выдающимся оперным певцом. Он постоянно разъезжает по миру, то есть оказывается, как в притче, в «дальней стороне» [18]. Айя – «женский вариант» архетипа блудного сына, в ее случае этот мотив усложнен, усилен мотивом бегства. Она тоже получает наследство (от школьного учителя достается фотоаппарат (в поэтике Рубиной архетип Учителя всегда равноценен образу отца) и с этим наследством уходит из отчего дома и уезжает в «дальние страны». Маршруты Айи, как и Леона, обширны: Англия, Израиль, Европа, Азия, Южная Америка, где Леон и Айя, как и герой еврейской версии притчи, «теряют» родной язык, потому что говорят не на родном, а на множестве иностранных языков. Таким образом Айя, как и ее бабушка – беглянка, «блудная дочь»: она возвращается к отцу только тогда, когда нуждается в отцовской любви и опеке и когда родительский дом оказывается для нее единственным пристанищем. Можно отметить и противоположное отношение героев к понятию «дома»: Леон внимателен к местам, где живет и где бывает, он обустроивает, украшает свое жилье, Айе же безразличны условия, в которых она живет, дом для нее связан только с Леоном. Асимметричны и их внутрисемейные отношения: «последний по времени Этингер» Леон берет на себя ответственность за двух своих «старух», Стешу и Эську, мать он воспринимает как своего «вечного ребенка». И наоборот, Айя совершенно несемейный человек, к родственникам, за исключением своих лондонских родственников, Фридриха и Гюнтера, которых она ненавидит и боится и которые сыграли в ее судьбе и в судьбе Леона фатальную роль, она равнодушна, а с отцом, которого очень любит, у нее непростые отношения, что тоже является маркером связи ее образа с архетипом блудного сына.

Аллюзия на этот архетип возникает уже в первой книге трилогии, где рассказывается предыстория героев и их семей и где тоже можно увидеть несколько персонажей, подходящих под определение «блудный», в значении «утраченный» или «потерянный», сын. Так, двоюродный дед Айи, дядя Коля Каблуков по прозвищу «Зверолов», был сыном состоятельного купца-конезаводчика, но тоже отбился от дома, примкнул к большевикам и ездил по «дальним странам» делать революцию. Отец Айи не знал ни свою мать, ни отца,

¹«Иаков подошел к Исааку, отцу своему, и он ощущал его и сказал: голос, голос Иакова; а руки, руки Исавовы, Быт, 27:22.

его воспитывала бабушка, то есть и он оказался «утраченным» сыном. В контексте истории семьи Этингеров вариантов мотива блудного сына оказывается несколько, и их история насыщена аллюзиями на Библию: прапрадед Соломон Этингер сначала «потерял» свое настоящее имя и язык и стал царским солдатом Никитой Михайловым, потом, отслужив в армии, то есть тоже, по сути, побывав в дальней стороне, вернулся домой и вернул свое родовое имя; как у ветхозаветного Авраама, у Соломона на склоне лет родился сын Герцль, тоже потерявший имя и родной язык и ставший Гаврилой Оскаровичем (характерно, что все разговоры в семье, не предназначенные для чужих ушей, ведутся на идише). От прапрадеда осталось наследство: три старинные книги на иврите и царский червонец, которые сыграют важную роль в сюжете. В свою очередь, у Гаврилы Оскаровича родился сын Яков, чья история жизни является почти буквальным повторением событий библейской притчи и зеркальным отражением истории Леона: он ушел из отчего дома, стал революционером, потребовал и забрал наследство Дома Этингеров: книги предка и царскую монету. Встреча отца и сына, когда после долгого отсутствия Яша вернулся в родительский дом, повторяет действие оратории Вебера: отец и сын поют каждый свою партию, но здесь актуальна и аллюзия на еврейский вариант притчи: они повышают, подают голос, т.е., по сути, кричат, чтобы быть услышанными друг другом: «...Безумный отец не «пал на шею» сыну, не ощупал дрожащими руками согбенную спину бродяги-чекиста.... Увидев сына, он сначала не узнал его, а узнав, первым делом, конечно, запел... Вначале Яков Гаврилыч пытался что-то сказать, старался даже перекричать отца – все бесполезно. Так он тогда... взял и тоже запел... Папаша гремел: «Проклина-а-а-аю!!! Проклина-а-аю!!!» А тот: «Оте-е-ец! Ты не знаешь, что пришлось пережи-и-и-ить!... А помните, помните, барышня, как пели они на даче дуэтом. Помните, голоса-то их... как две чайки над морем?». Но Яша вернулся в отчий дом без раскаяния и смирения и не за отцовским прощением («Возвращение – ну, может, и не возвращение, а так, прогулка до ридной хаты – блудного сына...»), поэтому не спасся, погиб, и понимая это, не сопротивляется аресту: «...Яшу взяли тут же, во дворе... двое мужчин, таких себе хлюпиков... Яков Гаврилыч мог разметать их, как воробьев, да и поминай как звали... Но почему-то не разметал. Помолчал так с минуту и будто покорился: опустил голову, достал наган и отдал» [19]. Надо отметить, что дом Этингеров во всех смыслах притягивает к себе своих детей: после долгих странствий возвращаются домой Яша и Эська, из Магадана к Этингерам приезжает на время и остается навсегда Владка, «приблуда» Стеша обретает в нем семью, и в итоге сама становится его ангелом-хранителем: «Стеша... Эта женщина стала Домом Этингера...» [20].

Третий, главный и самый сложный в смысловом и структурном отношении план мотива блудного сына связан с образом главного героя. Леон Этингер – оперный певец-контратенор и одновременно сотрудник израильской контрразведки, и эти две его ипостаси находятся в постоянном конфликте друг с другом, заставляя героя пройти тяжелый и мучительный путь к себе (что у Рубинной всегда связано с мотивами рода, зова крови, призвания). Эта идея выражается и композиционно: роман начинается с Пролога, в котором Леон артистически выполняет оперативное задание и ощущает себя больше азартным Охотником, чем певцом, и даже исполняя оперную арию, он переживает то же, что и во время контрольного выстрела в голову врага; в Эпизоде, пережив мучения и пытки в плену, ослепший Леон, наконец, становится самим собой: певцом, Голосом. Через плен и пытки Леон проходит путь искупления и делает окончательный выбор, не случайно главным, что помогает ему не сломаться в плену, становится музыка: «Спасал его неизменно Артист, тот самый, что всю жизнь властно правил его личностью и ни разу еще не подвел... Приходя в сознание, он молча пел., распевался «Ликующей Руфью...» [21]. «Ликующая Руфь» – это ария-оратория итальянского композитора 18 века Антонио Виральдини на ветхозаветный сюжет, в которой противопоставлены его героиня Руфь и хор, где Руфь – носительница идеи сугубо земного существования, а хор – некой высшей небесной сущности, связанной с человеческим бытием. В ней есть такие строки: «Это будет... Там, в небесах/ Где гимны звезд/Но здесь, в земной юдоли, /где с ветром пролетающим я плачу,/Необратима тьма небытия безмолвная. /Но той вечности всесильной/не погасить свечи/Зажженной духом...» [22].

В этом контексте ключевое значение имеет оратория «Блудный сын», написанная немецким композитором Вебером, которого в реальности не существовало (в отличие от множества других композиторов и их произведений, о которых говорится в трилогии). В ней в начале романа Леон поет партию блудного сына, в финале – партию отца, причем Рубина, придумывая свою, то есть Маркуса Свена Вебера, ораторию, объединяет две версии, евангельскую, и хасидскую, возможно, подсказывая это и в тексте романа: «...начала «Хисторикус» продолжил свой поучительный рассказ, притча катилась дальше, дальше: и встал блудный сын, и пошел к отцу своему, и когда был еще далеко, *увидел* его отец и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его...», далее «После пропетого «Хисторикусом» «дэрэрблиндете Фатер» («ослепший отец») следует поистине ангельское умиротворение, дуновение эфира, стон по утраченной душе» [23].

Автор подробно излагает содержание оратории и переводит с немецкого музыкальные реплики, некоторые из них важны для понимания и трактовки образа героя и проецируются на его судьбу.

1. Первая фраза оратории «У некоего человека было два сына: под образом этого человека подразумевается Бог; два сына – это грешники и мнимые праведники» может также указывать на двойственность образа Леона (ср. в канонических Евангелиях «Еще сказал: у некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу...»)-сыновья никак не определяются) и на его борьбу с самим собой, со своими двумя обличиями: «Леон ...проговорил ровным, почти легкомысленным тоном: Знаешь, все жду – когда я начну петь во сне... Ну, обычно человек совершает во сне то, чем занят наяву... Плотник строгают, парикмахер стрижет, портниха кроит или там вертит ручку швейной машинки. Все жду – наступит ли день, когда во сне я буду петь, а не подсекать бегущего человека, перебрасывать его через себя, ломать ему позвоночник или душить двойным нельсоном...» [24]

2. «Собрав все, пошел: тяжела ему показалась опека отеческая...». Самым нетривиальным приемом в интерпретации притчи о блудном сыне в романе «Русская канарейка» является то, что роль Отца автор распределяет между тремя персонажами. Первый родной отец главного героя, которого он никогда не видел, двух других, Иммануэля и Аврама, Леон встречает в Израиле, и оба сыграли в его жизни важные роли. Они, каждый по-своему, проявляют к Леону отеческую любовь и опеку, и здесь можно увидеть переключку с двумя руками отца на картине Рембрандта, тем более что оба персонажа наделяются автором соответствующими чертами, на что указывают и их имена: Иммануэль – умный, сильный, мужественный, его имя на иврите означает «с нами Бог» или «Божественное присутствие», Аврам мягкий, заботливый, семейственный, любящий отец четырех дочерей, чье имя и означает «отец» или «отец наш». Можно отметить, что первый из них находится в начале пути Леона, второй встречает его в конце пути. Характерно, что Леон с Иммануэлем говорят друг с другом только на русском, т. е. на одном языке. Иммануэль опекает Леона, помогает ему в самые тяжелые моменты его жизни; Леон становится оперативником с подачи Иммануэля, и тот же Иммануэль подсказывает ему путь ухода от оперативной работы к музыке. В финале романа линии трех персонажей-«отцов» сходятся: Леон мстит Гюнтеру и в память об Иммануэле; выручил его из плена не родной отец, но сводный брат (старший в семье, что может быть и аллюзией на старшего брата из притчи) и родной дядя, а встречать Леона после обмена пленниками придет, вопреки всем запретам Аврам: «Перед тем как самолет из Никосии, уже с Леоном на борту, поднялся в воздух, Шаули позвонил Авраму предупредить: извини, мол, в другой раз, попозже, сейчас не до тебя.

– Да я уже здесь, – перебил его Аврам. – ... А ты как думал? Ведь это мой сын, понимаешь? Мой сын... Забрался внутрь «скорой», сидел рядом с носил-

ками, держал Леона за руку, монотонно, хрипло повторяя: – Мальчик... мальчик... И по тому, что, отнимая руку, возвращал ее мокрой, было понятно, что он плачет не переставая» [25] – парафраз эпизода из библейской притчи.

3. «Так человек, наделенный от Бога дарованиями духовными и телесными, почувствовав влечение к греху, начинает тяготиться божественным законом...». Эта фраза является ключевой для понимания образа главного героя. В качестве дара можно рассматривать его гениальный певческий и артистический талант, влечения к греху – умение выслеживать и убивать, его другая ипостась разведчика. Но Леон – артист, даже свои разведывательные операции он режиссирует и проводит как спектакли, с переодеваниями, гримом, костюмами, планированием ролей и декораций. Два этих дара ввелись в его плоть и кровь, и он постоянно пытается разрешить это мучающее его противоречие. Поэтому во второй книге трилогии возникает идея спеть ораторию Вебера иначе, по-другому расставив акценты: «... а что, если иначе оркестровать эту ораторию? Добавить в нее голос мальчика... Чистый безгрешный альт. Вы же с вашим бесподобным совратительным голосом будете – знак греха, падения, душевной низоты... А в финале – дуэт этих двух голосов, как сама адская амбивалентность человеческой природы, как два крыла падшего ангела, где – и высота, и страшное падение в бездны порока...» [26]. Окончательное решение этого конфликта выражено в фразе, которую Леон говорит своему сыну, объясняя, что такое блуд: «Это когда голос души тонет в мерзости и забывает сам себя» [27].

Модификация образа блудного сына возникает и в трилогии Рубиной «Наполеонов обоз», хотя в его основе и лежит другая мифологическая модель. Главный мужской персонаж трилогии, Аристарх (Стах) Бугров, отличается от образов Захара Коровина и Леона Этингера: в начале трилогии это мальчик из благополучной семьи и у него, в отличие от первых двух персонажей, об отцах которых почти ничего не известно, есть и отец, и старая семейная легенда, из-за которой в мальчиков в семье называют двумя именами: Семен и Аристарх. Именно имя выступает здесь маркером «блудного сына» (и в «женском» варианте притчи – «блудной дочери»), причем «блудный» здесь понимается как немецкое «утраченный», «потерянный». В трилогии «Наполеонов обоз» мотив «утраченного ребенка/сына/дочери» связан с приемом изменения имени, переименования. Кроме моделирующей сюжет функции, этот прием получает в романе смысловую нагрузку: он дает возможность автору размышлять о том, насколько имя оказывается маркером самоидентификации, своей принадлежности к роду/семье/Дому, и до какой степени оно влияет на судьбу его носителя (можно отметить также, что Рубина расширяет эту проблему, размышляя о судьбе своего народа в разные исторические эпохи). В книге «Наполеонов обоз» три героя утрачивают свое настоящее имя: мать Стаха, которая была дочерью репрессированных ленинградцев, и

смена имени спасла ее от участи «дочери врагов народа», старый зек Зовименя-Гинзбург, который «поменялся» именем с татариним Мусой Алиевичем Бакшеевым, чтобы выжить в немецком плену, и сам главный герой Аристарх Бугров, имя которого «украл» его родственник Витька Матвеев, чтобы завладеть наследством Бугровых – драгоценностями предка, наполеоновского офицера Анри Бугерини. Не случайно, очевидно, и мать, и Гинзбург – две «опорные» фигуры для образа главного героя: мать спаслась, но прожила не свою жизнь, Гинзбург спасся и прожил жизнь так, как хотел, благодаря характеру и воле, Стаху, потерявшему дом, имя и наследство, надо сделать свой выбор. И тогда «блудный», т. е. «потерянный» сын Стах Бугров пускается в путь в прямом и переносном смысле, чтобы вернуть свое имя и свое наследство. Нужно отметить, что для Стаха наследством является не сами мифические драгоценности предка, а имя как знак принадлежности к роду (как и Захар Кордовин, он полный тезка своего предка и своего деда) т. е., по мысли другого героя Рубиной, к «Дому» Бугровых-Бугерини, и как знак обретения, возвращения себя.

Библейские истории и мотивы являются универсальными схемами для моделирования сюжетов художественных произведений, поскольку допускают множество композиционных трансформаций и смысловых интерпретаций, наделяющих традиционные образы и модели новым содержанием, которые, будучи помещенными в другую художественную реальность, сохраняют основные структурные черты архетипа. В произведениях с мифоцентрическим или мифогенным типом повествования библейские и евангельские сюжеты, кроме структурообразующих и сюжетомоделирующих, могут выполнять и другие функции, среди которых важной представляется смыслообразующая, которую кратко можно обозначить как «авторская интенция к преодолению экзистенциального хаоса». Интерес писателя Дины Рубиной к таким взаимосвязанным ключевым понятиям ее художественного мира, как род, семья, предназначение, свой путь, укладывается в рамки этого алгоритма и находит свое выражение в больших романых циклах, в основе которых лежит, в том числе, и сюжет о блудном сыне.

Подводя итоги данного исследования, можно отметить, что интерпретация притчи о блудном сыне в произведениях Дины Рубиной опирается как на христианскую, так и в большей степени на хасидскую традицию; при конструкции сюжета произведений и моделировании образов главного героя/героини актуализируются значения слова «блудный» из Евангелий на разных языках; «вспомогательным» приемом является характерный для творчества Рубиной прием экфрасиса, а также прием «смены имени», направленные на развитие образа главного героя и его эволюцию; модель и система образов притчи в определенной степени подвергается деконструкции: архетипиче-

ские образы могут дублироваться или даже тройиться, могут замещаться другими персонажами со смежными функциями в романе, могут иметь и «мужскую», и «женскую» версии, а такие мифологемы, как «имение/наследство», «нужда/страдание», «дом/дом отца» получают как овеществленное, так и отвлеченное (духовное, ценностное) воплощение; они интерпретируются через понятия дома/рода/родины, самоидентификации, духовного поиска. Стоит отметить также, что архетип блудного сына становится одним из основополагающих элементов поэтики писателя, поскольку в произведениях, в которых модель притчи о блудном сыне не является магистральной (как, например, в трилогии «Наполеонов обоз» или двух других романах цикла «Люди воздуха»), ее мифологемы и их интерпретации являются постоянными, имплицитно выраженными, моделирующими образ героя-протагониста Дины Рубиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. 3-издание, репр., Москва, 2000. С. 8.
2. Пьянзина В.А. Авторский миф как жанр современной литературы// *Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* 2017. No 9(43). URL: <http://7univsum.com/ru/philology/archive/item/5111>.
3. Чернов А.В. Архетип «блудного сына» в русской литературе 19 века// *Евангельский текст в русской литературе 18–19 веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр.* Петрозаводск, 1994. С.152.
4. Борхес ХорхеЛуис. Эссе «4 цикла». Изд-во «Северо-Запад», СПб, 1992.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х т. Т.1, М.: «Терра», 1995.
6. См.: *Преподобный Силуан Афонский*: avravcheremushkah.ru/stati-i-publikatsii/razmyshleniya-o-vazhnom/plach-adamov/. Дата обращения 15.09.2024.
7. См.: *Собрание текстов // Библиотека Древней Руси/Том 3 Об Адаме и Еве.* <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4914>. Дата обращения: 15.09.2024.
8. *Псалом 136, 136:1–6*, Новый Завет, Синодальн. пер.
9. Любан. Г. Возвращение блудного сына. Больше, чем видит глаз. М., 2007, С. 7.
10. Там же. СС. 8–9.
11. Путилов Б.Н. Мотив как сюжетобразующий элемент Текст/ Б.Н. Путилов // *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей в память В.Я. Проппа.* М.: «Наука», 1975. СС. 100–114.
12. Рубина Дина. Белая голубка Кордовы. М.: Изд-во «Эксмо», 2009. С. 65.
13. Горелик Михаил. Притчи о блудном сыне. Текст / Журнальный зал // *Иерусалимский журнал*, 2013, № 47.
14. Рубина Дина. Белая голубка Кордовы. М.: Изд-во «Эксмо», 2009. С. 82.
15. Шафранская Э. «Синдром голубки. Мифопоэтика прозы Дины Рубиной». СПб., Изд-во «Свое издательство», 2012. СС. 7–12.
16. *Книга Левит.* Глава 1, 1:14–17.
17. Нувен Генри. Возвращение блудного сына. Изд-во ББИ, 2002, 170с.
18. Ев. от Луки, гл.15, 15:13.
19. Рубина Дина. Русская канарейка. Т.1.М.: Изд-во «Эксмо». С. 36.

20. Там же.
21. Там же, т. 3. С. 63.
22. Хоровая википедия, <https://www.xn--b1amahrn2b.xn--хоровики РФ>. (Дата обращения 25.09.2024).
23. *Рубина Дина*. Русская канарейка, Т. 1. С. 28.
24. Там же, т. 2. С. 12.
25. Там же, т.3. С. 74.
26. Там же. С. 17.
27. Там же. С. 76.

**THE PARABLE OF THE PRODIGAL SON AND THE
ARCHETYPE OF THE “PRODIGAL SON” IN THE NOVELS OF
DINA RUBINA**

R. Sargsyan

Yerevan Northern University

s.ruzanna@hotmail.com

ORCID: 0009-0009-4537-8879

ABSTRACT

The article is devoted to the peculiarities of the interpretation of the parable of the prodigal son and the archetype of the “prodigal son” in Dina Rubina's novel “The White Dove of Cordoba” and in the trilogies “The Russian Canary” and “Napoleon's Train”.

The process of remythologization of literature that began in the 20th century has led to the fact that archetypal structures and images are widely used in modern literary works to create multi-layered and symbolically rich texts that interpret textbook general cultural models in a new way. These include biblical (Old Testament, New Testament and apocalyptic) images and schemes, which in modern fiction may deviate from the traditional interpretation of images and meanings. Having set the task of studying the features of the implementation of the parable of the prodigal son and its key images in the novels of Dina Rubina “The White Dove of Cordoba”, “The Russian Canary” and “Napoleon's Train” and having applied descriptive, comparative and analytical methods, it can be noted that in order to form the plot model and the image of the main character in her novels, the writer uses both the Gospel and Hasidic versions of this parable, actualizes various interpretations of the word “prodigal” in the expression “prodigal son”, and also transforms the traditional system of characters of the parable, using the techniques of “doubleness”, ekphrasis, and the technique of “name change” characteristic of her work. The traditional mythologemes of the parable of the prodigal son in these works by Rubina are interpreted as key concepts for her worldview: family, home, path, self-identification, and return to oneself.

Keywords: remythologization, deconstruction, the parable of the prodigal son, “male” and “female” versions, ekphrasis, the technique of “doubleness” and “change of name”.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аршакаян М.А. – аспирант Кафедры международного и европейского права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Восканян М.А. – д.э.н., доцент, заведующая Кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Габриелян А.С. – аспирант Кафедры педагогики и методики Государственного университета имени В.Я. Брюсова.

Манукян И.К. – аспирант, преподаватель Кафедры управления и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Маргарян Н.И. – старший преподаватель Кафедры политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Мелконян Г.А. – аспирант, ассистент Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Сандоян Э.М. – д.э.н., профессор, ректор Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Саркисян Р.А. – к.филол.н., доцент Кафедры языков, литературы и журналистики Ереванского Северного университета

Степанян И.К. – ст. преподаватель Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Тавадян А.А. – к.э.н., доцент Кафедры математических методов и информационных технологий в экономике и бизнесе, заведующий лабораторией цифровой экономики Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Тавадян Э.А. – ассистент Кафедры математических методов и информационных технологий в экономике и бизнесе Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Тер-Варданян А.А. – соискатель Кафедры политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Тунян А.А. – аспирант Кафедры гражданского права и гражданско-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

**ВЕСТНИК РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ,
№4 (51) 2024.**

**VESTNIK OF RUSSIAN-ARMENIAN UNIVERSITY. SERIES:
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES, No. 4 (51)/2024.**

*Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян
Специалист РНИ – А.С. Есяян
Компьютерная верстка – А.С. Бжикян*

*Editor-in-Chief of the EOSP – M.E. Avakyan
EOSP specialist – A.S. Yesayan
Computer layout – A.S. Bzhikyan*

Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
тел./факс: (+374 12) 77-57-75 (внутр. 392)
e-mail maria.avakian@rau.am

Address of the Editorial Board of Scientific
Publications of the Russian-Armenian University:
0051, Yerevan, st. Hovsep Emin, 123
tel./fax: (+374 12) 77-57-75 (ext. 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am

Заказ № 27
Подписано к печати 26.06.2024г.
Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Объем 10 усл. п.л. Тираж 100 экз.

Order No. 27
Signed for publication on June 26, 2024.
Format 70x100¹/₁₆. Offset paper No. 1.
Volume 10 conv. p.l. Circulation 100 copies.